

МАРЕСЬЕВ

Николай
Карташов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

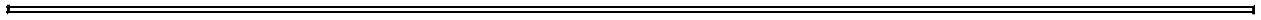
Имя летчика-истребителя А. П. Маресьева вошло в книги, кинофильмы и школьные учебники как имя человека нестигаемой воли и величайшего мужества, отваги и героизма. Кто знает, выстоял бы Советский Союз в той страшной и кровавой войне, если бы не было таких настоящих патриотов Отечества, как А. П. Маресьев. В послевоенные и последующие годы на примере его яркого подвига были воспитаны тысячи героев, он вселил веру и вернул надежду великому множеству людей, оказавшихся по тем или иным причинам в трудных жизненных ситуациях.

Эта книга — единственная на сегодняшний день полная биография легендарного летчика, человека-легенды. Она написана на основе воспоминаний как самого А. П. Маресьева, так и воспоминаний его земляков, однокашников, однополчан, военачальников, коллег по работе и т. д. Органично вплетены в канву повествования и впервые представлены читателю материалы, которые автор разыскал в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации, Российском государственном архиве социально-политической истории, Центральном архиве военно-медицинских документов — филиале Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации.

- [Николай Карташов](#)
 -
 -
 -
 -
 -
 - [Глава 1. Мечта о небе](#)
 - [Глава 2. Обретение крыльев](#)
 - [Глава 3. Жаркое небо 41-го](#)
 - [Глава 4. «Из боевого вылета не вернулся»](#)
 - [Глава 5. Русский характер](#)
 - [Глава 6. На войне как на войне](#)
 - [Глава 7. Настоящий человек](#)
 - [Глава 8. На ветеранском фронте](#)
 - [Глава 9. Яркий свет подвига](#)
 - [Глава 10. Последний полет](#)
 - [Вместо эпилога](#)

- [Основные даты жизни и деятельности А. П. Маресьева](#)
- [Литература](#)
- [Над книгой работали](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)

- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2107

(1907)

Николай Карташов Маресьев

Москва

Молодая гвардия

2022

Автор и издательство выражают благодарность за помощь в создании книги сотрудникам Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива военно-медицинских документов — филиала Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, муниципального бюджетного учреждения культуры «Камышинский историко-краеведческий музей», а также персонально В. А. Маресьеву, сыну А. П. Маресьева.

© Карташов Н. А., 2022

© Издательство АО «Молодая гвардия», художественное оформление,

2022

*

Глава 1. Мечта о небе

Никогда и нигде я не видел такого неба, такой чистой и голубой лазури, как в Камышине. Как захотелось мне тогда летать...

А. П. Маресьев

В один из теплых летних дней 1929 года безмятежную тишину небольшого приволжского городка Камышина и его окрестностей нарушил непонятный назойливый гул, вязко тянувшийся из-за Волги. Однако по мере приближения к городу гул перешел в трескучий рокот. Первыми на непонятный звук отреагировали мальчишки, купавшиеся в реке.

— Аэроплан! Пацаны, смотрите, аэроплан! — радостно закричал черноволосый широколицый мальчишка лет четырнадцати, внешне похожий чем-то на китайца.

Он быстро вылез из воды и проворно вскарабкался на крутой берег, чтобы лучше рассмотреть самолет. Это был Алексей Маресьев. Его примеру тут же последовали сразу несколько ребят. Дружно, как по команде, задрав головы, они завороженно устремили взоры к небу, под голубым куполом которого совсем низко летел самолет. Сотни чаек, тревожно крича, кружили над двукрылой красноразветвленной машиной. Аэроплан летел настолько невысоко, что даже без бинокля можно было разглядеть в кабине пилота в шлемофоне и больших очках.

— Ух! Как здорово!.. — раздавались восторженные голоса.

Но небесное представление продолжалось недолго. Самолет, под разноголосый и отчаянный хор птиц, протарахтев над Волгой, взял курс в сторону Сталинграда^[1]. Ребята же, забыв о купании, ни через час, ни через два не могли прийти в себя. Впечатлений было через край. Какое-то новое, захватывающее чувство овладело ими. Еще бы! До недавнего времени они видели аэропланы только лишь на фотографиях в газетах и журналах, а тут довелось лицезреть самолет вживую. Удалось рассмотреть даже летчика, который приветливо помахал им рукой...

На следующий день разговор об аэропланах, о людях, которые ими управляют, вновь возник в ребячьем кругу. Толковали о том, как бы посидеть в кабине самолета, а еще бы лучше — подняться на крылатой машине под облака и обозреть землю с высоты птичьего полета.

— Пойду учиться на летчика! — неожиданно для всех заявил Алексей Маресьев. — Не поверите, ребята, ночь не спал, все думал о самолетах...

— Ты это, Леха, серьезно говоришь или шутишь? — спросил его кто-то из друзей. — Тебя же по здоровью комиссия забракует. Разве не знаешь, что в авиацию крепких ребят берут?

— Знаю! Все равно своего добьюсь! Вот увидите! — упругим голосом, крепко сжав кулаки, сказал он.

Действительно, у Алексея не все было ладно со здоровьем. В раннем детстве он переболел очень тяжелой формой малярии. И с тех пор страшно маялся от последствий этой страшной инфекционной болезни: сильно болели суставы, тело хватали дикие судороги. Малярия оставила недобрый след и на лице, сделав его, как уже сказано, похожим на китайца.

Случалось, что болезнь особенно жестоко поступала с Алексеем. Несколько раз одноклассники приносили его на руках из школы домой, так как ноги не могли идти... Мать, всхлипывая, сразу накладывала сыну компрессы из лопуха или листьев березы. Народные средства помогали, недуги на некоторое время отступали, а затем опять давали о себе знать. Соседи Маресевых, видя страдания мальчика, между собой укладкой перешептывались:

— Ленька совсем заплохел, долго не протянет...

Поэтому решение Алексея пойти учиться на летчика не получило ни у друзей, ни у родных одобрения и поддержки. Однако надо было знать норовистый характер Маресева. Если уж он что-то задумал, то не остановится ни перед чем, обязательно достигнет поставленной цели. Как будет идти к исполнению заветной мечты будущий прославленный летчик — рассказ впереди. А пока обратимся к истокам его биографии.

Официально считается, что Алексей Петрович Маресьев родился 20 мая 1916 года в уездном городе Саратовской губернии^[2] — Камышине. Название этого города фигурирует во всех без исключения советских и российских энциклопедиях, справочниках, документальной и художественной литературе, где идет речь о биографии Маресева. Вот строки из Большой советской энциклопедии: «МАРЕСЬЕВ Алексей Петрович [р. 7(20).5.1916, Камышин], советский летчик, майор, Герой Сов. Союза (24.8.1943). Чл. КПСС с 1944». Аналогичный текст помещен в Кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза»: «МАРЕСЬЕВ Алексей Петрович, род. 20.05.1916 в г. Камышин, ныне Волгогр. обл. в семье рабочего. Русский».

«Городок, в котором я родился, Камышин, был маленький, тихий и зеленый, — писал впоследствии в своих воспоминаниях Маресьев. —

Главным его украшением и главной радостью камышинских мальчишек была Волга. На Волге можно было пробыть с раннего утра и до позднего вечера и не соскучиться».

Дата рождения Маресьева — 20 мая 1916 года, как мы видим, также не вызывала сомнений у составителей справочно-энциклопедических изданий. Ее Алексей Петрович указывал в большинстве автобиографий и анкет, коих ему за долгую жизнь пришлось составить и заполнить огромное количество.

Между тем ни место, ни дата рождения нашего героя не совпадают с данными документов, которые были не так давно обнаружены. Так, в метрической книге Свято-Троицкой церкви города Камышина за № 40 от 25 мая 1916 года засвидетельствовано, что Алексей Маресьев «рожден 16 мая^[3] у Петра Авдеевича сына Маресьева и жены его Екатерины Никитичны на хуторе Веревкин Верхне-Добринской волости Камышинского уезда Саратовской губернии». В этой церкви его, младенца, как и полагается, крестили в купели. Запись в метрической книге — единственный документ, где указано первоначальное место рождения Маресьева. В дальнейшем местом его рождения везде стал писаться Камышин.

Что касается первоначальной даты рождения, то она присутствовала в справках, анкетах Маресьева вплоть до конца 1930-х годов. Это подтверждает и «Выпись из книги записи рождений за 1916 г.». В ней сказано, что Алексей Маресьев родился «тысяча девятьсот шестнадцатого года 16 мая». Выписка датирована 1924 годом, заверена печатью и тремя подписями работников Верхне-Волжского управления Рабоче-крестьянской милиции и отдела ЗАГС.

Есть еще один документ, хранящийся в личном деле Маресьева. Это свидетельство о рождении № 40, выданное 23 октября 1933 года Камышинским отделом ЗАГС. В нем значится уже совсем другая дата и говорится о том, что «Маресьев Алексей Петрович родился в 1916 году 29 числа мая месяца, о чем в книге записей гражданского состояния за 1916 год 7 числа июня месяца произведена соответствующая запись». Эту дату продублировал 4 июля 1940 года помощник начальника отдела кадров Батайской военной авиационной школы пилотов лейтенант Климентов. В справке, выданной Маресьеву, кадровик записал, что «он действительно родился в 1918 году [так в справке. — Н. К.] 29 мая согласно свидетельства о рождении за № 40».

Как видим, сплошные противоречия в числах. А 20 мая — золотая середина между 16 мая и 29 мая. При оформлении документов, связанных с

военной службой Маресьева, эта дата и стала основной. Кто допустил ошибку? Писарь, делопроизводитель, кадровик? Сегодня, спустя почти век, можно только гадать. Не исключено, что неточность допустил сам Маресьев. С тех пор он всегда указывал именно эту срединную дату и свой день рождения отмечал 20 мая.

Несмотря на то, что местом рождения Маресьева считается хутор Веревкин, столицей его сердца до последних дней оставался Камышин — уютный город на правом берегу великой русской реки Волги.

«До сих пор я храню в памяти тихие улочки, старые деревянные дома, рыбацкие сети, костры на берегу реки, — так описывал город спустя годы Маресьев. — Все это я любил и люблю до сих пор. Даже небо, в котором я впервые увидел самолет, казалось мне особым: никогда и нигде я не видел такого неба, такой чистой и голубой лазури, как в Камышине. Как захотелось мне тогда летать и подняться ввысь на этой крылатой птице, посмотреть сверху на наш город, увидеть Волгу в ее величественной красоте, полюбоваться безбрежными приволжскими далями».

За три с лишним столетия своего существования Камышин многое повидал, пережил и выстрадал в метелях времени. Начинался город, как и большинство порубежных городов, с крепости, которую основал в 1697 году государь Петр I. Крепость нарекли Петровской. Однако сам город получил название Дмитриевск в честь Святого Димитрия Солунского. Так решили присланные сюда служить стрельцы, взяв великомученика в свои небесные покровители.

С годами город получил имя Камышин по названию протекающей в здешних краях неприметной речки Камышинки. Жители стали себя величать камышанами, а главным атрибутом герба города они выбрали камыш.

Говорят, что ни город — свой норов, что ни село — свой обычай. Издревле камышане растили хлеб, занимались рыболовным промыслом, добывали строительный камень, перерабатывали лес, изготавливали тележные колеса, мельничные жернова производили хлопчатобумажную ткань, знаменитую сарпинку, плели корзины... В годину суровых испытаний Камышин посылал защищать Отечество всех, кто был способен носить оружие.

Славился город и своими арбузами. Впрочем, слывет и по сей день, являясь арбузной столицей России. А любой камышанин поведаст приезжему человеку легенду об этом сладком фрукте-овоще-ягоде. А легенда такая. В 1722 году, когда флотилия Петра I на всех парусах следовала в Персидский поход, она сделала остановку в здешнем краю.

Сойдя на берег, царь принял из рук местного воеводы угощение — арбуз. «Зело отменный плод!» — воскликнул государь и приказал отлить на монетном дворе медный арбуз и установить его на шпиле ратуши. Так ли это было на самом деле или всего лишь красивый миф, но между тем медный арбуз в городском краеведческом музее выставлен на всеобщее обозрение.

Когда Маресьев появился на свет, Камышин был одновременно купеческим и промышленным городом. Одних только магазинов и лавок насчитывалось свыше двухсот. Что касается промышленности, то здесь работали лесопильные, мыловаренный, чугунолитейный, кожевенный, пивной заводы, а также типографии, макаронная фабрика, паровые и ветряные мельницы. В кузницах изготавливали хозяйственный инвентарь и продавали на ярмарках. В речной порт, куда провели ветку Рязано-Уральской железной дороги, причаливали баржи и плоты с лесом, нефтью, углем, зерном... Ежегодно через порт проходило несколько миллионов тонн грузов. В быстро развивающийся город шел, ехал, плыл на заработки крестьянский люд из ближних и дальних хуторов и сел.

Из хутора Веревкин, сложив на телегу скромные пожитки, приехали в Камышин за лучшей долей и родители Алексея Маресьева. Отец, Петр Авдеевич, устроился рабочим на один из крупных лесопильных заводов города. Туда же приняли на работу и мать Екатерину Никитичну. Молодой семье выделили комнату при конторе лесовладельца купца С. П. Рогожина.

Родители жили в мире и согласии, рожали и растили детей. К моменту появления на свет Алексея в семье Маресьевых уже было два сына — Петр и Николай. Такое спокойное течение жизни продолжалось бы, наверное, дальше, но в августе 1914 года грянула Первая мировая война.

И хотя залпы ее орудий грохотали за многие сотни верст — гулкие раскаты этих залпов и рвущихся фугасов подспудно присутствовали и в Камышине, и в сердцах его жителей. В речном порту на баржи, а на железнодорожной станции в вагоны регулярно грузили провиант для действующей армии. В кузницах ковали подковы для лошадей и наконечники для казачьих пик. На кожевенном заводе денно и нощно выделывали кожи для армейских надобностей. Обыденностью стали печальные вести о погибших камышанах. А в тишине ночного города часто надрывно тянулись мехи гармоник и слышались нестройные частушки разгулявшихся новобранцев:

Ты не трогай, немец, русских,
Ихних братьев и сестер,

Не даст русский их в обиду,
И тесак его остер...

В один из дней ушел на империалистическую, как стали говорить потом, и Петр Авдеевич Маресьев. Воевал исправно. Екатерина Никитична, уже носившая под сердцем третьего сына, терпеливо ждала мужа. Вечерами, управившись с домашними делами, она тихо молилась перед образами, прося Бога о его возвращении. Супруг вернулся домой живой, но весь израненный, отравленный газом. А вскоре родился и третий сын. Но судьба отмерила Маресьеву старшему короткий век. Он умер в 1917 году от последствий полученных на фронте ранений. С его уходом семья сразу осиротела. Из воспоминаний матери, бабушки и старших братьев известно, что Петр Авдеевич был хороший человек, настоящий русский мужик, у которого в руках любая работа спорилась. «Отца своего я не помню, — написал в своей биографии Алексей Маресьев. — Он умер, когда мне исполнилось полгода».

Расти Алексею и его братьям пришлось без отца. Все тяготы легли на плечи матери. Екатерина Никитична впоследствии вспоминала: «Осталась я с тремя детьми. Старший Петр — 13 лет, средний Николай — 11 лет, а Алеша и вовсе 5-ти месяцев. Попросила хозяина, взял меня на работу. День вагоны грузу, ночью у хозяина работаю по домашности — прибираюсь. Квартиру нам дали, так вот за это отработывала».

Ее воспоминания дополним рассказом сына: «Мать осталась одна с тремя детьми. Когда я думаю сейчас, кому обязан я теми качествами, которые помогли мне в разных трудных жизненных обстоятельствах, я вспоминаю о своей матери. Напрасно считают некоторые, что смелость можно проявить только на войне. В самой простой жизни может быть иной раз больше мужества и стойкости, чем в какой-нибудь военной биографии. Когда я вспоминаю сейчас маму, какой она была в дни моего детства, я никогда не вижу ее подавленной, унылой, я не помню, чтобы она плакала, жаловалась. А ведь как трудно ей приходилось! Это я, как следует, понял, только много лет спустя».

И далее, не менее трогательные слова: «Я не помню ее сидящей без дела. Всегда она была чем-нибудь занята. Она работала уборщицей в конторе завода. Каждый день ей надо было истопить семь печей, наколоть, натаскать для них дров, убрать шестнадцать комнат. Мать любила чистоту, в комнатах все должно было блестеть, и она целыми днями мыла, чистила, скребла. На заводе ее очень уважали, и в каждый праздник обязательно

выносили благодарности. Домашних дел у нее тоже было много. Проснешься иной раз ночью, шьет или штопает. Спросишь: „Мама, ты что не спишь?“ А она отвечает: „А я уже выспалась“. Маме пришлось учиться. Покуда я был маленьким первоклассником, она проверяла мои тетрадки и помогала решать задачки. А потом ей уже было трудно разбираться в моих уроках, и она только спрашивала: „Ну как уроки, Алеша, приготовил?“ И хотя я знал, что она не сумеет меня проверить, я никогда не мог сказать ей неправду».

В 1924 году, когда Алексею исполнилось 8 лет, его определили в школу № 10, которую в городе называли еще Старогородской. Она располагалась на Народной улице. Напротив школы стоял деревянный дом, в нем жила семья Маресьевых. Поэтому вполне закономерно, что Алексей пошел учиться именно в Старогородскую. В просторных и светлых классах школы бурлила жизнь. Маленький Маресьев, несмотря на перенесенную болезнь, ни в чем не хотел отставать от своих сверстников. Начиная с 1-го класса, Алексей слыл старательным учеником, особенно легко у него шла арифметика. Русский язык давался труднее. И хотя в отличниках не ходил, зато в делах общественных всегда был на первых ролях. В 1928 году его даже делегировали на первый слет пионеров Саратовской области. Такой чести удостоились лишь несколько камышинских пионеров.

Впоследствии А. И. Филатова, заслуженная учительница РСФСР, рассказывала: «Мне посчастливилось учиться в одной школе с Алексеем. Мы были друзьями. Вместе участвовали в школьных играх, спортивных соревнованиях. Алексей уже тогда выделялся общительностью, остроумием, неистощимой энергией».

В послевоенные годы Маресьев, бывая в родном Камышине, в один из своих приездов посетил и родную школу. По свидетельству одной из учительниц, Алексей Петрович занял место за партой, которую сразу узнал. А потом, погладив ее рукой как старого друга, сказал: «Помнится, за этой партой соседка списывала у меня контрольные». Все присутствующие дружно заулыбались. Наверное, тоже вспомнили свои школьные годы. Кто у кого списывал или, наоборот, не давал это делать...

Как и все волжские мальчишки, Маресьев рано выучился плавать, нырять. По его признанию, три раза тонул, но воды не испугался. И даже стал хорошим пловцом. В знойные летние дни, когда была пора каникул, Алексей мог часами не вылезать из реки. Благо Волга была рядом с его жильем. Требовалось только пройти через просторный заводской двор, пересечь дорогу, спуститься под горку — и река. Но большей частью он преодолевал это расстояние легкой пробежкой, раздевался на ходу и прямо

с разбега бросался в прохладные объятия Волги.

Одним из любимых занятий Маресьева и его друзей была рыбалка. Когда бреднем, когда удочками, когда донками они налавливали не меньше ведра стерлядок, окуньков, красноперок... А раков ловили руками, доставали их из нор. Тут же на берегу разводили костер, доставали заранее припасенные несколько картофелин, луковиц, пшено и варили уху. И не было ничего вкуснее этого настоящего рыбацкого блюда... К месту сказать, до конца своих дней Маресьев не признавал лучшей рыбы, чем в родной Волге. Когда его старший сын Виктор, бывало, приносил рыбу со столичного рынка, он, улыбаясь, говорил: «Разве это рыба, вот в Камышине!»

Река не только кормила, но давала силы и поправляла здоровье. Частенько наш герой выступал инициатором рискованных забав: подныривал под плоты, забирался в заросшие камышом глухие места. Из такого же рода небезопасных забав была еще игра, правила которой заключались в том, кто дольше продержится под водой. Сидит, к примеру, Маресьев на дне, а ребята ведут отсчет времени. Уже, казалось бы, пора и выныривать, ан нет, он характер свой показывает. И пока в висках не застучит — не высунет голову из воды. А еще Алексей любил устраивать вместе с друзьями регаты на бударках — так называли они свои плетеные суденышки. Соревновались настолько азартно, что на руках от весел оставались кровавые мозоли.

Не считали камышинские пацаны большим преступлением совершать набеги на чужие сады и огороды. Лихо обнести чей-нибудь сад из тех, что находились в огромном количестве за лесозаводом, было для Алексея и его друзей делом привычным. Совершали они вылазки и на многочисленные бахчи, окружавшие с разных сторон город. Правда, взрослея, ребята это занятие бросали. Понимали: так делать нельзя. Но зато их эстафету принимали младшие по возрасту. И так из поколения в поколение.

Зимой главным развлечением камышинских мальчишек были лыжи и коньки. Весь этот спортивный инвентарь был самодельного или кустарного производства. Для Алексея коньки сделал кузнец, у которого мать брала стирать белье. Это были маленькие деревянные колодочки с металлическим полозом из толстой проволоки и дырками по бокам. С помощью веревочек и палочек наш герой прикреплял эти колодочки к валенкам. В них он скользил с попутным ветром по гладкому льду реки или мчался наперегонки со сверстниками. На лыжах, тоже самодельных, Алексей любил скатываться с самых крутых берегов Волги.

«Вольное дыхание великой реки, ощущение безмерности ее простора

и всюду подстерегающих волгарию опасностей. Коварство перекатов, буйство штормовых ветров, неистовство гроз, черная темень осенних ночей и предательская шаткость трапов — все это приучает здесь к дерзкому панибратству со стихией, близкой и столь же враждебной, жестокой к промахам и трусости. С духовной крылатостью Волга дарит умельство, ястребиную остроту глаза, твердость руки, от верности которой иногда зависит жизнь», — читаем в воспоминаниях писателя А. Красильникова, хорошо знавшего жизнь волжского края.

На этих широких и вольных волжских просторах постепенно складывался, словно дом по кирпичику, характер Маресьева — упорный, настойчивый, цельный. Вспоминая о своих детских годах, он как-то сказал, что только «две мамы» помогли ему победить болезни и стать летчиком: «Мама родная да матушка-Волга, в которой я плавал и закалялся».

В 1930 году Алексей успешно окончил шесть классов железнодорожной школы — именно в ней он продолжал учиться после начальной Старогородской. Теперь новым учебным заведением для него стала школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), которая была при лесозаводе. На заводе в свое время работал отец. Теперь здесь трудились мать и два его брата. Алексей, можно сказать, пошел по семейным стопам. Каждое утро под тягучий заводской гудок он вместе с другим рабочим человеком спешил на завод. В «фазанке», как называли школу, Маресьев учился на токаря по металлу и одновременно работал. По первой рабочей профессии он был масленщиком — смазывал маслом, солидолом механизмы машин и станков. Что касается токарного дела, то оно ему давалось легко, поскольку техника, всякие «железки» были его страстью.

Как-то Алексей увидел, что его старший наставник колдует над сборкой лодочного мотора. У молодого токаря тут же загорелись глаза самому смастачить подобный агрегат. Но не зря говорят: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Не один вечер юноша провел за чертежами и непосредственно за сборкой двигателя. Некоторые узлы он выточил на станке собственными руками. Наступил день, когда мотор был установлен на лодке. Конечно, движок был далек от заводского образца: громко тарахтел, глож от попадания воды... И тем не менее работал, что доставляло Маресьеву огромную радость. А его товарищи не без зависти смотрели, как Леха рассекает на своем «катере» по зеркальным гладям Волги.

Во время учебы в ФЗУ Алексея приняли в комсомол. В те годы эта политическая молодежная организация, именуемая Всесоюзным Ленинским Коммунистическим Союзом Молодежи (ВЛКСМ), играла

значимую роль в выполнении поставленных Коммунистической партией задач. Огромен вклад ВЛКСМ в дело индустриализации и коллективизации страны, в проведении культурной революции. Каждый комсомолец на своем рабочем месте старался как можно больше принести пользы Родине. Маресьев очень гордился званием комсомольца и всегда делом его оправдывал. За короткий промежуток времени работы на заводе он достиг наивысшего квалификационного разряда — 6-го. И это в 17 лет! Тогда же Алексей получил удостоверение моториста-дизелиста, которое давало ему право работать на речных судах.

В первых рядах наш герой был и в общественных делах. Любое комсомольское поручение он выполнял с чувством большой ответственности. Был пионервожатым, организовывал в селах района ячейки Осоавиахима^[4], проводил различные спортивные соревнования. Даже агитировал своих земляков вступать в Международное общество помощи революционерам (МОПР) — имелась и такая организация.

Спустя годы, возвращаясь в свои юношеские годы, Маресьев вспоминал: «Мне было лет четырнадцать, когда меня назначили вожатым отряда „Деревообделочник“ [в отряде было 40 мальчиков и девочек. — Н. К.]. Тогда отряды были не в школах, а при заводах: дети рабочих одного завода объединялись в отряд. Мама знала все, что делается в моем отряде, и иной раз давала мне советы. О каком-нибудь упрямом пареньке, с которым никак не удавалось сладить, мать говорила: „Ты, верно, берешь слишком круто, а люди ведь разные на свете живут: иному нужна таска, а иному ласка. Попробуй-ка поласковой с ним...“ И всегда оказывалось, что она права.

Собирался наш отряд, где придется, своей комнаты не было, и когда клуб был занят, а в завком не пускали, я выстраивал своих пионеров на улице. Осенью бывало холодно, ветер с Волги дует, дождик моросит. Ребята стоят синие от холода, но домой не просятся — дисциплина.

Однажды меня вызвал председатель завкома и говорит: „Хватит вам, Алексей, под дождиком мокнуть. Завком дает вам комнату“. Мы обрадовались и всем отрядом пришли благодарить его. И только недавно я узнал, кого по-настоящему следовало благодарить: это мама пошла в завком и сказала, что пионерам обязательно нужно дать комнату».

Интересен его рассказ и о том, как он разносил книги по избам-читальням и клубам: «Было в ту пору слово такое „книгоноша“ — человек, который носил по деревням книги. Поручили это дело и мне, как пионервожатому. Собрал я компанию мальчишек, и отправились мы на лыжах в деревню Сестренки. Груз был немалый — штук по сто книжек

несли мы в заплечных мешках. А по дороге начался буран, да такой, что ничего не видно вокруг. Мы сбились с пути. Но все-таки не испугались, отыскиали верную дорогу и вышли к деревне. Сдали книги в клуб и только поздним вечером вернулись по домам».

Но чем бы Маресьев тогда ни занимался, мечта стать летчиком не давала ему покоя. Всего лишь год с небольшим прошел, как он впервые увидел крылатую машину, и с того дня сердце призывно звало его летать. Юношеское воображение рисовало захватывающие картины летной жизни. Даже во сне, случалось, он парил в облаках. Небо — безбрежное, высокое, неохватное — притягивало и притягивало к себе загадочной неотступной силой. Наблюдая каждодневно за голосистыми стаями белокрылых чаек над Волгой, Алексей мысленно летел вместе с ними на большой серебристой птице.

А тут еще масла в огонь подлил призыв ЦК ВЛКСМ: «Комсомолец — на самолет!» Он прозвучал 25 января 1931 года с трибуны IX съезда комсомола, где было принято решение взять шефство над Военно-воздушными силами Красной армии. В своем обращении делегаты заверили «всех бойцов, командиров, политработников Военно-воздушного флота страны в том, что Ленинский комсомол, принимая шефство над воздушным флотом, сумеет с честью выполнить свои новые задачи, новые обязательства». Делегаты определили задачи: «Дадим стране 150 тысяч летчиков!» и «Трудовой народ, строй воздушный флот!» Профессия пилота, которой грезил Маресьев, становилась одной из самых популярных, она олицетворяла лучшие качества человека.

«Тридцатые годы были временем становления и бурного роста советской авиации, которая сделалась именно тогда любимым детищем народа, — вспоминал о той эпохе заслуженный летчик-испытатель С. А. Микоян. — Летчиков любили, летчиками восхищались. То и дело сердца миллионов почитателей авиации охватывали волнение и энтузиазм, вызванные радостными, героическими, а порой и трагическими событиями — перелетами, рекордами, авиационными праздниками, спасением челюскинцев, полетами и гибелью самолета-гиганта „Максим Горький“, экспедицией на Северный полюс и, наконец, боевыми делами наших авиаторов».

Как свидетельствуют документы, отклик населения на «авиационные» призывы носил массовый характер. В течение нескольких лет в авиационные школы было принято 30 тысяч коммунистов и комсомольцев. Во всех уголках Советского Союза шел сбор средств на развитие авиации и авиационного спорта. В частности, в период с 1931 по 1936 год только

самолетный парк Осоавиахима увеличился в 20 раз, было открыто 150 аэроклубов, 240 планерных станций, имелось 2 тысячи планеров, сооружено 600 парашютных вышек. Членами Общества друзей Воздушного флота было собрано за неполных три года в целом по стране 6 миллионов рублей золотом, на которые авиационная промышленность построила более 300 военных самолетов. Так росли, крепили и расправлялись крылья страны.

Маресьев решил поступать в 7-ю Сталинградскую военно-авиационную школу имени Сталинградского Краснознаменного пролетариата. Однако первая попытка оказалась неудачной.

— На что жалуетесь, юноша? — спросил врач, когда Алексей начал проходить медицинскую комиссию.

— Я здоров. Собираюсь поступать в летную школу.

Врач придирчиво провел медосмотр: послушал, постучал молоточком, заставил поприседать, померил пульс. Потом, словно следователь во время допроса, строго глядя в глаза Алексея, спросил:

— Ревматизмом, желтухой в детстве болел?

— Не помню, малость ноги болели. Судороги были, а потом прошло, — покраснев, соврал Алексей.

— Все ясно. Дорога в небо тебе, дорогой юноша, закрыта, — продолжал врач.

— Как закрыта? — с недоумением спросил Маресьев.

— Так закрыта. Представь, что будет с тобой, если в полете вдруг сведет судорогой ногу? Что ты будешь делать? А? Посему живи на земле, юноша. Здесь безопасней, — вынес окончательный вердикт врач.

К сожалению, вторая попытка стать летчиком тоже не увенчалась успехом. Причем в Камышине Алексей медкомиссию прошел, а в Сталинграде его опять забраковали по здоровью. Но цель стать летчиком не покидала парня ни на минуту, хотя в то время он поступил учиться на рабфак Саратовского сельскохозяйственного института имени М. Горького. Как-то ему попалось на глаза в газете «Правда» объявление о приеме в Московский авиационный институт. Прочитав объявление, рассудил так: если не гоюсь для военной авиации, то, может, хоть в Гражданский флот возьмут... Не откладывая дела в долгий ящик, отправил письмо в Москву. Скоро пришел ответ, ему прислали правила приема и он стал готовиться к поступлению.

В редкие, свободные от работы и комсомольских дел часы Алексей шел в библиотеку, где брал учебники по математике, физике... Засиживался там вплоть до закрытия библиотеки. Нередко, после упорных сидений за

учебниками, читал книги об авиации, о русских покорителях неба С. И. Уточкине, выдающемся военном летчике штабс-капитане П. Н. Нестерове. А в свежих номерах газет и журналов находил имена героев-современников.

Вся страна тогда переживала за судьбу парохода «Челюскин», раздавленного льдами в феврале 1934 года в Беринговом проливе. Спасением экипажа и членов экспедиции занимались летчики. Первым самолетом, севшим на льдину размером 150 на 400 метров, был АНТ-4 А. В. Ляпидевского. Причем до этого он произвел 28 вылетов и только 29-й стал удачным. Отважный летчик снял со льдины 10 женщин и двоих детей. Вслед последовали полеты С. А. Леваневского, В. С. Молокова, Н. П. Каманина, М. Т. Слепнева, М. В. Водопьянова, И. В. Дорогина — первых в истории страны Героев Советского Союза, которые вывезли на материк остальных членов экспедиции.

Для Маресьева эти летчики-герои являлись образцом для подражания. Чуть позже и до конца жизни главным его кумиром станет Валерий Чкалов, слава и известность которого были сравнимы в XX веке только со славой первого космонавта Земли Юрия Гагарина. К месту сказать, Чкалов и Маресьев были очень похожи своими твердыми, прямыми характерами. Что одного, что другого отличали невероятная одержимость в достижении поставленной цели, истовая преданность летному делу и горячая любовь к Родине. И еще их сближала родственность душ, настоящих русских — открытых и щедрых.

Пример отважных летчиков-полярников вдохновлял добиваться поставленной цели. Поэтому Алексей с еще большим желанием и настойчивостью стал готовиться к поступлению в институт. Но жизнь неожиданно внесла в его планы коррективы.

В начале 1934 года юношу пригласили в райком комсомола. Разговор был недолгий.

— Ты, Алексей, наверное, знаешь, что в Дальневосточном крае начато строительство города Комсомольска-на-Амуре, — сказал один из секретарей райкома. — Возводить его поручено комсомолу. Сегодня стройке требуются квалифицированные кадры, в том числе и токари. Поэтому райком решил направить тебя на эту стройку как активного и надежного комсомольца.

— Меня? — каким-то потухшим и удивленным голосом спросил Маресьев.

Алексей явно не ожидал такого поворота событий. Нет, он не испугался — не робкого десятка. Просто его план связать судьбу с

авиацией рушился, будто прорванная водой плотина. Попытался было объяснить секретарю, что собрался поступать учиться в авиационный институт. Но тот и слушать ничего не хотел.

— Если не поедешь, — давил на него секретарь, — то тогда клади комсомольский билет на стол.

Дальше разговор пошел на более высоких тонах. Нервы у Алексея не выдержали. Он быстро достал из нагрудного кармана пиджака красную книжицу и с жестким прихлопом, как костяшкой в игре домино, положил ее на стол. После этого молча и быстро вышел из кабинета. Внутри у него все горело, словно в жаркой печи.

Мать сразу уловила в поведении сына перемены, когда он непривычно рано вернулся домой.

— Ленька, ты вроде говорил, что сегодня у вас комсомольское собрание. Отменили? — спросила Екатерина Никитична.

— У меня нет комсомольского билета, мама.

— Где же он? Потерял, что ли?

— Нет, мама, не потерял, я сам его отдал.

— Как так — отдал?

— Заставили в райкоме комсомола. Сказали, что я должен ехать на Дальний Восток на стройку города. Я им ответил, что собрался поступать в Московский авиационный институт. Но меня никто слушать не хотел. У них разговор короткий: не поедешь, говорят, тогда клади комсомольский билет на стол. Я и положил.

— Не дело это, Ленька, не дело, — расстроилась Екатерина Никитична. — Иди в райком, бери свои слова обратно и признай свою ошибку...

— Да, мама, погорячился я, — согласился он.

Пристыженный матерью Алексей пошел в райком, повинился. Спустя годы Маресьев вспоминал о своем опрометчивом поступке: «Разгорячился я тогда, крепко разозлился. А у них разговор короткий: „Не поедешь? Клади на стол комсомольский билет“. Ну, я и выложил. Мать у меня идейная была — плакала, когда узнала, причитала. Но все, к счастью, обошлось. И неизвестно, как бы сложилась моя жизнь, не отправься я все-таки на Дальний Восток... Когда перед отъездом на Дальний Восток я проходил медкомиссию, ко мне подошла участковый врач Михайлова и так по-матерински сказала: „Алеша, ты, конечно, можешь не ехать. Но знай: если ты одной ногой ступишь на ту землю, все твои болезни пройдут — и малярия, и ревматизм“. Я и подумал, что раз смогу выздороветь, то и летчиком стану...» И далее: «И вот на руках у меня путевка. Мама

собирает в дорогу, плачет: она переживает, что буду работать далеко-далеко от нее, в Хабаровском крае, среди чужих людей. Она беспокоится о моем здоровье, но я еду. Вместе со своими друзьями-комсомольцами из родного Камышина — еду жить и работать в город, которого пока еще нет на карте».

Вскоре колеса поезда уже мерно отстукивали по накатанным рельсам марши долгих дорог. В такт колесам слегка вздрагивали вагоны. В числе многих сотен комсомольцев-добровольцев Маресьев ехал строить город на далеком Амуре. Путь предстоял далекий, многосуточный, практически через всю страну. Сначала до Хабаровска, а оттуда — до места назначения по реке.

Решение о возведении в тамошнем краю города военно-промышленного назначения было принято руководством страны в целях защиты дальневосточных рубежей Советского Союза от внешних врагов. Это место, в районе села Пермское, выбрали исходя из географического положения, поскольку Владивосток, Хабаровск, Николаевск-на-Амуре и Благовещенск либо располагались недалеко от государственной границы, либо были уязвимы для нападения со стороны морской акватории. Новый город должен был стать оборонным центром Дальнего Востока и поставлять Родине военные самолеты и подводные лодки.

В паровозной дымке растаяли тихий и милый его сердцу Камышин, пропахший запахами сосен и древесного спирта лесопильный завод, огромная серебристо-синяя скатерть Волги. Поезд, протяжно покрикивая на небольших полустанках, все дальше и дальше увозил Алексея от родных мест. Навстречу бежали широкие степи, стройные шеренги лесов, серые громады гор и округлые сопки...

После двадцати с лишним суток пути эшелон, в котором ехал Маресьев с новыми товарищами, благополучно прибыл в Хабаровск. В столице дальневосточного края добровольцам дали два дня отдыха, отвели в баню. И снова в дорогу, теперь уже по реке. Впереди нашего героя ждала романтика неизведанного...

Глава 2. Обретение крыльев

*Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.*

Авиамарш. Слова П. Д. Германа. 1921 год

Пароход под названием «Клара Цеткин», щедро выплеснув своими пузатыми бортами крутые свинцовые волны на берег, пришвартовался к большому дощатому пирсу. Тут же с судна по трапу длинной змейкой начали сходить пассажиры с котомками, узлами, деревянными чемоданами. Берег, заставленный множеством больших и маленьких ящиков, поддонами с кирпичом, цементом, штабелями бревен и бочек, заполнили парни и девушки в фуфайках, куртках, шинелях... Людское половодье забурило, взволновалось.

Маресьев, как и его попутчики, с интересом рассматривал окрестности. Неподалеку от берега, где еще недавно находилось нанайское стойбище Дзёмги, теперь виднелись корпуса строящегося авиационного завода и длинные коробки деревянных бараков. Неожиданно с высоты сложенных горой ящиков донесся громкий голос:

— Комсомольцы! Не каждому дано совершить в жизни дело, остающееся в веках. Вам дано это счастье: вы оденете в гранит обрывистые берега Амура, залете асфальтом широкие проспекты, постройте завод...

Речь с импровизированной трибуны держал сам начальник строительства авиазавода К. Д. Кузнецов. Заканчивая свое пафосное выступление, оратор, вдохнув воздуха, во всю силу выпалил в рупор:

— Уррра!

— Урр-ааа! — дружно подхватили его клич сотни голосов.

И тут же эти голоса запели песню, которая перекатным эхом покатилась по реке и сквозь вековые сосны и кедры:

— Это есть наш последний и решительный бой...

Настрой у всех был боевой, парни и девушки рвались в дело. Большая партия комсомольцев, в составе которой приехал Маресьев на берег Амура, была не первой по счету после начала строительства города. Первая же группа численностью около тысячи человек здесь высадилась 10 мая 1932

года. Непосредственно на «Авиастрой», впоследствии завод № 126, 26 мая того же года прибыло 1839 человек. За два года первостроители сделали немало. Но работы было еще непочатый край. С избытком хватало и трудностей.

Несмотря на то, что новый город заложили примерно на одной широте с Белгородом и Воронежем, климат здесь был отнюдь не как в средней полосе. Его климатические характеристики — прямой аналог Крайнему Северу. Зимой — свирепейшие ветры, колючие метели и трескучие морозы ниже -40° , а летом — палящая жара в сочетании с высокой влажностью и нашествием полчищ гнуса.

Суровая природа вкупе с тяжелыми бытовыми условиями, скудным и однообразным питанием, нехваткой техники, транспорта и инструментов тормозили темпы строительства оборонного предприятия. Как свидетельствуют документы, из-за недостатка витаминов многие работавшие на стройке заболели цингой, умирали. «Каждый день от болезни умирало 10–15 человек, — вспоминал впоследствии один из первостроителей И. Я. Вилинов. — Сначала делали гробы, а потом не стали делать. Стали хоронить как в братских могилах — по несколько человек».

Были также допущены и серьезные просчеты в строительстве. Когда первый отряд приступил к рытью котлована для закладки фундамента главного корпуса завода, местные жители предупреждали строителей о том, что данный участок часто затопливается. Что вскоре и произошло. Во время осеннего паводка разгулявшийся Амур залил котлован, взлетно-посадочную полосу строящегося аэродрома, а также частично уничтожил складированные строительные материалы. После случившегося руководство стройки вынуждено было изменить проект. Новую заводскую площадку и взлетно-посадочную полосу перенесли на более возвышенное место и на расстояние пяти километров.

Все вышеперечисленные факторы привели к оттоку рабочей силы с объектов. По состоянию на 1 апреля 1934 года из 2500 комсомольцев, приехавших на строительство, в наличии было 460 человек, остальные умерли или разными способами покинули стройку. Так что прибытие Маресьева и сотен его сверстников на берег Амура было как нельзя кстати. И песня, которую они пели про решительный бой, тоже была к месту.

В штабе стройки авиационного завода кадровик задал Алексею стандартный вопрос:

— Профессию имеешь?

— Токарь я. ФЗУ окончил. Моторы также знаю, был мотористом-

дизелистом, — ответил он.

— Токари и мотористы нам пригодятся, но сейчас позарез нужны лесорубы и разнорабочие. Вот как нужны! — особо подчеркнул кадровик и быстро, словно шашкой, резанул ладонью вдоль своей шеи.

Продолжил:

— Топор держать умеешь? Комсомольску требуется лес. Потом устроим тебя по специальности. А сейчас организуется бригада для заготовки леса в тайге. Жилья там нет. Так что решай...

— Я согласен, записывайте, — последовал его ответ. — Когда выезжать?

В тот же день бригада, получив по буханке хлеба и по банке тушенки на четверых, на лодках переправилась через Амур и к ночи прибыла на Пиванский лесоучасток, расположенный рядом с бывшим нанайским селением Пиван.

Новоиспеченные лесорубы сразу развели костер, соорудили из бревен временку... Переночевав, с утра, как только солнце вскарабкалось на пустынное небо, принялись за работу. Стройка ждала лесоматериал. И ничего что пила поперечная выдавалась на четыре человека, а топор — на два... Громко, словно близкие раскаты грома, застучали топоры, зажужжали шмелиным роем пилы.

Работа у Маресьева была не из легких. В тайгу войдешь, как говорят, неба не увидишь. Пилить вековые стволы деревьев, рубить сучья — под силу только физически крепким, выносливым людям. Алексея нельзя было причислить к таковым по причине перенесенной в детстве тяжелой болезни. Однако он старался трудиться наравне с остальными членами бригады. Самоотверженно, до кровавых мозолей на ладонях. Тем не менее бригадир Николай Шаров, вчерашний демобилизованный красноармеец, во время смены заметил вялость в работе Маресьева, спросил:

— Ты что, Алексей, не здоров?

— Нет, все в порядке, — с нажимом на бодрость в голосе ответил Маресьев.

И как ни в чем не бывало, не показав виду на приступ ревматизма, продолжил пилить с напарником очередную сосну. Вообще побороть недуг Маресьеву помогали занятия спортом. Это подтверждают и товарищи, работавшие с ним в бригаде. Каждое утро Алексей поднимался затемно, когда еще все спали, совершал пробежку по лесу, потом выполнял различные физические упражнения. Делал он это в любую погоду. «Что-то поразило меня тогда, через некоторое время выяснилось, что я совершенно здоров», — скажет впоследствии в одном из интервью Маресьев.

Спустя десятилетия, вспоминая годы своей горячей комсомольской молодости, он напишет и эти строки: «В 1934 году по призыву ЦК ВЛКСМ вместе с сотнями юношей и девушек поехал на строительство Комсомольска-на-Амуре. Думали мы тогда, строители этого, ставшего теперь уже всем известным, города, что мы совершаем героический поступок? Конечно, нет. Мы знали, что надо работать, и работали. Мы знали, что на месте дремучей тайги должен быть построен город, и мы его строили. Мы знали, в этой борьбе с природой и трудностями нельзя давать ни себе, ни товарищу, ни малейшей поблажки и мы были требовательны к себе и к другим. Это было настоящее мужество тысяч и тысяч юношей и девушек, комсомольцев. Это сделало строительство Комсомольска-на-Амуре славной страницей в истории Ленинского комсомола».

Действительно, Алексей и его товарищи не думали о том, что совершают подвиг. А это и был настоящий подвиг, только трудовой:

Была тайга, в ветвях играли белки,
Молчал седой задумчивый Пиван...
Построим, построим мы скоро,
На месте тайги и болот
Советской республики город
И с городом новый завод.

За сравнительно небольшой срок лесозаготовители Пиванского участка, на котором трудился Маресьев, поставили городу несколько сотен тысяч кубометров древесины. По подсчетам историков, каждое третье деревянное здание Комсомольска-на-Амуре перед войной построено именно из пиванского леса. Поэтому без всякого преувеличения можно сказать, что Маресьев внес свою весомую лепту в строительство города.

Еще один штрих к работе Маресьева на Пиванском лесоучастке. На одном из тамошних складов кто-то из рабочих обнаружил трофейный генератор японского производства. Однако он был в неисправном состоянии. Алексей его отремонтировал. Причем дал ему жизнь практически без инструментов: одними руками разобрал генератор, изучил его устройство, вновь собрал и отладил. Бригадир привез из города бочку горючего. С этого дня вечерние посиделки в бараке стали проходить при электрическом свете.

Шумно, с комментариями лесорубы читали газеты и журналы, которые привозил на лодке старый нанаец-почтальон. В этих изданиях

писалось о том, что на Западе не верят в возможность создания в глухой тайге нового города. Не по зубам, мол, это Советам. Провалятся они со своей затеей, только мир насмешат. «Как там мир — мы не знали, но смеялись от души, — вспоминал Маресьев. — А утром снова работали с остервенением, крушили и крушили вековую тайгу. Волокли мерзлые стволы и, придавленные их тяжестью, продутые зимним амурским ветром, в своих худых телогрейках, были счастливы. И казалось, видели то, что существует сегодня, — белокаменный город на берегу великой реки, прямые проспекты, нарядную толпу у театра, корпуса заводов, возвышающиеся над тайгой».

Весной 1935 года штаб строительства авиазавода получил два катера-буксира. Тут же вспомнили о волгаре, как иногда называли Маресьева, его специальности моториста. Вскоре Алексей был оформлен в качестве механика-дизелиста на катер «Партизан». Он также получил место в общежитии у Силинского затона. Катер таскал баржи с различными грузами. В Киселевку^[5] ходили за известью, в Болонь^[6] — за овощами, в Малмыж^[7] — за бутлом. Часто маршрут катера пролегал на рыбацкие тони, где запасались рыбой. Были и дальние плавания — в Хабаровск, Благовещенск. Там загружались станками, оборудованием, мебелью... Алексей успешно справлялся со своими обязанностями. Андрей Гапонов, наставник Маресьева, был доволен: его подопечный не допустил ни одного случая выхода из строя какого-либо узла или механизма.

В том же году рядом со строящимся авиазаводом был создан аэроклуб. В заявлении, которое тут же подал Алексей в приемную комиссию аэроклуба, он написал: «Прошу зачислить меня в число слушателей летной школы при аэроклубе, так как у меня большое желание изучить самолет и его вождение в воздухе. Прошу в просьбе не отказать. 7 августа 1935 года». И хотя желающих было много и отбор в аэроклуб был строгим, Маресьева приняли в числе первых. Всего в клуб записались, как свидетельствуют документы, 75 человек. Что главное: у медкомиссии не возникло к юноше вопросов по здоровью. Мечта летать начала обретать реальность.

Но правда и то, что на первых порах аэроклуб значился только на бумаге. У новой организации не было ни аэродрома, ни классов для занятий, ни помещений для хранения имущества, как, впрочем, и самого имущества. Только тогда, когда аэроклуб поставили на баланс Осоавиахима, жизнь в нем закипела, как вода в котелке. Организацию усилили кадрами — инструкторами, техниками.

В свободное от работы время Алексей вместе с другими учлетами

(учащимися летной школы) раскорчевали место для летного поля, выровняли его, сделали разбивки взлетно-посадочной полосы. Завершением их работы стала установка длинного шеста, на котором был закреплен матерчатый белый мешок с черными полосами — указатель ветра или так называемая «колбаса». Одновременно со строительством летного поля учлеты возвели барак, оборудовали классы.

Не стало дело за материальной частью — аэроклуб получил два учебных биплана У-2. Чуть позже к ним прибавились еще два. Самолеты были не новые — с обшарпанными, потрепанными фюзеляжами, латаными-перелатаными крыльями. Но для подготовки будущих летчиков вполне годились. Правда, была напряженка с горючим. Учлеты ходили по базам и буквально по капле выцеживали его из пустых бензиновых бочек. Маресьеву однажды посчастливилось добыть ведро масла. Иными словами, ребята делали все для того, чтобы полетать, пусть и на выдавших виды У-2.

Для современного читателя поясним: У-2 (впоследствии По-2) — это тот самый знаменитый «кукурузник». Он же — «колхозник», «воздушный сеятель», «лесник»... В годы Великой Отечественной войны его переделали в легкий ночной бомбардировщик. Солдаты вермахта называли самолет «Ночной фельдфебель», поскольку он не давал им спать по ночам, а также «Рус фанер» и «швейной машинкой». Вот на этой будущей легенде отечественной авиации и начинался путь Маресьева в небо.

Занятия в аэроклубе проходили без отрыва от производства. Как правило, по вечерам. Электричества не было, теоретический курс летного дела курсанты постигали при свете керосиновой лампы. Требования к учлетам были достаточно жесткие: учишься не в ущерб работе, плохо относишься к учебе — «от винта», то есть отчисляешься из аэроклуба. Законы неба суровы: дисциплина во всем — в большом и малом. Неудивительно, что многие учлеты испугались трудностей, покинули аэроклуб. Из тех первых 75 курсантов, зачисленных в клуб, к концу обучения остались самые стойкие — всего 12 человек.

Учился Алексей старательно. Первым учебником летного дела для него стал «Курс летной подготовки школ ВВС РККА». Этот учебник, который еще называли букварем, был написан мудро и толково. В частности, строгие требования к учебе летчика гармонично сочетались с нормами морали. Опыт бывалых пилотов показывал, что небо не прощает ошибок летчику на земле, — они, как правило, проявляются и в полете.

Особенно четко эта взаимосвязь подчеркивалась в п. 5 наставления, в котором было записано: «Постоянно воспитывать в себе: воинскую дисциплинированность как на земле, так и в полете; организованность,

культурность в работе и быту; постоянную внимательность даже к мелочам, аккуратность, точность, быстроту в действиях и, особенно, разумную инициативность при выполнении поставленной задачи...»

Важные рекомендации также содержались в п. 14, где говорилось о том, что летчик не должен «падать духом при временных неудачах: наоборот, при неудачах проявлять еще больше находчивости, упорства и воли, еще больше работать над преодолением трудностей, при успехе же не зазнаваться, не допускать ослабления внимания, расхлябанности, насмешек над товарищами. Помнить, что в летной работе серьезное, осмотнительное, внимательное отношение к каждому полету и занятию, к каждой мелочи необходимо каждому летчику, независимо от его качеств, летного умения и стажа. Нарушение этого правила обязательно кончается поломкой или аварией, соблюдение его обеспечивает постоянную безаварийную высококачественную работу...».

Все эти наставления Маресьев аккуратно записывал в тетрадь, потом заучивал наизусть. И не зря. Впоследствии они пригодятся ему в реальных ситуациях. Много внимания на занятиях уделялось изучению материальной части крылатой машины. Устройство двигателя, приборов передних и задних кабин, системы запуска и контроля, других «органов» самолета Алексею давалось легко. Без особого труда он постигал основы пилотирования и аэронавигации.

Наконец наступил долгожданный день, когда Маресьев вместе с инструктором Александром Ереминым впервые поднялся в воздух. Это было воскресное утро. Яркое светило солнце, на голубой холстине неба — ни облачка. Одним словом, погода как по заказу. Не без волнения Алексей занял кабину самолета. Перед стартом летчик-инструктор лаконичными фразами поставил ему задачу:

— Выруливай точно по флажкам. Полет по кругу, высота четыреста метров, расчет под девяносто градусов... Ясно?

— Так точно, ясно! — по-военному, как солдат, хорошо заучивший устав, доложил Маресьев, старательно затем вырулив на линию старта.

И вот уже крылатая машина, слегка подпрыгивая, побежала по полю, оставляя позади людей, постройки, цистерну с горючим... Через несколько минут самолет поднялся в воздух.

Находясь в небе, Алексей ощущал себя на вершине счастья. Внизу блеснул серебристой чешуей широкий Амур-батюшка, медленно проплывало огромное зеленовато-бурое море тайги... Ему хотелось петь от радости. И он пел, этот парень, настоящий волгарь, с упрямым и сильным характером. «Я лечу! А небо, оказывается бездонное, ему нет предела! А

внизу ребята-друзья... И наш прекрасный город Комсомольск! Еще недостроенный, но все равно прекрасный. Будто крылья выросли у меня», — вспоминал о воздушном крещении Маресьев.

Через некоторое время его допустили и к самостоятельному полету. В технике пилотирования У-2 — машина простая. На ней можно отрабатывать мелкие и глубокие виражи, развороты, пикирование, горки, петли, спирали и другие фигуры пилотажа. И все равно Алексей волновался. Одно дело подниматься в небо с инструктором, другое — самому, без всякой подсказки управлять крылатой машиной.

С трепетом в сердце подошел он к учебному самолету, сел в кабину, обхватил пальцами ручку управления, ноги поставил на педали... В заднюю кабину учлеты положили мешок с песком — груз для компенсации веса отсутствующего инструктора, чтобы не нарушить центровку. С «Иваном Ивановичем» — так еще в шутку называли этот мешок с балластом — Маресьев и приступил к самостоятельному полету. Минуты, и У-2 плавно оторвался от земли, постепенно набрал высоту. Полет по кругу и в зону начинающий авиатор выполнил блестяще. Труднее было сделать посадку — она считается сложным упражнением. Но и с этой задачей он справился.

После посадки Маресьев быстро вылез из кабины. Не снимая шлема, хотя вся голова была мокрая от пота, встал по стойке смирно у самолета, чтобы получить замечания. Но летчик-инструктор Еремин, ничего не говоря, молча похлопал Алексея по плечу и крепко пожал ему руку. Потом сказал:

— Молодец! Чувствуешь машину, летчик из тебя получится.

Газета «Комсомольская правда» в те дни писала: «Над городом и могучим Амуром, над цепью сияющих сопок высоко в небе летают стальные птицы... В этом году аэроклуб расширил работу по подготовке летчиков, парашютистов и планеристов. Половина учлетов уже летают самостоятельно». А местная городская газета «Сталинский Комсомольск» в номере от 12 июня 1937 года, посвященном празднованию пятилетия Комсомольска, даже назвала конкретные фамилии: «В праздничный день в небе над городом выполнили свои первые полеты учлеты аэроклуба Алексей Маресьев и Петр Шемендюк».

В период учебы в аэроклубе Маресьев осуществил и свой первый прыжок с парашютом. Это тоже был упоительный момент. Обручился с небом, как говорят в таких случаях бывалые парашютисты. Минуты, проведенные Алексеем в небе под белоснежным куполом, стали для него очередной проверкой на смелость, решительность и самообладание.

Быстрокрылой птицей летело время. Маресьев с головой был погружен в работу и учебу. Дни складывались в недели, недели в месяцы. Как на добрых дрожжах рос и город. На месте недавних землянок и шалашей, которые строители называли «Копай-город» и «Шалаши Ильича», уже стояли трехэтажные кирпичные дома, здание школы, большая баня, помещения хлебозавода...

Особенно радовали глаз корпуса авиазавода, из цехов которого 1 мая 1936 года рабочие выкатили первую крылатую машину — самолет-разведчик Р-6. И хотя Маресьев непосредственно не участвовал в его сборке, тем не менее он тоже внес свой вклад в общее дело. Именно Алексей и десятки таких, как он, комсомольцев метр за метром отвоевывали у тайги плацдармы для строящегося завода и взлетно-посадочной полосы, участвовали в доставке различных грузов и оборудования для нового производства. Поэтому, когда «первенец» завода № 126 взмыл в небо, Маресьев ликовал наравне со всеми авиастроителями.

В августе 1937 года Маресьев с отличием закончил обучение в аэроклубе по курсу пилота на самолете У-2. За время учебы он в общей сложности совершил 85 полетов. В удостоверении, которое ему торжественно вручили, было записано: «Имеет право на совершение учебно-тренировочных полетов по специальным программам».

По случаю первого выпуска учлетов Маресьев опубликовал в уже знакомом читателю «Сталинском Комсомольске» статью, в ней он, в частности, написал: «Учиться в аэроклуб я пошел в первый набор 1935 года. Вначале учеба шла с перебоями. Слабо была поставлена теоретическая подготовка. И только с 1937 года, когда начальником клуба стал Кирюхин, а начальником летной части Петр Кныш, занятия пошли нормально и организованно. В марте перешли на летную практику. Я начал летать с инструктором Александром Ереминым, и когда счет полетов дошел до 81-го, я совершил контрольный полет с начальником аэроклуба, а в 85-й раз мне доверили управлять самолетом самостоятельно».

В октябре 1937 года Маресьев получил повестку в армию. Участь в аэроклубе, Алексей мечтал о том, чтобы его направили служить в авиацию. Об этом он сказал и в военкомате. Просьбу призывника учли. Правда, до большой авиации дело не дошло — его направили для прохождения службы в 12-й авиационный отряд, входивший в состав Сахалинского ордена Ленина погранотряда Управления пограничных войск Дальневосточного округа НКВД СССР^[8]. Командование отряда располагалось в небольшом городке Александровск-Сахалинский, а подразделения в ближайших населенных пунктах.

Авиаотряд базировался в селе Кировском. Это село, расположенное в верховьях реки Тымь, прежде называлось Рыковское в честь его основателя, отставного унтер-офицера Якова Рыкова. В свое время в Рыковском побывал даже писатель А. П. Чехов и назвал его «настоящей серой русской деревней без каких-либо претензий на культурность». Но зато писателю пришлось по душе местная тюрьма, которая, по его словам, ему показалась «лучшею тюрьмой во всем Северном Сахалине».

— Чехова читал? — ошарашил Маресьева вопросом один из офицеров, когда он прибыл в часть.

— В школе проходили, — ответил Алексей. — «Ваньку Жукова», «Хамелеона» читал...

— А «Остров Сахалин»?

— Нет.

— Можно и не читать, сам теперь узнаешь про здешние края...

Однако служить в краю живописных гор и долин, вулканов и озер было тревожно. «На границе тучи ходят хмуро...» — эти строки из популярной тогда песни в полной мере относились и к пограничникам Сахалина. Пограничные войска в тот период являлись войсками переднего края: на сухопутной и морской границах регулярно происходили боестолкновения, инциденты, перестрелки, задержания нарушителей.

Императорская Япония, оккупировавшая к тому времени Северо-Восточный Китай, неоднократно пыталась проверить крепость советских границ. Свои планы японские самураи не скрывали: «В первой войне нам нужно дойти до Байкала, во второй войне с Россией мы водрузим знамена победы на высотах Урала, но будет еще и третья война, когда наша кавалерия напоит лошадей водою из Волги!» Достаточно сказать, что только в районе озера Хасан с 1936 года по середину 1938 года японские и маньчжурские части совершили 231 нарушение границы СССР, в 35 случаях они вылились в крупные боестолкновения.

Неспокойно было и на участках Сахалинского погранотряда, поскольку южная часть острова в то время (до августа 1945 года) находилась в руках Японии. А это, безусловно, вносило в службу советских пограничников определенные трудности и создавало психологическое напряжение. Потенциальный противник, воспринимавшийся в тот период как реальный, был совсем рядом — вот он, японский солдат, с ненавистной ухмылкой смотрит в бинокль или сквозь прорезь прицела винтовки! Серьезное боестолкновение с японцами, которые попытались занять советскую часть Сахалина, произошло в 1938 году. Пограничники 52-го отряда решительно встали на защиту рубежей. Вместе с бойцами Красной

армии они отразили нападение и заставили врага отступить.

Авиаотряд, в котором проходил службу красноармеец Маресьев, играл важную роль в охране государственной границы. Авиаторы-пограничники вели разведку местности, осматривали контрольно-следовые полосы, во взаимодействии с поисковыми группами обнаруживали и задерживали нарушителей границы, перебрасывали на отдаленные участки оперативные и поисковые группы, доставляли продовольствие, почту на заставы.

Первые азы службы Маресьев получил в учебном центре. Курс обучения в нем был рассчитан на два месяца и включал в себя следующие дисциплины: политическую, стрелковую, строевую, тактическую и физическую подготовку, а также уставы и технические средства борьбы. Кроме того, в процессе учебы нашему герою приходилось заступать в наряд по подразделению и нести караульную службу по охране аэродрома.

Маресьев оказался способным солдатом. Трудлюбие, дисциплинированность, ответственность позволили ему быстро освоить программу обучения, что нашло отражение в характеристике, подписанной на красноармейца Маресьева комендантом аэродрома техником 2-го ранга Сергеевым. Вот строки из этого документа: «Морально устойчив. Пройденные дисциплины усваивает хорошо. Полученные приказания выполняет быстро и аккуратно. Инициативен. На материальной части работает хорошо и внимательно».

За короткий срок Маресьев овладел и специальностью авиамоториста. Сдав необходимые экзамены, он вскоре уже обслуживал самолет многоцелевого назначения Р-5. По тем временам это была эффективная авиационная техника с мотором жидкостного охлаждения. Полутораплан имел хорошее вооружение, был незаменим для наблюдений с воздуха. Машина могла садиться на сравнительно небольшую площадку, а при наличии поплавков и на морскую гладь. Ее возможности позволяли летать на малой высоте, откуда хорошо просматривалась контрольно-следовая полоса. С самолета можно было поддерживать связь с пограничными нарядами.

Однажды прозвучал сигнал тревоги, поступило сообщение о том, что в советские территориальные воды вторгся корабль-нарушитель. А накануне пурга воздвигла на летном поле сугробы до двух метров. Все — от командиров до бойцов с лопатами бросились разгребать снежную толщу у ворот ангаров, рулежные и взлетную дорожки. Одновременно с помощью водогреек и бензиновых печек отогревали мотор, готовили к взлету Р-5. Сделано все было быстро, самолет поднялся в воздух и отогнал нарушителя границы.

Вообще, служить на Северном Сахалине, вспоминал Маресьев, было тяжело. Свирепейшие штормы, лютые морозы — характерная погода для тех мест. Случалось, даже птицы замерзали на лету. А каково в леденящую стынь обслуживать самолет! Руки промерзали даже в варежках. Но в варежках в мотор не заберешься, тем более не укрепишь какой-нибудь дюрит или шплинт. Алексею приходилось снимать варежки, работать голыми руками, с трудом отдирая от заледеневшего металла примерзающие к нему пальцы.

Но какими бы ни были трудности, критерий и требование оставались одни: самолет должен быть готов к полету. Полеты могут отменить или перенести время их начала, но технического состава это не касается. Самолет должен быть готов, невзирая ни на какие причины. «У меня до сих пор капает масло с ладоней», — шутил спустя годы Маресьев.

Каждый раз, провожая крылатую машину в небо, Алексей думал о собственном полете. Он верил, что рано или поздно все равно добьется своей цели. И путь к ней становился короче. У Маресьева был закадычный друг, моторист с другого Р-5 Михаил Васильев. Сослуживец знал, что Алексей умеет летать, и очень хотел, чтобы он поднялся в небо.

— Иди к командиру отряда! Просись, чтобы тебя направили в авиашколу, — горячо убеждал он Маресьева. — Ты что, не знаешь пограничного закона? Кто служит на совесть — командование всегда пойдет на встречу. Иди!..

И точно: все получилось, как советовал Васильев. Вот строки из воспоминаний Маресьева: «Я служил в пограничной авиации в пограничном отряде, работал мотористом, летать мне не давали, так как одному такому „летчику“ дали полетать, а он поломал самолет. Но я дошел до командующего войсками, и он сказал: „Попробуйте дать, если он хорошо летает, то пусть летает“. Пока меня стали проверять, командующий присылает специальное направление, что, если командир отделения соответствует требованиям, имеет образование семилетки, закончил аэроклуб и комсомолец, то послать его в военную школу. Меня вызвали и спросили, куда хочешь? Я сказал, что хочу в военную летную школу...»

В Приказе наркома обороны СССР «О мерах по предотвращению аварийности в частях военно-воздушных сил РККА» № 070 требования, о которых упоминает Маресьев, были прописаны до мелочей: «Военному совету ВВС запретить всякие отступления от установленных требований к физическому состоянию поступающих в школы и училища... В летные школы и училища принимать только тех, кто имеет отличную характеристику (средней школы, фабзавуча, завода, партийной и

комсомольской организацией), и тех из окончивших школы аэроклубов, кто имеет отличные отзывы с производства (до поступления в аэроклуб) и отличные отзывы за время пребывания в школе».

Маресьев в полной мере соответствовал указанным требованиям. Кроме того, он получил положительные отзывы от командования и комсомольской организации части. Обратимся к служебной характеристике будущего пилота: «Тов. Маресьев А. П. на протяжении всего времени нахождения в части показал себя с хорошей стороны. С работой авиамоториста справляется отлично, материальную часть мотора и самолета знает отлично, любит свое дело, за хорошую работу имеет поощрения. Дисциплинирован. Политически развит, политику партии и советской власти понимает правильно и проводит в жизнь на практической работе. Морально устойчив. Вывод: тов. Маресьев достоин посылки в летную школу. Зам. инженера в/ч 9503 ст. техник звена воентехник 2-го ранга Литвинов». С характеристикой согласились командир части старший лейтенант Протопопов и военный комиссар политрук Плотников.

В середине 1938 года Алексей, попрощавшись с сослуживцами, на попутном самолете ТБ-1 убыл на материк. Мест в фюзеляже перегруженного ТБ-1 не оказалось, и он летел, пристроившись в его огромном пустотелом крыле. Но вскоре пришлось возвращаться назад, так как уже в Хабаровске выяснилось, что шел набор не в летное, а в техническое авиаучилище. Спустя некоторое время командование погранотряда снова, во второй раз, направило Маресьева учиться, теперь уже на летчика. Маршрут был тот же — до Хабаровска, оттуда, согласно выданному предписанию, в Читу — в 30-ю военную школу пилотов.

Это учебное заведение, сформированное приказом НКО СССР от 19 августа 1938 года на окраине Читы, относилось к числу самых молодых в ВВС Красной армии. Когда Алексей прибыл туда, учебный процесс только налаживался. После сдачи документов, прохождения медицинской и мандатной комиссий Маресьев стал полноправным членом курсантской семьи. Настроение было приподнятое, глаза светились радостью. Еще бы! Алексей, можно сказать, реализовал свою мечту. На воротнике гимнастерки — заветные голубые петлицы, а в них — золотистые эмблемы крыльев с пропеллером. Такие же чувства, вне всякого сомнения, испытывали и другие будущие летчики-истребители — вчерашние выпускники аэроклубов Осоавиахима, солдаты и младшие командиры срочной службы.

Правда, на первых порах внешний вид Маресьева несколько удивил его будущих однокашников — вчерашних аэроклубовцев. Все они были с голубыми петлицами на гимнастерках, один Алексей — с зелеными. Стали

даже свысока выпрашивать: а ты, мол, кто да откуда? Маресьев за словом в карман не лез, с гордостью отвечал чересчур любознательным:

— Из авиаотряда я, с границы на Сахалине.

После этих слов отношение к нему сразу изменилось.

Память о службе на границе Маресьев сохранил в своем сердце на всю жизнь. Он очень гордился принадлежностью к «зеленым фуражкам». Так он отзывался об этом этапе своей биографии: «До сих пор горжусь тем, что мне довелось носить зеленую фуражку и шинель с зелеными петлицами. В те годы на дальневосточной границе была особенно тревожная обстановка. Мы не жалели усилий и времени, чтобы в совершенстве овладеть своим делом, надежно охранять границу. Служба в пограничных войсках требует от воина быть постоянно собранным, смелым, хладнокровным. Она вырабатывает выдержку, самообладание, стойкость».

А в одном из писем своим однополчанам из 52-го погранотряда Маресьев написал: «Дорогие друзья, дзержинцы — часовые советской границы! В авиацию я пришел из погранвойск. Службу на рубеже всегда помню с гордостью. Лучшей закалки характера не придумаешь. От всей души желаю вам неприступно хранить священную кромку нашей Родины».

Однако вернемся в Читу. Школа состояла из четырех учебных эскадрилий, по 240 курсантов в каждой. Курсантов распределили по отрядам, звеньям и летным группам. Маресьева, как имеющего за плечами опыт военной службы и звание младшего командира, назначили старшиной первого звена. Круг обязанностей расширился. По должности Маресьеву нужно было поддерживать дисциплину в звене, следить за внешним видом курсантов. К примеру, подшит ли у подчиненного свежий подворотничок, подтянут ли ремень, начищены ли сапоги... Армия, как известно, любит порядок и держится на нем испокон веку.

Назначения получили и другие курсанты, прошедшие армейскую школу. В частности, старшиной одного из звеньев стал будущий Герой Советского Союза Борис Еремин, который в качестве бортмеханика тяжелого бомбардировщика участвовал в боях с японцами в районе озера Хасан. Доверили личный состав и другим недавним «срочникам» — П. Ф. Чупикову, П. И. Шавуруну, К. А. Баршту, П. Т. Харитонову. Все они в годы Великой Отечественной войны будут удостоены звания Героя Советского Союза.

Потекли курсантские будни. Их отличие от солдатских состояло лишь в том, что в школе все было подчинено учебе. В то же время никто не отменял ранних подъемов, зарядок, строевых занятий, нарядов, караулов... Но к таким тяготам и невзгодам службы Маресьеву было не привыкать.

В соответствии с приказом наркома обороны СССР Алексею и его новым товарищам предстояло в течение девяти месяцев научиться «пилотированию и применению боевого самолета днем в простых метеорологических условиях; групповым полетам в составе звена». Кроме того, нужно было приобрести «практику в маршрутных полетах, с посадкой на незнакомых аэродромах», а также получить начальные уроки воздушных стрельб и освоить основы воздушного боя.

В учебе Маресьев не испытывал никаких затруднений, особенно при изучении авиационной техники. В этом ему помогали знания, полученные в аэроклубе, а затем во время службы в авиационном отряде. Высокие оценки он также получал по политической, строевой и физической подготовке, другим дисциплинам.

Безусловно, на первом плане стояли профильные предметы. Но закалялись курсанты и физически. В один из дней курсантам была поставлена задача совершить 35-километровый марш. В путь отправились, как и положено, с полной выкладкой. Во время этого перехода кто-то из курсантов усомнился в целесообразности таких походов. Мол, летчик не пехотинец, зачем ему нужно топать и проливать пот. Маресьев нашел, что ответить товарищу. Он сказал, что не только на самолете летчик должен быть готов к боевым действиям. В воздушном бою каждый может быть сбитым над территорией врага. Вот тогда на земле помогут закалка и навыки, приобретенные в учебных походах. Никто и не мог предположить, что через три года именно Маресьеву выпадут на долю страшные испытания, к каким он готовил себя и своих товарищей.

Примечательно, что за успешное совершение марша Маресьеву и его товарищам была объявлена благодарность начальника школы. «За выносливость в походе 35 км» — так было сказано в приказе. Всего же за время учебы в Читинской военной авиационной школе пилотов Маресьев пять раз поощрялся командованием. Кроме того, за отличные показатели в учебно-боевой и политической подготовке его портрет дважды помещался на Доску почета.

С наступлением погожих теплых весенних дней в школе начались вывозные полеты — полеты, осуществляемые курсантами вместе с инструкторами с целью привития навыков в технике пилотирования самолета. Каждое утро аэродром наполнялся шумом авиационных моторов. Одна за другой, распарывая дремлющий воздух, уходили в небо крылатые машины. Над аэродромом висел несмолкающий гул, словно это был вовсе не аэродром, а пасека с огромным множеством жужжащих пчел.

Общий налет на одного курсанта определялся в 24 часа. Не густо,

прямо скажем. Поэтому будущие летчики иногда иронично шутили:

— Хватит для того, чтобы летчик разбился...

Доля истины в этом выражении, конечно, была. Но добирали будущие летчики свои часы уже в училищах, там общий налет устанавливался до 150 часов. И все равно они недотягивали до немецких и американских норм. К примеру, немецкие курсанты в своих учебных заведениях получали в среднем 200 часов учебного налета плюс еще 150–200 часов в частях люфтваффе. У американцев выходило в разы больше — 450 часов.

Порядок проведения вывозных полетов был следующим. После прибытия на аэродром каждый отряд разбивал свой старт: посадочное «Т» и линию флажков. Левее «Т» разбивалась взлетная полоса, правее — посадочная. Недалеко от «Т» разбивался квадрат — место, где находились курсанты. Каждый отряд имел свои обозначения на киях крылатых машин. У одного красные цифры, у другого — синие. Полеты тоже проходили по своим кругам. Первый отряд летал с левым кругом, второй — с правым.

За летный день каждый курсант выполнял 3–4 полета по кругу или один в зону, а два по кругу. Инструкторы, обучая своих питомцев, выполняли по 60–70 посадок в день. Маресьев летал с огромным желанием и азартом, помня наставления опытных летчиков: «Взлетая, думай только о взлете, а совершая посадку, думай только о посадке. Будешь отвлекаться — аварии не миновать».

Конечно, не все и ему, уже далеко не аэроклубовскому птенцу, удавалось сразу. Были ошибки, что вполне нормально для любого, пусть даже самого талантливого начинающего летчика. В авиации, давно проверено, одна дорога к высотам пилотажа — от простого к сложному. Это хорошо понимал Алексей и никогда не пасовал перед трудностями. От занятия к занятию росло и оттачивалось его мастерство.

После завершения полетов крылатые машины занимали место на стоянке. Курсанты вместе с техниками осматривали и устраняли обнаруженные дефекты, очищали самолеты от грязи, смазывали необходимые детали, заправляли горючим, чтобы на следующий день вновь подняться в огромное забайкальское небо. В казарму всегда возвращались с песней, которая снимала усталость, накопившуюся за день:

Там, где пехота не пройдет,
Где бронепоезд не промчится,
Тяжелый танк не проползет,
Там пролетит стальная птица...

Однако дело до самостоятельных полетов не дошло. В расписание занятий вмешались события на реке Халхин-Гол. В конце мая 1939 года японские войска вторглись на территорию Монгольской Народной Республики (МНР). 57-й особый корпус РККА, находившийся на территории МНР согласно Протоколу о взаимной помощи, совместно с монгольскими частями дал отпор агрессору. Но в дальнейшем военный конфликт, подобно костру, разгорелся еще жарче. По сути, это была война, продолжавшаяся с весны и до начала осени.

И хотя расстояние от Читы до района боевых действий было порядка 500 километров, тем не менее школа пилотов перешла на режим фронтовой работы. Аэродром школы стал местом базирования боевой авиации. Ежедневно тяжелые четырехмоторные бомбардировщики ТБ-3, словно драконы, с натужным ревом поднимались в воздух, неторопливо набирали высоту, а затем ровным строем уходили на восток. Отбомбившись по японским позициям, самолеты на обратном пути совершали посадки на прифронтовые аэродромы, где забирали раненых и возвращались в Читу.

Вся тяжесть погрузки и разгрузки этих огромных крылатых машин легла на плечи Маресьева и его товарищей. Они таскали ящики с медикаментами, доставляли на тележках бомбы, подвешивали их, укладывали боекомплекты пулеметов, переносили раненых, помогали техникам и мотористам обслуживать самолеты. Работать приходилось и днем и ночью. Одновременно их наставники — летчики-инструкторы круглосуточно несли дежурство на истребителях, готовые по первому сигналу подняться в небо в случае появления японских самолетов. «Уставали так сильно, что некогда было и в небо глянуть», — с улыбкой вспоминал Маресьев.

В один из дней на аэродроме для дозаправки приземлились три транспортных самолета, на которых в район Халхин-Гола следовала группа летчиков-истребителей. Маресьев как раз находился на летном поле. По серьезным лицам высадившихся летчиков, их жестам, разговорам он сразу понял, что это опытные пилоты. Но побеседовать с ними не удалось. Через несколько часов гости улетели. А позднее Алексей узнал, что именно они устроили японцам настоящую русскую «баню». 22 июня 1939 года в районе Халхин-Гола состоялось крупнейшее воздушное сражение того времени. В воздухе встретились 120 японских самолетов и 95 советских. Схватка длилась 2,5 часа. Дикие орлы — так называли себя японские летчики — потеряли 31 самолет, сталинские соколы — 11 машин.

Будущим летчикам-истребителям очень хотелось встретиться с кем-либо из этих отважных асов. И такая возможность вскоре представилась. Месяца через два комиссар привел в отряд гостя. Это был человек среднего роста в гимнастерке с двумя шпалами в петлицах и добродушным лицом.

— Дважды Герой Советского Союза, летчик-истребитель майор Грицевец, — представил гостя комиссар.

Маресьев, как и все курсанты, с восхищением смотрел на летчика, который в недавних воздушных боях «завалил» 12 японских самолетов. А до этого он воевал в Испании, где также одержал немало побед, за что и удостоился первой Звезды Героя. Вторую получил за Халхин-Гол. Было Сергею Ивановичу Грицевцу на тот момент 30 лет. Кроме того, что Грицевец сбил много японских самолетов, он совершил и уникальный в своем роде подвиг. В одном из воздушных боев был подбит самолет командира 70-го истребительного авиаполка майора В. М. Забалуева. Летчик выбросился с парашютом, но оказался на занятой японцами территории. На помощь командиру бросился Грицевец. Ему удалось совершить посадку в расположении противника, забрать командира, посадив его в одноместную кабину, а затем на глазах у растерявшихся японцев взлететь. Подобного случая еще не знала история советской авиации.

Грицевцу было чем поделиться с будущими летчиками. В частности, он подробно рассказал о тактических приемах воздушного боя, применяемых японцами, о сильных и слабых сторонах советских и японских истребителей. Маресьев ловил каждое слово прославленного аса. Сейчас он для него был что-то вроде бога. Между тем майор говорил просто, без всякого назидания:

— Летчик-истребитель не только должен, а обязан пилотировать легко, с блеском и отвагой, в противном случае он будет не истребителем, а всего лишь мокрым воробьем...

Встреча с прославленным воздушным бойцом прибавила Маресьеву новых сил. Многие из того, о чем он говорил, Алексей впоследствии применит в боях Великой Отечественной войны. Сейчас же он старался учиться лучше, поскольку было на кого равняться. Был еще один достойный пример для подражания — летчик-истребитель, мастер высшего пилотажа, участник гражданской войны в Испании, Герой Советского Союза Анатолий Константинович Серов. Приказом НКО СССР от 22 июня 1939 года № 120 школе было присвоено имя этого бесстрашного летчика.

В сентябре 1939 года боевые действия на Халхин-Голе закончились, территория МНР была полностью очищена от японских захватчиков. А

через месяц 30-я Читинская школа пилотов была перебазирована на юг — в город Батайск Ростовской области. Обусловлено это было тем, что эпицентр военной угрозы смещался на запад, где уже полыхала Вторая мировая война. Поэтому наличие ряда авиационных школ на востоке страны утратило свое значение. Передислоцированная школа приказом наркома обороны СССР была переименована в Батайскую авиационную школу пилотов им. А. К. Серова.

Небольшой опрятный городок Батайск, расположенный в 10 километрах от Ростова-на-Дону, встретил прибывших преподавателей, летчиков-инструкторов и курсантов теплом. Если в Чите, откуда они на поезде отправились в путь, по утрам уже давали о себе знать бодрящие морозцы, то здесь холодами и не пахло. Дни стояли погожие, яркие. В высоком, с глубокой синевой небе властвовало еще неостывшее солнце, а деревья на улицах и во дворах жителей только начинали менять свои зеленые одежды на золотистые платья и сарафаны.

По сути, это уже были родные края Маресьева. От Батайска до Камышина, по забайкальским меркам, рукой подать. И все равно на поездку на родину можно было рассчитывать только во время отпуска. Сейчас же на первом плане стояла дальнейшая учеба.

Школу разместили на базе расформированной Батайской Краснознаменной школы гражданского воздушного флота им. В. Н. Баранова. Для полноценной учебы здесь уже имелись учебные и жилые корпуса, ангары, мастерские, складские помещения, спортгородки, клубы, поликлиника. Был даже ночной санаторий для отдыха авиаторов. Учебно-материальная база продолжала и дальше улучшаться. Также расширялось строительство объектов социального назначения. Одновременно шла перестройка учебного процесса, совершенствовались формы и методы обучения курсантов.

Из числа прибывших курсантов была сформирована сначала одна, а затем 2-я и 3-я эскадрильи. В дальнейшем будут сформированы еще три эскадрильи. Местом их дислокации были города Батайск, Азов, Таганрог, поселок Зерновой^[9] и село Кулешовка^[10]. Там же находились учебные аэродромы. Для обучения будущих летчиков школа получила самолеты У-2, УТ-2, И-15, И-16. За короткое время общее число крылатых машин достигло 300 единиц.

Как и другие подобные учебные заведения ВВС страны, Батайская авиационная школа стала кузницей подготовки летчиков-истребителей. Забегая вперед скажем, что в годы Великой Отечественной войны более 150 летчиков-серовцев будут удостоены звания Героя Советского Союза.

Здесь становился на крыло В. И. Попков, впоследствии дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации, он же знаменитый «маэстро», прототип главного героя фильма «В бой идут одни старики». В батайское небо поднимал учебную крылатую машину будущий Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации Г. У. Дольников, ставший прообразом шолоховского рассказа «Судьба человека». Выпускниками авиашколы были прославленные «ночные ведьмы», наводившие ужас на фашистов в годы Великой Отечественной войны, Герои Советского Союза О. А. Санфирова, Е. А. Никулина, Е. Д. Бершанская...

Учебная программа была насыщенной. За оставшееся до выпуска время Маресьев и его товарищи должны были овладеть техникой пилотирования днем и ночью, научиться водить звено и эскадрилью на всех высотах и в сложных метеоусловиях, на предельном радиусе действия самолета с боевым применением, вести воздушный бой одиночно и в группе. Общий налет на одного курсанта устанавливался до 150 часов.

Начались напряженные дни учебы. Теоретические занятия чередовались с практическими. Их проводили опытные летчики-наставники. Впоследствии Маресьев с большой теплотой вспоминал командира 3-й эскадрильи майора Казанского, командиров отрядов капитанов Хвостикова и Калачева, командира звена старшего лейтенанта Герасимова, которые ставили его на крыло.

В батайском небе Маресьев впервые поднялся в небо на И-16. «Ишак», «ишачок», «курносенький» — так называли тогда этот самолет-истребитель. И-16 был первым в мире истребителем-монопланом с убирающимся шасси. Испытал и дал ему путевку в жизнь легендарный Валерий Чкалов. Самолет был очень маневрен и легкоуправляем, он воспитывал в летчике «чувство самолета». Были у этой машины и слабые места, особенно в управлении. Если, к примеру, бросить ручку, то самолет сразу срывается в штопор. Не случайно поэтому сами летчики говорили: кто хорошо летает на И-16, тот сможет летать хоть на черте с рогами. На нем Алексей и вступит в свой первый бой с асами Геринга, но все это будет впереди. Пока же стремительно, словно скоростные истребители, летели курсантские будни. Полеты, занятия, разборки заполняли все время.

Вот что писал впоследствии в своей книге «Летит стальная эскадрилья» о буднях курсантов Батайской авиационной школы ее питомец, Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Г. У. Дольников: «Самолеты И-16 все еще считались у нас лучшими истребителями, и мечтой каждого летчика было овладеть этой сложной в технике пилотирования машиной. Особенно неподатливым был И-16 на взлете и

посадке, думается, сложнее самолетов всех последующих поколений.

Эти особенности самолета мы хорошо знали, поэтому очень тщательно готовились. Но прежде чем начать полеты, курсанты должны были отработать рулежку. Для этой цели были подготовлены устаревшие, отслужившие сроки, еще со старыми моторами, самолеты И-16, да и у тех обшивку на крыльях сняли, чтобы на разбеге они не смогли взлететь.

И вот мы с увлечением рулим и „взлетаем“ без взлета. Поначалу почти каждый, начав разбег в одну сторону, заканчивал его в обратную. Бывали и случаи капотирования — когда самолет переворачивался через крыло и оказывался вверх колесами. Это происходило при соответствующей ошибке и у бывалых летчиков на боевых самолетах. Тогда шутники говорили: „Перевернули вверх колесами для просушки“, а несведущие новички верили... А курсантская служба тех лет была нелегкой.

Ну вот, помнится, сопровождали мы самолеты на земле: отлетаю, каждый был обязан сопровождать за крыло машину своего товарища при выруливании на взлетную и встретить после посадки. Хорошо, когда летали сами — рулили тихо, без рывков. А иной инструктор, желая проучить курсанта, рулил с такой скоростью, что, уцепившись за плоскость, бежишь подчас, переставляя ноги в воздухе, словно в горизонтальном полете. Да еще пыль аэродромная в глаза набивается, на зубах скрипит. Хорошо сопровождать, когда отлетался, и ох как трудно летать, насопровождавшись.

После полетов мы допоздна готовили самолеты к завтрашнему дню. Под руководством механика все делали сами: не только драили машины от носа до хвоста, но и умели выполнять все тонкие работы — заплетали тросы, регулировали зазоры, меняли кольца, перебирали шасси. Уставали необычайно... Все было подчинено скорой подготовке летчиков для строевых частей».

Минуты отдыха, пусть и не часто, тоже случались. Как говорится, в бою успех, а после боя — шутки и смех. В школе работали кружки художественной самодеятельности, в одном из которых занимался Маресьев. Он хорошо играл на мандолине и был участником концертов для своих сослуживцев и членов семей офицеров.

В выходные дни наиболее успевающим курсантам, в их числе был и Алексей, выдавали увольнительные в Ростов-на-Дону. К каждому такому выходу курсанты готовились как к строевому смотру или параду. Тщательно отглаживали обмундирование, надраивали пуговицы, пряжки ремней и сапоги. Выезжали увольняемые обычно сразу после завтрака. В городе они ходили в кино, на экскурсии. Популярностью пользовался

центральный городской парк. Там играл духовой оркестр, была танцплощадка. В летние жаркие дни курсанты старались попасть на левый берег Дона, чтобы искупаться и позагорать. В школу возвращались к отбою бодрыми и отдохнувшими. А утром их снова ждали классы или летное поле аэродрома.

Незаметно подоспела пора выпускных экзаменов. Это было в начале осени 1940 года. В ходе испытаний Маресьев блестяще продемонстрировал свои теоретические и практические знания, полученные в школе. Для подтверждения этих слов приведем оценки из Акта выпускных испытаний комиссии НКО курсанта Батайской военной авиационной школы им. Серова Маресьева Алексея Петровича:

История ВКП(б) — хорошо
Строевая — хорошо
Физическая — хорошо
Тактика ВВС — хорошо
Топография — хорошо
Моторы — отлично
Самолеты — хорошо
Воздушная стрельба — отлично
Теория и техника полета — отлично
Полетная практика — отлично
Парашютное дело — хорошо.

Особо члены комиссии отметили умение молодого летчика мастерски выполнять фигуры пилотажа, качественно осуществлять взлет и скрупулезно совершать посадку. Впрочем, обратимся к еще одному документу, хранящемуся в его личном деле. Оформлен он в виде таблицы и называется «Результат испытаний по летной подготовке курсанта 1-го выпуска Батайской военной авиационной школы им. Серова тов. Маресьева А. П.».

Задание 1-е: первый полет по прямоугольному маршруту (по кругу) на самолетах И-16 и И-15			
№	Элементы полета	Оценка	Недостатки в выполнении элементов полета
1	Осмотрительность на земле и в воздухе	отлично	
2	Взлет	хорошо	
3	Подъем	отлично	
4	Развороты	хорошо	
5	Маршрут	отлично	
6	Горизонтальный полет	отлично	
7	Полет скольжение	хорошо	
8	Планирование	хорошо	
9	Посадка	отлично	
10	Пробег	отлично	
Общая оценка полета — отлично			

Всего в ходе сдачи экзаменов Маресьев совершил три полета по кругу, выполняя новые задания. Самым сложным было третье задание, где ему пришлось демонстрировать фигуры пилотажа: петлю, иммельман, штопор, виражи, бочку, развороты, перевороты через крыло... За каждый из полетов он получил общую оценку «отлично».

Успехи молодого летчика в боевой и политической подготовке, общественной жизни, его моральные и служебные качества нашли отражение в Выпускной аттестации: «Партии Ленина-Сталина и социалистической Родине предан. Политически развит. Морально устойчив. Бдителен. Военную тайну хранить умеет. В общественной и комсомольской работе активен. Среди массы авторитетом пользуется, волевые качества хорошие, к себе требователен, дисциплинирован. Является примером для других. Летает уверенно, на замечания реагирует быстро. В воздухе дисциплинирован. Здоров, физически развит хорошо, строевая подготовка хорошая... Целесообразно использовать летчиком в частях ВВС РККА. Достоин присвоения военного звания „младший лейтенант“».

Сразу после экзаменов состоялся первый выпуск питомцев Батайской авиационной школы. Весь личный состав выстроился на плацу. Тут же многочисленные почетные гости из города, родственники, члены семей офицеров. В строгих шеренгах замерли вчерашние курсанты. Сверкали на

солнце звездочки на пилотках, поскрипывали новенькие португезы, поблескивали сапоги, слегка колыхалось на теплом ветру Боевое знамя школы, гремела бравурная медь оркестра... В этой торжественной обстановке выпускникам зачитали приказ наркома обороны маршала Советского Союза С. К. Тимошенко от 10 октября 1940 года о присвоении офицерских званий. Военно-воздушные силы страны получили 542 новых летчика.

Алексей был счастлив, как никогда. Чувство пьянящей радости переполняло душу. Он — офицер, летчик-истребитель! В голове крутилась одна мысль: теперь бы скорее попасть в строевую часть. Однако молодого офицера ждало разочарование. Пятерки, заработанные им во время учебы, сыграли свою роль в том, что командование решило оставить его, «курсанта с отличной техникой пилотирования», в школе летчиком-инструктором. Иными словами, он должен учить будущих летчиков. Начальство исходило из того, что Маресьев умел не только отлично летать, но имел опыт работы с личным составом, обладал педагогическими способностями. Это и стало решающим фактором в определении его дальнейшей службы.

После выпуска, получив короткий отпуск, наш герой убыл в родные края. В новенькой, с иголочки, синей офицерской форме, в голубых петлицах которой красовался долгожданный вишневый «кубарь» младшего лейтенанта, Маресьев приехал в близкий сердцу Камышин. Всплеснув руками от радости, заплакала мать.

— Ну не плачь, не плачь! — успокаивал он, припадая к ее теплоте в слезах лицу.

Прежде Екатерина Никитична была против того, чтобы ее Леняка стал летчиком. А он, можно сказать, пошел против материнской воли. Впоследствии Алексей Петрович вспоминал: «Всегда понимала меня моя мама. Только один раз в жизни разошлись мы с ней. Она никак не соглашалась с тем, чтобы я стал летчиком. Она боялась за меня. Но я не мог отказаться от своей мечты. Я стал летать. Говорят, большое мужество и стойкость нужны летчику, который один в небе сражается с врагом. Но я думаю: не меньшее мужество нужно матери летчика, которая ничем не может помочь своему сыну, а может только смотреть в небо и ждать».

В этот приезд Алексея домой материнское сердце оттаяло. Она искренне радовалась за сына, гордилась им. Как радовались этому старшие братья! Да и соседи по улице приходили полюбоваться на красавца-летчика и заодно расспросить о том, нападет ли Гитлер на Советский Союз. Земляков тогда особенно волновал этот вопрос, поскольку по всей Европе

уже громыхали грозы войны.

Как один день пролетел и без того короткий двухнедельный отпуск, после которого Маресьев приступил к исполнению своих новых обязанностей. Еще вчера летчик-инструктор учил его технике пилотирования, а теперь он сам инструктор, главный преподаватель и воспитатель летной группы курсантов, отвечающий за их обучение, воспитание и воинскую дисциплину.

Безусловно, любая новая должность — это тоже своего рода экзамен. Справлюсь ли? Хватит ли знаний, опыта? Эти вопросы задает себе любой человек, получив повышение по службе. Не давали покоя они и Маресьеву. Ведь отлично летать и учить летать других — это далеко не одно и то же. Однако рядом были старшие товарищи, их помощь, советы, наставления помогли ему быстрее освоиться в новом качестве.

Под началом Маресьева было 12 курсантов — примерно одного возраста, но разных по уровню знаний и совершенно непохожих по характеру. Его задача как летчика-инструктора в первую очередь состояла в том, чтобы научить каждого из них летному делу. И не только. Для этого он должен был оценить способности каждого своего подопечного, к каждому найти подход, то есть изучить черты его характера, настроения и нужды. В «Памятке инструктору-летчику по воспитанию и обучению курсантов» говорилось, что «инструктор является основным непосредственным воспитателем курсантов, располагающим наибольшими возможностями воздействия на них. Он обязан воспитывать у них беззаветную преданность Родине, инициативу, смелость, дисциплинированность». Иными словами, Маресьев стал для своих питомцев и учителем, и воспитателем.

— Обучение и воспитание курсантов — это неразрывный процесс, — постоянно напоминал летчикам-инструкторам начальник школы полковник А. И. Кутасин, имевший за плечами опыт воздушных боев во время Советско-финской войны.

Маресьев был требовательным, взыскательным летчиком-инструктором. Не терпел расхлябанности, недисциплинированности, безответственности. Он постоянно находился с курсантами, обучая их тонкостям пилотирования. Отдельно занимался с отстающими. Иногда курсантам казалось, что их командир вообще не уходил домой. Во время выездных полетов так и было. Маресьев не покидал кабину практически весь день, используя для отдыха немногие минуты, отведенные на заправку крылатой машины. Но и пока шла заправка, ему приходилось пошагово разбирать полеты курсантов. В ходе таких разборов не миндальничал, мог строго отчитать иного «летуна» за допущенные ошибки:

— Курица лучше летает, чем вы, товарищ курсант...

Но никто не обижался. В следующем полете такой курсант уже не допускал промахов, старался четко выполнить ту или иную фигуру пилотажа.

Особенно переживал Маресьев за своих «птенцов», когда они самостоятельно поднимались в небо. Не раз екало сердце, если вдруг кто-то выполнял упражнение не так. Это могло обернуться трагедией. Ведь небо не прощает ошибок. Придя домой и ложась спать, Алексей многократно прокручивал в голове прошедший летный день, анализировал действия своих подопечных. А на следующий день, как всегда, ранний подъем в 3–4 часа утра, аэродром, предполетная подготовка и нескончаемый гул взлетающих и заходящих на посадку самолетов.

В июне 1941 года в школе состоялся очередной плановый выпуск летчиков-истребителей, в числе которых были и питомцы Маресьева. Но этот первый летний месяц был и последним мирным месяцем. До начала войны оставались считанные дни...

Глава 3. Жаркое небо 41-го

Кто не воевал в 1941–1942-м годах, тот не видел настоящей войны.

А. И. Покрышкин, трижды Герой Советского Союза, маршал авиации

В воскресенье 22 июня Маресьев вместе с товарищем Николаем Шаховым, таким же летчиком-инструктором, прямо с утра отправился в Ростов-на-Дону. В распоряжении был целый день, но, главное, зачем они туда поехали, — это заказать себе в пошивочном ателье гражданские костюмы. Купили в универмаге материал. Причем не какой попало, а шевиот стального цвета. Зашли в ателье. Приветливый лысоватый закройщик-армянин снял с них мерки, затем, повесив сантиметр на шею, стал выписывать квитанции на оплату. И в этот момент в ателье забежала женщина.

— Война! — чуть ли не истеричным голосом закричала она. — Началась война! В 12 часов будет выступать Молотов...

— Что вы панику сеете! — резко бросил женщине Маресьев. — Какая война? С кем?..

— С Германией! — так же резко ответила она.

У Маресьева в эту минуту невольно вырвалось:

— Ну, Колян, придется нам повоевать...

Возвращаясь в Батайск, друзья все равно не могли взять себе в толк эту страшную новость. Как же так? — недоумевали они. Ведь у Советского Союза с Германией пакт о ненападении. Тем более что неделю назад — 14 июня — в «Известиях» было опубликовано Сообщение ТАСС, в котором ясно сказано: ходят слухи, что Германия якобы хочет напасть на Советский Союз. Это лживые и провокационные слухи, лишённые всякой почвы. Германия пунктуально выполняет договор о ненападении, как и Советский Союз. И вот после этого...

Однако все сомнения Маресьева и его товарища через два часа развеяло официальное сообщение, переданное по радио. Из хриплого репродуктора, установленного на столбе у плаца школы, все услышали голос наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова. В своей речи он сказал о том, что фашистская Германия «без предъявления каких-либо

претензий... без объявления войны» напала на Советский Союз, поэтому вся ответственность за это разбойничье нападение на СССР целиком и полностью падает на германских фашистских правителей. Заключительные фразы «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами», сказанные Молотовым, немного подняли собравшимся на плацу курсантам и офицерам настроение, но все равно оно оставалось тяжелым.

Вскоре состоялся митинг, на котором батальонный комиссар школы Малолетков сказал, что война будет трудной. Агрессор, напавший на Страну Советов, сильный и коварный, но очень скоро непобедимая Красная армия отразит его натиск и начнет громить фашистов на их же территории. Другие выступавшие заверили, что в борьбе с фашизмом они отдадут все силы, а если потребуется — и жизнь.

Находясь на многие сотни километров от вероломно нарушенных границ, Алексей и его товарищи нисколько не сомневались в скорой победе над агрессором. Поэтому первым естественным порывом каждого из них было желание отправиться на фронт. Но в те минуты они еще не знали, что вторгшийся враг, словно удав, уже заглатывает огромные пространства советской земли. Его танки утюжат дороги, ведущие к Минску, Риге, Киеву. На военных аэродромах Украины, Прибалтики, Белоруссии черными факелами пылают сотни и сотни краснозвездных крылатых машин, так и не поднявшихся в воздух. А тех, кто успел поднять самолеты в воздух, немецкие асы^[11] сбивали, словно охотники куропаток. На восток, в глубинную часть страны потекли нескончаемой рекой колонны беженцев, машин, повозок...

На следующий день громом среди ясного неба стало появление над Батайском немецкого бомбардировщика Ju.88. В условиях низкой облачности чужака черно-зеленого цвета определили сразу. На фюзеляже и крыльях «Юнкерса» отчетливо выделялись крупные строгие кресты. В этот момент Маресьев как раз был на аэродроме, а в воздухе находилось несколько учебных самолетов, но они были бессильны перехватить немецкую машину, вскоре скрывающуюся в облаках.

Начиная с 22 июня жизнь школы пошла по глубокой колее войны. Вся работа учебного заведения была подчинена интересам фронта. Маресьев практически дневал и ночевал в школе. Занятия стали проходить с большей интенсивностью, программу обучения курсантов сократили до шести месяцев. Полеты начинались с рассвета и продолжались до наступления темноты. Бывали дни, когда Маресьев и другие летчики-инструкторы совершали вместе с курсантами по 70–80 взлетов и посадок. Задача состояла в том, чтобы ускорить выпуск курсантов, дать фронту

подготовленных летчиков-истребителей. Однако через некоторое время возникли проблемы с нехваткой авиатехники, так как часть боевых машин вместе с летчиками была отправлена на фронт. Поэтому курсантам приходилось дожидаться очереди, пока освободится самолет, чтобы подняться в воздух. Но никто не роптал, не жаловался. Все понимали: идет война.

В конце июля на Ростов упали первые немецкие бомбы. Прилетевший со стороны Азовского моря немецкий бомбардировщик сбросил смертоносный груз на двухэтажный жилой дом. Почти все находившиеся в нем жильцы погибли. Затем стервятник сделал заход на мост через Дон, но промахнулся — бомбы не попали в цель. После этой бомбардировки Маресьева и других летчиков-инструкторов стали задействовать для выполнения задач по прикрытию гражданских объектов и воинских частей от налетов вражеской авиации.

Между тем война, подобно грозовой туче, стремительно приближалась к донским хуторам и станицам. Поступавшие с фронтов вести становились все тревожнее. Красная армия оставляла город за городом. Среди офицеров стали поговаривать о перебазировании школы в Азербайджан. Занятия, в частности полеты, практически прекратились. Многие летчики-инструкторы хотели попасть на фронт. Рвался туда со своим упрямым характером и Маресьев.

— Братцы, сколько же ждать? — спрашивал он у своих коллег летчиков-инструкторов. — Рапорты надо подавать на имя начальника школы: наше место сегодня должно быть на фронте!

— Какой фронт, товарищ младший лейтенант? — вскинув брови, строго посмотрел на Маресьева начальник школы полковник А. И. Кутасин, когда тот заикнулся о своем рапорте. — Твоя задача учить молодежь, а навоеваться еще успеешь.

Однако настырность ли Маресьева, другие ли обстоятельства сыграли свою роль, но в первых числах августа его очередной рапорт (всего он написал шесть) был наконец-то удовлетворен. Вот что рассказывал об этом сам Маресьев: «Меня стали посылать дежурить в Ростов, то есть давали мне вроде как боевую работу. Я взял и написал докладную записку, чтобы меня взяли на фронт. Однажды я дежурю на главном аэродроме, и меня вызывает командир звена. Встречает он меня словами: „До свиданья, до свиданья“. Я говорю: „Что это за до свиданья?“ — „А ты улетаешь“. Оказывается, по моей докладной записке меня направили на фронт».

На фронт Маресьев улетаел не один, а в составе группы, которая была сформирована по приказу начальника школы. Перед вылетом состоялись

короткие провода. Не без грусти Маресьев расстался со своими питомцами, которые получили от него первые летные уроки. На прощание они пожелали ему, как это принято в авиации, легкой посадки.

Тепло попрощался с летчиками и полковник Кутасин. Это были трогательные и волнительные минуты. Александр Иванович обошел всех, каждого по-отцовски обнял и поцеловал. После этого обратился к летчикам с короткой речью:

— На опасное дело, на святое дело вы идете, сынки. Надеюсь, что вы с честью оправдаете доверие нашей великой Родины. Не посрамите родную школу, которая дала вам крылья! Бейте фашистских гадов, дорогие мои истребители, бейте так, чтобы с каждым днем их становилось все меньше и меньше. Помните, что дело нашего народа правое — враг будет разгромлен, победа будет за нами!..

Вскоре прозвучала короткая команда:

— По машинам!

Отработанными движениями Маресьев надел парашют. Техник самолета помог ему застегнуть карабины. Затем летчик пружинисто поднялся на плоскость. И вот он уже в кабине. Заняли свои места и его товарищи. Самолеты, огласив поле громким трескучим ревом, стали выруливать на старт. Буквально через каких-то пять минут группа крылатых машин уже была в воздухе. Сомкнув строй, как на параде, «ишачки» взяли курс на Южный фронт. Позади остался родной аэродром. Под крылом в легкой прозрачной дымке замелькали донские хутора и станицы, золотые ковры пшеничных полей, извилистые ленты рек.

По пути, прежде чем долетели до места назначения в район Кировограда, где базировался 296-й истребительный авиационный полк ^[12] 66-й авиационной дивизии, два раза делали посадки для дозаправки горючим.

«Наш полк, которым командовал майор Николай Баранов, уже сформировался, когда к нам прибыла на пополнение группа инструкторов из Чугуевского и Батайского авиационных училищ [на тот момент авиационные школы. — Н. К.], — вспоминал в своей книге „Воздушные бойцы“ однополчанин Маресьева, Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Б. Н. Еремин. — Я был помощником командира эскадрильи, запомнил всех. Старшим группы был капитан Владимир Кулев, в состав ее входили Владимир Балашов, Николай Демидов, Алексей Маресьев, Алексей Соломатин, Иван Вишняков, Александр Мартынов, Василий Скотной и другие. Все они были опытными инструкторами с прекрасной техникой пилотирования, и теперь им предстояло приобщиться

к боевой деятельности. Мы их очень ждали, потому нас уже изрядно потрепали. Летали мы на И-16, как их называли „ишачках“, надеялись, что новички придут на свеженьких машинах, а они пришли на залатанных школьных самолетах. Тех самых, на которых курсантов обучали. А другие где им было взять? Кое-кто из встречавших говорил, знаете, с такой иронией — ну, вот, мол, надежды наши... Однако все прибывшие оказались прекрасными летчиками, у них была отличная техника пилотирования. Отмечу еще, что изъяны материальной части они компенсировали не только высоким мастерством, но и исключительным желанием драться... Всех нас связала крепкая боевая дружба — самый трудный период войны предстояло провоевать вместе».

Маресьев, можно сказать, попал в самое пекло боев. Обстановка была сложная, к тому же она постоянно ухудшалась. Советские войска, истекая кровью и неся огромные потери, держали оборону по рубежу Днепра от плацдарма у Киева до Кременчуга и далее по линии Кривой Рог — Каховка — Херсон. В течение августа противник неоднократно пытался овладеть Киевом и форсировать Днепр в полосе Юго-Западного фронта, но безуспешно. Тогда немецкое командование развернуло значительные силы на юг для удара во фланг и в тыл Южному фронту. Тяжелые бои шли под Одессой, Тирасполем, Мелитополем.

Полк, в котором начал служить Маресьев, даже трудно было назвать полноценной боевой единицей. Он находился в стадии формирования, в его состав входили две эскадрильи, которые начали пополняться, как уже сказано, летчиками-инструкторами Батайской и Чугуевской военных авиационных школ. Технический состав был укомплектован всего лишь на 20 процентов.

Боевого опыта никто из прибывших не имел, но зато техникой пилотирования, как сказано выше, все действительно владели отменно: сказывались навыки, приобретенные при подготовке курсантов. Инструкторская работа стала для Маресьева и его товарищей действительно хорошей школой. Обучая курсантов, они показывали высокий уровень техники пилотирования. Инструкторы намного точнее, безупречнее, чем летчики строевых частей, управляли крылатыми машинами, в большей степени контролировали полеты по приборам, поскольку именно так следили за правильностью действий курсантов. И теперь здесь, на фронте, летчики из инструкторов быстро влились в боевой строй, став умелыми воздушными бойцами.

Что касается авиапарка, то полк насчитывал полтора десятка уже не новых истребителей И-16, два штурмовика Ил-2, неисправный скоростной

истребитель МиГ-1 и всё, тогда как по штату должен был иметь не менее 34 самолетов. Пополнение парка материальной частью шло только за счет ремонта подбитых и неисправных машин. Их отыскивала и подбирала специальная команда, состоявшая из техников и механиков. Так в полку оказались два «верблюда», как называли штурмовик Ил-2, и один скоростной истребитель.

Об Ил-2 в полку шутили: «Что такое верблюд? — это ишак, доработанный нашей авиационной промышленностью по просьбе летчиков-штурмовиков». Из-за характерной конфигурации этого самолета его еще прозвали «горбатым». По этому поводу в полку тоже ходил анекдот:

«Истребитель встречает штурмовика, летящего на боевое задание, и спрашивает:

— Куда путь держишь, горбатый?

— На охоту!

— А почему так сгорбился?

— Какая охота, если лететь неохота, разве не видишь, сколько бомб на себе тащу!...»

Безусловно, шла война, это были невероятно трудные для Красной армии дни, но шутки никто не отменял. Они часто разряжали напряженную обстановку, снимали стресс, поднимали дух летчиков в тяжелые минуты. Немцам же при налетах Ил-2 было не до шуток. За смертельные удары они называли эту мощную крылатую машину «бетонным самолетом».

Несмотря на некомплект, летчики полка выполняли множество задач. Они сопровождали бомбардировщики, летали на разведку, вели патрулирование районов с целью перехвата и уничтожения немецких самолетов. Не вылетали только на свободную охоту — значится и такой пункт в боевых отчетах полка. Из формуляра полка известно, что в период с июля по октябрь 1941 года летным составом было совершено 639 вылетов на патрулирование, 487 — на сопровождение, 455 — на разведку, 437 — на штурмовку, 0 — на свободную охоту.

Маресьев в основном летал на штурмовки. Свой первый боевой вылет он совершил 23 августа в составе звена в районе Кривого Рога. Летчики вышли на передовые позиции немцев, сделали несколько заходов, обрушили на голову противника град свинца и благополучно вернулись на аэродром. А первый воздушный бой он провел в районе Днепродзержинска. Маресьев хорошо запомнил эту встречу с врагом:

«Не забуду навек свой первый воздушный бой. Пошли мы на трех машинах — старший лейтенант Саша Костыгов, Коля Демидов и я — на

разведку к Днепропетровску. Вдруг навстречу три „Мессера“ [„Мессершмитт“ Me-109. — Н. К.]. Решили вступить в бой, но фашисты боя не приняли. Когда передо мной мелькнула вражеская машина, так захотелось немедленно ее сбить, что я в спешке забыл снять с предохранителей два синхронных пулемета — те, которые стреляют через винт. Смотрю — крыловые стреляют, а синхронные — нет. В общем, очередь ушла куда-то вверх — и все кончилось. Выстроились мы клином и пошли дальше, а я про себя отчитываю механика по вооружению, который, как я думал, выпустил меня с неисправным оружием.

Перед заходом на посадку по правилу нужно все оружие поставить на предохранитель, чтобы над аэродромом не получилось непроизвольного выстрела. Тяну ручку синхронных пулеметов, а она не тянется. Что такое? И все стало ясно... На земле механик спрашивает: „Как оружие?“ Я отвечаю, мол, все в порядке. Стыдно было признаться в своем промахе. Проверил он боекомплект: „А вы что, из синхронных не стреляли?“ — „Да нет, — говорю, — не понадобились“».

В дальнейшем Маресьеву приходилось выполнять по 3–4 вылета в день, но бывало, что он делал и по 7–8 вылетов. Тогда день превращался в сплошной нескончаемый бой. Не успевал, что называется, прилететь на аэродром, заправить бак горючим, загрузить боекомплект, проверить машину, как опять звучала команда на очередной вылет. И пока хватало горючего, в точности выполнял приказ: «Бить врага до последнего патрона, все расстреливать по противнику». Вновь обратимся к мемуарам однополчанина Маресьева Б. Н. Еремина:

«Если говорить о характере боевой работы, то в те дни очень высока была интенсивность вылетов на штурмовку и разведку. Известно, что истребитель, используемый как штурмовик, очень уязвим. Броневой защиты у него нет, а бьют по нему с земли из всех видов оружия. Что же касается плотности огня самого истребителя, то двумя пулеметами, которыми было вооружено большинство машин И-16, многого, конечно, не сделаешь. Сейчас не помню, кто именно из наших летчиков забрался в кабину одного из бесхозных штурмовиков Ил-2, поднял его в воздух, полетал на нем и приземлился со словами: „Пойдет! Заряжай оружие!“ И с тех пор в течение некоторого времени наши истребители исправно летали на этих штурмовиках, когда группа получала задание вылетать на штурмовку.

Чаще всего тогда мы штурмовали артиллерийские позиции на острове Хортица, поскольку враг установил там несколько артиллерийских батарей, которые методично обстреливали город [Запорожье].

Остров этот знаменитый. Когда-то, в далекие времена, здесь бушевала Запорожская Сечь. В годы гражданской войны кремлевские курсанты вели здесь бой с врангелевцами. Теперь вот мы выбивали с острова фашистов...

Заходы мы делали парами. Выходили к острову с юга, делали „горку“, а затем атаковали артпозиции. В основном били из пулеметов по артиллерийской прислуге и по ящикам с боезапасом. Два наших Ил-2 сбросили бомбы на землянки и вели мощный огонь из пушек. От цели мы уходили на бреющем по Днепру, затем набирали высоту и снова атаковали. Так по четыре захода с разных направлений. Специально выделенная пара истребителей подавляла зенитные точки. Каждый летчик сам выискивал себе цель».

А вот свидетельство еще одного однополчанина Маресьева — Героя Советского Союза, генерал-майора авиации И. А. Вишнякова. В своей книге «На крутых виражах» он пишет:

«День ото дня боевая работа полка становилась все более напряженной, иногда приходилось по пять-шесть раз подниматься в небо. Наши наземные войска вели ожесточенные оборонительные бои и нуждались в хорошей поддержке с воздуха. А поскольку потери в летчиках и самолетах восполнялись далеко не полностью, оставшимся в строю истребителям приходилось летать с предельным напряжением...

— Вишняков, на командный пункт! — позвал меня командир эскадрильи.

На КП уже собрались Маресьев, Демидов, Соломатин, Федоров и Костыгов. Пригласив летчиков сесть, командир полка поставил задачу:

— Приказано выслать на Хортицу шесть самолетов. Нужно нанести удар по живой силе и технике противника. Кроме того, надо вызвать огонь зенитной артиллерии на себя и подавить его штурмовыми действиями. Ведущим группы назначаю Александра Костыгова.

Мы сразу же в деталях обсудили варианты внезапного подхода к цели, определили направление атак и порядок взаимодействия между самолетами и звеньями.

До острова, занятого гитлеровцами, было рукой подать. Шестерка истребителей подошла к нему на бреющем полете и, набрав высоту, атаковала противника. Маневр и удар были настолько неожиданными, что немцы не успели сделать по нашим самолетам ни одного выстрела.

„Повторяем атаку!“ — покачиванием крыльев просигналил командир группы. И шестерка И-16 снова вошла в пике.

На этот раз Хортица, словно гигантский ерш, оцетинилась огненными колючками. Каждый из нас уже знал, что такое противозенитный маневр, и

умело пользовался им. Делаем третий заход, четвертый... Буйство зенитного огня постепенно снижалось. Наконец не стала стрелять ни одна вражеская зенитка, будто были перебиты все оружейные расчеты.

И как раз в это время с левого берега Днепра показалась группа бомбардировщиков. На их бортах алели звезды. Наши! Именно они должны были прилететь и обрушить на врага смертоносный груз. Вслед за бомбардировщиками над Хортицей появились штурмовики, которые тоже нанесли по противнику мощный удар. Внизу бушевало море огня и дыма».

За успешную штурмовку артиллерийских позиций противника командир 4-го авиационного корпуса дальнебомбардировочной авиации резерва Ставки Главного командования полковник В. А. Судец объявил всем участникам налета на остров Хортица благодарность. Заслужить поощрение от этого летчика было большой честью. Имя Владимира Александровича еще до Великой Отечественной войны было хорошо известно авиаторам. Он храбро сражался с японцами во время боев на Халхин-Голе, затем воевал с финнами на Карельском перешейке. За образцовое выполнение заданий командования правительство наградило его орденом Ленина и двумя орденами Красного Знамени. Во время Великой Отечественной войны Судец также проявил себя как умелый и грамотный военачальник: он стал генерал-полковником авиации и с марта 1943 года до конца войны командовал 17-й воздушной армией. Летчики этого воздушного объединения отличились в битве на Курской дуге, затем беспощадно громили танковые и моторизованные части немцев в Донбассе, в Запорожье, Днепропетровске, Кривом Роге и других городах, которые войска Красной армии вынуждены были оставить в горьком 41-м. В апреле 1945 года Судец был удостоен звания Героя Советского Союза, а в 1955 году его плечи украсили погоны маршала авиации.

В архивах сохранился ряд документов, свидетельствующих о том, как воевал младший лейтенант Маресьев. Вот строки из боевого донесения от 17 августа 1941 года: «Весь личный состав работает хорошо. Правильно понимает задачу, поставленную партией и правительством, мл. лейтенант Маресьев А. П., рождения 1916 года, член ВЛКСМ, производя разведку, точно установил местонахождение противника, а затем навел на цель бомбардировщиков...»

В другом документе того времени сказано: «Хорошо действовал летчик мл. лейтенант Маресьев А. П. Сделал три боевых вылета... Только что прилетел с боевого задания и, узнав, что другие летят на штурмовку, не стал обедать, полетел снова...»

Сухие строки пожелтевших боевых донесений, к сожалению, не

раскрывают подробностей этих вылетов. Только из первых уст можно узнать, что происходило тогда в пылающем небе 1941 года. Маресьев, как и большинство фронтовиков, не любил вспоминать войну. Она, по его словам, штука тяжелая. Но, бывало, прорывало, особенно в тех случаях, когда некоторые доморощенные историки пытались гуманизировать кровавые злодеяния захватчиков. И ему, боевому летчику, было что вспомнить...

В один из августовских дней — полк тогда базировался на аэродроме в районе Кривого Рога — Маресьев вылетел на штурмовку и разведку в составе группы, которую вел капитан Боянов. В ходе полета они обнаружили немецкую колонну, состоящую из грузовиков, бензовозов, тягачей с артиллерийскими орудиями... Вся эта армада длинной змеей медленно втягивалась в населенный пункт. У летчиков, как назло, на исходе было горючее, пришлось возвращаться на аэродром.

Быстро заправились и снова вылетели, считая, что колонна уже прошла через населенный пункт. Так оно и было. Только гитлеровцы применили жестокий план: они согнали женщин и детей, посадили их рядом с собой в грузовики и продолжили путь. Оккупанты хорошо знали, что русские по своим стрелять не станут.

Группа капитана Боянова прошла над немецкой колонной и вновь вынуждена была вернуться на аэродром. Но гитлеровцев отпускать никто не собирался. У Маресьева и его товарищей кровь клокотала в жилах, сжимались кулаки от ненависти к врагу. Выждав около часа, они в третий раз вылетели на объект штурмовки.

Немцы к тому времени отпустили «живой щит» и ускоренным темпом следовали степным шляхом по намеченному маршруту, полагая, что русские больше не прилетят. Однако они ошиблись. Советские истребители и штурмовики, вынырнув из облаков, стремительно атаковали колонну. Начали с головы. Вторым заходом атаковали ее хвост и середину. В сторону грузовиков и бензовозов потянулись огненные очереди пулеметов и «Эрликонов», а затем посыпались бомбы. Тут же огромные языки пламени и клубы черного дыма окутали колонну. В безрассудной панике заматались немцы, находя в этом страшном аду свою погибель.

В те трудные дни и недели подобных побед было до обидного мало. Но Маресьев и его боевые товарищи безмерно радовались им. И все же гораздо чаще, чем врагу, им приходилось ощущать горечь поражений, утрату боевых друзей и товарищей. Противник был сильнее, коварнее.

Каждый раз, поднимаясь в небо на своем потрепанном «ишаке», Маресьев не знал, вернется он вообще на аэродром или нет. Чересчур

жарко было в небе. Редко какой вылет обходился без воздушных схваток, зенитных обстрелов. Бытовавшее в летной среде выражение «До обеда еще дожить надо!» родилось не на пустом месте. Бывало так, что утром Маресьев сидел со своим товарищем в столовой за завтраком. Разговаривали, шутили, обсуждали детали предстоящего полета... А на обеде товарищ уже отсутствовал, поскольку не вернулся с боевого задания. Только за два месяца полк потерял десять летчиков. Такой была суровая и беспощадная логика войны, к которой никогда нельзя привыкнуть.

Но были и счастливые случаи. Кого-то из летчиков уже считали погибшим, молча, не чокаясь, выпивали за него наркомовские сто граммов, а он неожиданно, целехенький, после долгих мытарств возвращался в полк. Такая история произошла с лейтенантом Владимиром Балашовым, боевым другом Маресьева. Прикрывая бомбардировщики во время штурмовки, его самолет был подбит, загорелся. Владимир выпрыгнул с парашютом над территорией, контролируемой врагом. Немцы долго искали летчика, но он спрятался в густой траве, а под покровом ночи вышел к Днепру. Шел на восток ночами, а днем пережидал в безлюдных местах. Спустя неделю Балашов, переплыв Днепр, оказался на левом берегу у своих, а потом вернулся в родной полк. И вновь, как и раньше, он вместе с Маресьевым стал вылетать на штурмовки.

Во время вылетов на боевые задания Маресьеву часто приходилось видеть многочисленные колонны беженцев. Они, словно вскрывшиеся после зимы реки, текли и текли на восток — пешие, на машинах и повозках, с тачками и колясками. Из кабины самолета был хорошо виден этот двигавшийся по дорогам разновозрастный и нескончаемый горестный людской поток: женщины с грудными детьми, старики, подростки, отставшие от своих частей военнослужащие. Вместе с ними, поднимая пыль, шли гурты скота, чем-то похожие сверху на огромные плоты.

Видел Маресьев и другие картины, от которых сердце кровью обливалось, а в душе рождался неукротимый гнев мести. Дороги были буквально вымощены трупами этих самых беженцев — женщин, детей, стариков... И не только дороги. В кукурузных полях и полях подсолнуха, где обезумевшие люди искали себе спасение, открывалось взору такое же страшное зрелище. Это были следы варварских, бесчеловечных налетов стервятников Геринга. По определению они не могли спутать беженцев с колонной войск и сознательно творили свое кровавое дело, убивая мирных советских граждан. Тогда как у наших летчиков — мало кто знает — было неписаное правило: не расстреливать немецких летчиков, которые выбросились с парашютом. Они считали, что в воздухе надо драться, а не

лежачего бить. Однако ненависть к фашистам от этого не убавлялась. В бою им не было пощады.

Уже после войны, когда с ней «покончили мы счеты», Маресьева не раз спрашивали, изменилось ли его отношение к бывшим врагам. Это был трудный вопрос для человека, который сам не раз смотрел смерти в глаза. И не только смотрел, а видел, как погибали его однопольчане и как умирали от пуль летчиков люфтваффе в украинских степях ни в чем не повинные люди.

Человеческая память разборчива и долговечна. Раны заживают, но остаются шрамы и на теле, и в душе. Маресьев ни на войне, ни десятилетия спустя не изменил отношения к тем, кто в него когда-то стрелял и убивал его соотечественников. Для подтверждения этих слов обратимся к воспоминаниям корреспондента газеты «Советская культура» Станислава Бабаева, которому довелось в свое время встретиться с легендарным летчиком. Вот его рассказ, переданный автору книги:

«Это был 90-й год, канун 45-летия Победы советского народа над фашистской Германией в Великой Отечественной войне. Меня, в тот период специального корреспондента газеты ЦК КПСС „Советская культура“, вызвал к себе заместитель главного редактора и дал задание подготовить в тематическую юбилейную полосу коротенькое выступление кого-нибудь из известных и уважаемых фронтовиков. Общее направление материала: война давно закончилась, мы с немцами теперь друзья, времена обид и взаимных расчетов прошли. И так далее...

Первым в списке персоналий для этого разговора у шефа числился как раз Алексей Петрович Маресьев, я получил его реквизиты и телефоны.

В тот же день созвонился с секретариатом Советского комитета ветеранов войны и договорился о встрече.

Задание казалось мне несложным. А что, строкаж небольшой, тема — актуальная, какие проблемы? Мы как раз выводили из Германии свои войска, наш Президент обнимался с канцлером, немцы слали нам гуманитарную помощь. Весь западный мир дружелюбно улыбался нам, хлопал нас по плечу и, как заклинание, твердил новое и такое полезное слово „перестройка“. Разговор с моим героем представлялся мне простым и недолгим.

Но он оказался еще короче, чем я предполагал.

Когда я вошел в кабинет, Алексей Петрович поднялся навстречу, пожал руку: темный костюм, седина, звезда Героя... Не тратя впустую время, я вкратце изложил нашу общую с ним задачу. Мол, трагедия войны канула в Лету, теперь мы друзья, они дают нам еду и деньги, а мы берем, едим и

тратим. Пора все простить друг другу и забыть, забыть навсегда.

И тут Маресьев, тот самый, повесть о котором все мы в детстве и юности читали, о ком сочинения писали „Настоящий человек. Кто он сегодня“, жестом прервал меня.

— Ничего я им не простил. И ничего не забыл.

Слова прозвучали глуховато, но твердо. И я понял, что интервью сорвалось. Когда я докладывал о нашем разговоре шефу, тот, как мне показалось, ничуть не удивился. Просто дал мне еще три фамилии со словами „эти не откажутся“...

С того дня прошло тридцать лет. Много персонажей промелькнуло перед нами, разных... Да и сами-то мы, еще те герои — искренне и не искренне менялись точки зрения, убеждения обзывались заблуждениями, дифирамбы пелись — фальшивые и от души. За что-то теперь стыдно, от чего-то страшно.

А вот та встреча не забылась, впечаталась в память. Встреча с Настоящим Человеком».

Однако вернемся в жаркое лето 1941 года. Положение на фронте становилось все тяжелее. Части Красной армии, несмотря на мужество и героизм солдат и офицеров, продолжали отступать. После многодневных, ожесточенных боев, сообщалось в сводках Совинформбюро, наши войска оставили Кривой Рог, Запорожье, Херсон, Днепропетровск... Ухудшающаяся с каждым днем обстановка никак не вязалась со словами бодрой песни братьев Покрасс и В. И. Лебедева-Кумача, которую еще недавно распевала чуть ли не вся страна:

Мы войны не хотим, но себя защитим —
Оборону крепим мы не даром.
И на вражьей земле мы врага разгромим
Малой кровью, могучим ударом!

С отходом войск Южного фронта менял места базирования и 296-й истребительный полк. И довольно часто: Кривой Рог, Никополь, Мокрое, Екатериновка, Большой Токмак, Ново-Николаевка, словно в калейдоскопе прокручивались населенные пункты. Не успевали обжиться на одном аэродроме, как нужно было перебираться на другой.

В конце августа на очередном аэродроме вообще не задержались, поскольку попали под сильнейший бомбовый удар люфтваффе. Сразу шесть бомбардировщиков «Хейнкель He.111» под прикрытием трех

истребителей «Мессершмитт Me.109» неожиданно вывалились из облаков и сделали заход в створ стоянки наших самолетов. Шла как раз их заправка. Посыпался град бомб, напоминающий чем-то топот бегущего по степи дикого конского табуна. Земля застонала, заходила ходуном. Летчики и техники, оглушенные воем бомб и ревом моторов, бросились врассыпную по щелям, дренажным колодцам, рвам — кто куда успел спрятаться. Маресьев залег в небольшом ровике. Страшные султаны взрывов сотрясали воздух, вверх летели комья вывороченной земли, горели автомашины, строения, в небо поднимались клубы дыма...

Несколько человек из числа инженерно-технического состава, не выдержав этой адской бомбежки, оставили укрытие, но тут же попали под россыпь смертельных осколков и пуль. Когда бомбежка закончилась, перед глазами предстали ее жуткие последствия: глубокие воронки, исковерканные автомашины, вырванные с корнем деревья... Но больше всего Маресьева потрясла картина, врезавшаяся в память на всю жизнь: из топливозаправщика льется бензин, а рядом — шофер без верхней части туловища... Из самолетов серьезно пострадал лишь один И-16. Часть крылатых машин, к счастью, находилась в это время на боевом задании. Но летное поле было настолько вздыблено воронками, что не подлежало быстрому восстановлению. Поэтому полку пришлось менять место базирования.

Маресьеву и его товарищам в этом отношении было проще: перелетели на ближайший аэродром — и дальше можно воевать! Инженерно-техническому составу кочевать было куда сложнее. «Технарям» приходилось автотранспортом, а иногда пешком добираться до новых аэродромов по забитым войсками и беженцами дорогам. В пути попадали под бомбежки, а нередко случалось, что напарывались на диверсантов или передовые немецкие части. До прибытия «технарей» Маресьеву и другим летчикам самим приходилось обслуживать крылатые машины. Но Маресьеву к этому было не привыкать — еще с аэроклубовской поры он знал в самолете, что называется, каждый винтик и каждую гаечку.

В разгар боев в жизни Маресьева произошло большое и важное событие — его приняли кандидатом в члены ВКП(б). Партийное бюро полка посчитало, что Маресьев достоин быть коммунистом. Созвали собрание. Партсобрания тогда проходили накоротке — долго заседать не позволяла боевая остановка. А документы принятым в партию часто выдавали прямо на аэродроме: у стоянок самолетов, у капониров, перед боевым вылетом. Нередко иное собрание прерывалось привычной командой «По самолетам!» и, случалось, заканчивалось уже не в полном

составе: кто-то из летчиков не возвращался с боевого задания. Повестки дня тоже были лаконичны: «Пример коммуниста в бою», «Обдительности», «О повышении летного мастерства», «Коммунист всегда впереди»... Собственно, как и заявления вступающих в партию. В своем заявлении Маресьев написал: «Хочу лететь в бой коммунистом...» В тот же день он вылетел на очередную штурмовку.

Весь август и сентябрь для Маресьева прошел в сплошных боях. Особенно часто ему приходилось вылетать в район Каховки, где немцы захватили плацдарм до 20 километров по фронту и до 5 километров в глубину. Это была та самая легендарная Каховка, где еще в Гражданскую войну шли ожесточенные бои между красными и белыми, а потом о ней сложили песню. Теперь здесь снова «гремела атака, и пули звенели, и ровно строчил пулемет...».

Переброску на плацдарм свежих сил, техники и боеприпасов немцы осуществляли через наведенную через Днепр понтонную переправу. Одной из задач летчиков полка, других авиационных частей и подразделений Южного фронта как раз и являлась штурмовка переправляющихся через реку частей и подразделений противника. Защиту переправы от налетов советской авиации обеспечивали зенитные батареи. А в небе постоянно висели немецкие истребители, готовые в любую минуту ринуться на перехват советских бомбардировщиков.

Схватки сталинских соколов со стервятниками Геринга шли не на жизнь, а на смерть. Небо расчерчивали трассеры пулеметов и автоматических пушек. Стоял оглушительный рев моторов. Бомбы сыпались градом. Река кипела от взрывов. Вот как описывал события тех дней германский литератор Пауль Карель: «Полковник Мёльдерс со своей 51-й истребительной эскадрой взял на себя заботы по охране моста, который русские стремились уничтожить любой ценой. За два дня Мёльдерс и его летчики-истребители сбили 77 советских бомбардировщиков. Две батареи зенитчиков люфтваффе — 1-й дивизион 14-го зенитно-артиллерийского полка и 1-й дивизион 64-го зенитно-артиллерийского полка — сбили еще 13 русских бомбардировщиков. Но, несмотря ни на что, большое число саперов из 1-й и 4-й горнострелковых дивизий погибло за первые несколько дней при строительстве и ремонте моста. Бериславский мост стоил немцам больших потерь. Возможно, ни один понтонный мост на протяжении последней войны не наводился в столь трудных условиях и не подвергался столь яростным атакам неприятеля, как этот. Но благодаря ему 11-я армия создала плацдарм для решительного наступления на Крым и Кавказ».

Немецкий журналист преувеличил потери советской авиации, не сказав о своих. В штабах люфтваффе умели выводить нужные цифры, сводя их до минимума. Для этого свои сбитые самолеты они «разбрасывали» по другим дням и месяцам. Так что потери они тоже несли немалые. Только летчики 296-го истребительного полка сбили над каховской переправой 8 вражеских самолетов. Но потери с нашей стороны действительно были большие. К концу сентября в полку осталось четыре И-16 и два МиГ-1. К тому же изуродованных, потрепанных и побитых. Всего же с начала участия в боевых действиях на Южном фронте полк потерял 23 машины, из них 17 были сбиты в воздушных боях, 6 — зенитной артиллерией.

Поскольку полк потерял большое количество летного состава и техники, его в первых числах октября в соответствии с приказом командующего ВВС фронта полковника К. А. Вершинина вывели в тыл. На основании этого же приказа полк должен был пополниться до штатных нормативов, а летчикам требовалось переучиться на новую материальную часть.

После изнуряющих и кровопролитных боев, а Маресьев совершил несколько десятков штурмовок, он впервые по-настоящему выпался. В поселке Розовка, что неподалеку от Мариуполя, где летчиков временно разместили, они сходили в баню, поменяли белье. И главное: им предоставили возможность сбросить с себя груз тяжелейшего напряжения, которое у них накопилось за время боевой работы. По сути, Маресьев и его однополчане получили отпуск, хотя он никаким приказом не был объявлен.

Несколько дней отдыха и в путь — в Куйбышевскую область^[13]. Ехали медленно через Сталино^[14], Ворошиловград^[15], Поворино, Саратов... Дорога была трудная и длинная. Не один раз попадали под бомбежки. Видели их последствия: начисто разбомбленные станции, от которых остались лишь остовы кирпичных зданий. На некоторых станциях приходилось подолгу стоять — пропускали идущие на восток составы с ранеными или с оборудованием, станками эвакуированных заводов и предприятий. Там же, на станциях, разжигались кипятком, меняли тушенку на домашнюю еду у местного населения.

До конечного пункта маршрута — железнодорожного разъезда Кряж, что неподалеку от Куйбышева^[16], худо-бедно добрались через четверо суток. Рядом с разъездом находилось небольшое село, возле которого был оборудован тыловой аэродром. Здесь дислоцировался 16-й запасной истребительный авиационный полк. Этот полк, как и ему подобные, решал

массу различных задач. Здесь летчики переучивались на новую матчасть. Тут же шло сколачивание и слетывание полков, выведенных в тыл после больших потерь. Отсюда направлялись на фронт группы пополнения и летчики в индивидуальном порядке. Также на аэродроме регулярно приземлялись для дозаправки самолеты, летящие на фронт из глубокого тыла. Иными словами, жизнь полка напоминала хорошо отлаженное заводское производство, в котором все находилось в непрерывном движении.

Всех прибывших летчиков 296-го полка разместили по избам. А уже со следующего дня начались занятия. Переучиваться Маресьеву предстояло на самолете Як-1. Об этой машине он был хорошо слышан еще в Батайской авиационной школе, но летать на ней не приходилось. Это был фронтовой истребитель нового поколения. Мощный двигатель и удачные аэродинамические формы позволяли ему набирать скорость до 570 км/ч и достигать практического потолка до 10 тысяч метров. Очень удобной и комфортной была кабина. Вооружение машины также ни в какое сравнение не шло с вооружением И-16, на котором еще вчера летал Маресьев. На «Яке» стояла 20-миллиметровая пушка, обладающая большой скорострельностью. Меткой короткой пушечной очередью — 5–6 снарядов — можно было поразить любой из немецких самолетов, а в боекомплект «Яка» входило 140 снарядов. Имелся на самолете и крупнокалиберный пулемет, его боекомплект состоял из бронебойно-зажигательных, разрывных, трассирующих и пристрелочных патронов: всего 1500. Пулемет и пушка перезаряжались с помощью пневматического привода и вручную. Кроме того, под крыльями «Яка» устанавливались специальные балки, на которые подвешивались эрэсы^[17]. Еще одним достоинством этой крылатой машины являлось использование в ней сжатого воздуха, с помощью которого запускался мотор, убиралось и выпускалось шасси — не надо было крутить рукоятку, как на И-16 (43 оборота!). Колеса тормозились тоже сжатым воздухом. Мотор имел автомат наддува, так что газ на взлете можно было давать до упора, а не на слух, как приходилось делать на И-16, чтобы не «перенапрячь» мотор.

Як-1 сразу пришелся Маресьеву по душе. Да и однополчане оценили самолет высшим баллом.

— Вот на таких машинах можно смело валить фрицев, — говорили они.

Правда, для переучивания им сначала выделили всего лишь один «Як». На тот момент их просто не было в наличии. Как известно, Верховный главнокомандующий И. В. Сталин лично контролировал поступление

самолетов на фронт. В то тяжелое время каждый самолет был на счету, поскольку сотни советских крылатых машин люфтваффе уничтожили в первые дни войны и главным образом на аэродромах.

Учебный Як-1 стоял на аэродроме в ангаре, и это помещение одновременно стало классом. Занятия с летчиками проводил инженерный состав полка. Режим учебы был жесткий, день заканчивался лишь тогда, когда, ознакомившись на «живом» самолете с различными системами, обучаемые могли по памяти воспроизвести их на бумаге. Инженеры оценивали знания каждого, после чего решали — может ли он идти отдыхать или должен еще заниматься.

«Вспоминая дни той учебы, — пишет уже знакомый читателю Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Б. Н. Еремин, — я не могу припомнить случая, чтобы летчики или техники отнеслись хотя бы к одному какому-то занятию с прохладцей. Перед допуском к тренировочным полетам каждый летчик обязан был сдать зачет у самолета на земле. Принимали зачет в присутствии командира полка Баранова, и он требовал, чтобы экзаменаторы не допускали поблажек. Когда дошла очередь до него, он четко ответил на поставленные вопросы, и инженеры решили этим ограничиться, но наш командир потребовал, чтобы его продолжали экзаменовать, причем в более сложной форме... Самолетов для переучивания не хватало, и мы были лишены возможности попилотировать в зоне. Прочувствовать тогда машину по-настоящему не удалось. По существу, освоение самолета мы продолжили при перелете на фронт и в боевых условиях. Ресурс двигателя сберегали для предстоящих боев на фронте».

Переучивание полка завершилось в первой декаде ноября. Каждый летчик самостоятельно выполнил «полет по коробочке» — полет по установленному маршруту в районе аэродрома, отработав взлет, заход, расчет на посадку и т. д. Но в прежнем составе летчикам не суждено было вылететь на фронт. А причина состояла в секретном приказе Верховного № 0305 от 20 августа 1941 года «О составе авиаполков, вооруженных новой материальной частью». В документе говорилось, что «ввиду того, что новые самолеты, вроде Ил-2, Пе-2, Як-1 и т. д., являются грозным оружием против врага и необходимо их иметь на всех фронтах, тогда как промышленность пока не успевает удовлетворять потребности фронтов, приказываю: впредь все авиаполки новой материальной части формировать в составе 2 эскадрилий по 9 самолетов в каждой и 2 самолетов для командира полка и его заместителя — всего 20 самолетов в полку».

В соответствии с этим приказом в 296-м авиационном полку, имевшем

в штате три эскадрильи, нужно было сократить одну эскадрилью, так как полк получал на вооружение новый самолет Як-1 вместо И-16. Что вскоре и произошло. В результате организационно-штатных мероприятий «за бортом» оказалась вся 3-я эскадрилья, в которой служили Маресьев, капитан Боянов, лейтенанты Вишняков, Васильев, Стоянов, другие летчики-фронтовики. Полк же в составе двух эскадрилий убыл на аэродром в поселок Баланду, что неподалеку от Саратова. Получив на Саратовском авиационном заводе новые истребители Як-1, 296-й полк в январе 1942 года вылетел на Юго-Западный фронт.

Сами летчики считали, что ни тогда, ни позднее это кадровое решение — разделение полка — не было оправданным. К двухэскадрильному составу полка привыкали долго и трудно. Да и что такое два десятка самолетов! Когда начались бои, зачастую собрать на вылет две боевые группы по 6–8 самолетов было не так-то просто. Но, как известно, приказы в армии не обсуждаются, а выполняются. Как и не принято в офицерской среде выбирать, где служить и что делать. Для того и надевает человек на плечи погоны, чтобы не только командовать, но и неукоснительно следовать требованиям общевоинских уставов, беспрекословно подчиняться приказам командиров и начальников.

Без дела Маресьев и его товарищи не остались. Здесь же, при 16-м запасном истребительном авиационном полку, начал формироваться 580-й истребительный авиационный полк. Маресьева назначили помощником командира эскадрильи. Получили новые должности и сослуживцы. Правда, большую часть из них вскоре все-таки отправили в строевые части. Поговаривали, что и полк после формирования вылетит на защиту Москвы, поскольку враг уже стоял у ее стен. Ожесточенные бои шли на Клинском, Можайском, Волоколамском направлениях... Сводки Совинформбюро, звучавшие из репродуктора, которые чеканным голосом зачитывал Ю. Б. Левитан, становились все тревожнее и тревожнее. Настроение у всех было подавленное. Всех волновал один и тот же вопрос: отстоим ли Москву?

В один из дней, а это было 7 ноября, летчики услышали из репродуктора голос И. В. Сталина. И все сразу вздохнули с облегчением: Москва наша, не сдали! Верховный главнокомандующий говорил медленно, с акцентом. Его слова были обращены к участникам праздничного парада в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, который проходил на Красной площади в Москве. Но одновременно это был призыв ко всем, кто находился в боевом строю:

— На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить

разбойничьи орды немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас непобедимое знамя великого Ленина!

Затаив дыхание, летчики ловили каждое слово вождя. И опять были мысли о фронте, о том, чтобы их как можно скорее направили на защиту столицы Родины. Обороняющимся войскам нужны были свежие силы летчиков.

Но проходили дни, недели, а полк никуда не двигался. Получив новое пополнение из числа выпускников авиационных школ, в основном это были сержанты, весь летный состав в напряженном режиме проходил переучивание на истребитель Як-1. Задача Маресьева, других опытных летчиков состояла в том, чтобы как можно скорее поставить молодежь на крыло.

Однако мысли Маресьева все равно были о фронте, откуда теперь каждый день приходили радостные вести о наступательных операциях Красной армии. Особенно вдохновляли победы наших войск под Москвой. Уже к концу декабря они разгромили части и соединения группы армий «Центр», прорвавшиеся к ближним подступам столицы с севера и с юга. Угроза захвата сердца государства миновала. Да и на других участках советско-германского фронта обстановка в корне изменилась. Несмотря на то, что вермахт по-прежнему обладал превосходством, инициатива в ведении боевых действий постепенно стала переходить к Красной армии.

Незаметно наступило 31 декабря. Маресьев и несколько его боевых друзей собрались в избе, где он квартировал, чтобы отметить наступление Нового года. Подняв алюминиевые кружки, звонко чокнулись ими и, не сговариваясь, дружно прокричали здравицу:

— За Победу!

Новый, 1942 год начался с ожидания перемен. И они наступили. В начале февраля полк передали в резерв ВВС Московского военного округа. В один из дней Маресьев в составе 1-й эскадрильи прибыл на Саратовский авиазавод получать новую матчасть. До родного Камышина отсюда было рукой подать — всего каких-то 170 километров. Но возможности побывать дома не представилось. Зато в Саратове он повидался со своими

родственниками. Здесь жила семья среднего брата Николая. Родственники приютили на несколько дней Алексея и его товарищей. В памяти племянницы Альвины Маресьевой, тогда еще маленькой девочки, хорошо отложилась встреча с дядей Леной: «Мы жили у самого завода, где делали моторы для танков, поэтому бомбежки были часто. Жили на третьем этаже. Мы с мамой постоянно бегали в бомбоубежище. Когда-то удавалось одеться, когда-то нет. Однажды, я помню, мама выскочила на улицу раздетая, в чем спала. Было очень страшно... Наготове у нас всегда был небольшой саквояж с необходимыми вещами. К счастью, в наш дом ни разу не попала бомба. Как раз в это время к нам приехал дядя Леня со своей эскадрильей. Кроватей на всех не хватало, спали, где придется, кто-то даже размещался на полу. Помню, меня отправили к соседке на время».

Получив новые Як-1, летчики перелетели на аэродром, базировавшийся под Калугой. Фронт был совсем рядом. Отбросив в декабре 1941 года захватчиков на 150–200 километров от Москвы, войска Красной армии готовились к новому наступлению.

— Теперь уж точно попадем на фронт! — не сомневались летчики. И при этом гадали: — Только на какой? На Западный? Брянский?

— А какая разница. И так уже застоялись...

Ждать пришлось недолго. В один из мартовских дней полк в полном составе прибыл на аэродром. Летчики получили полетные карты. Погода была хорошая. Сквозь редкие белесые облака пробивались лучи просыпающегося весеннего солнца. Послышались привычные команды:

— От винта!

— Есть от винта!

Первая группа новеньких светло-зеленых «Яков», в составе которой летел Маресьев, стала в ровный строй и взяла курс на Северо-Западный фронт.

Глава 4. «Из боевого вылета не вернулся»

*Наша военная молодость —
Северо-Западный фронт.*

*М. Л. Матусовский. «Пушки молчат
дальнобойные»*

Северо-Западный фронт, куда прибыл 580-й истребительный авиационный полк, в мартовские дни 1942 года особенно остро нуждался в авиации. Начав в январе крупную наступательную операцию, советские войска окружили в районе населенного пункта Демянск Ленинградской области^[18] 90-тысячную группировку немцев. В «котле» оказались шесть пехотных дивизий, в том числе дивизия СС «Мертвая голова». Ставка Верховного главнокомандования требовала «непрерывно и настойчиво сжимать кольцо окружения Демянской группировки противника и не позднее в четырех-пятидневный срок покончить с нею».

Однако бои по уничтожению немцев затянулись из-за нехватки сил, в том числе и авиации. На 19 февраля Северо-Западный фронт располагал всего лишь 142 исправными самолетами, 32 из которых — истребители. Господствуя в небе, летчики люфтваффе серьезно сковывали и затрудняли продвижение наступление советских частей. Кроме того, командование противника сумело организовать воздушный мост для снабжения своей группировки, которой ежедневно требовалось не менее 300 тонн различных грузов. Доставку немцы осуществляли с аэродромов Псков-Южный, Остров, Псков-Западный, а также с аэродромов Дно, а также Риги и Двинска. В самом «котле» в наличии имелось только две небольшие площадки Демянск и Пески.

В 20-х числах февраля командующий Северо-Западным фронтом генерал-лейтенант П. А. Курочкин и член Военного совета фронта Н. А. Булганин направили в Ставку телеграмму следующего содержания:

«Тов. Сталину.

В отношении действий авиации противника есть основания предполагать, что противник стянул против нас свою авиацию с Волховского, Ленинградского и частью с Калининского направлений. Мы же боремся с авиацией противника лишь силами ВВС СЗФ.

В результате противник удерживает за собой господство в воздухе.

Считаем целесообразным для борьбы с авиацией противника и прикрытия наступающих войск СЗФ сосредоточить усилия ВВС Северо-Западного, Волховского, Ленинградского и частично Калининского фронтов, объединить их действия и обеспечить маневр ими в случае, если ВВС противника перенесут свои действия на другое направление.

Просим ваших распоряжений».

Ставка Верховного главнокомандования положительно отреагировала на запрос командования фронта. В числе прибывших на усиление частей ВВС в район Демянского котла была 6-я ударная авиационная группа, в ее состав входил и 580-й истребительный авиационный полк. На полк, местом базирования которого стал аэродром у села Градобить, возлагалась задача перехватывать вражеские транспортные самолеты в воздухе, а также сопровождать наши бомбардировщики и штурмовики.

Уже 31 марта летчики полка вступили в боевые действия. В этот же день старшина Федор Корниенко открыл счет победам полка над врагом. В воздушном бою над деревней Брилево он сбил тяжелый немецкий истребитель Me.111.

На следующий день его почин поддержал и Маресьев, «срубив» свой первый вражеский самолет. Произошло это у деревни Истошно Новгородской области, о чем летчик подробно доложил рапортом командиру полка майору В. С. Мухину. Вот строки из этого документа: «Доношу о том, что 1.4.42 года при выполнении задания сопровождения штурмовиков была встречена группа самолетов противника Ю-52 [военно-транспортный самолет „Юнкерс Ju.52“. — Н. К.]. Во время воздушного боя мною был сбит один самолет... Я дал по нему несколько пулеметных и пушечных очередей, после чего Ю-52 пошел снижаться и упал на левую плоскость и мотор. После выхода из атаки я обнаружил, что упало давление масла до нуля, стало бить масло на козырек [над приборной доской в кабине]. Я принял решение идти домой, сел на свой аэродром благополучно. Оказалось, был пробит картер и трубка замера давления масла. К[оманди]р звена 2 АЭ [2-й авиационной эскадрильи. — Н. К.] мл[адший] лейтенант Маресьев».

Факт воздушной победы своего подчиненного подтвердил и командир эскадрильи старший лейтенант А. Н. Дехтяренко: «Подтверждаю, что 1.4.1942 года во время сопровождения штурмовиков тов. Маресьев обнаружил группу Ю-52, которая находилась в районе Истошно, с ними завязался воздушный бой. Тов. Маресьев прижал атаки Ю-52 к земле, который потом врезался в опушку леса возле дороги района Игошино [правильно — Истошно. — Н. К.]».

Як-1 Маресьева починили быстро, и на следующий день он вновь был в небе. Погода, правда, не особо благоприятствовала полетам. Весна, перешагнувшая из марта в апрель, явно опаздывала с теплом и солнцем. Над лесами и болотами висели низкие хмурые облака. Наметенный обильными зимними метелями снежный покров, слегка почерневший, лежал плотно и, похоже, не скоро собирался таять. Нередко начинался снег с дождем. Лыжи крылатых машин хотя и плохо уже скользили по взлетке, но менять их на колеса было рано. Как и преждевременно летному составу снимать с себя меховые комбинезоны, утепленные шерстью шлемы и лохматые унты.

Вообще, летать в этом районе было крайне сложно и по другой причине. «Летишь на высоте 1000 метров, — говорили летчики, — куда не посмотришь — везде одинаковый пейзаж: черные с бурым оттенком массивы леса и белые пятна присыпанных снегом озер и болот. Ни одного характерного ориентира, нет также крупных населенных пунктов». Поэтому Маресьеву и его товарищам надо было хорошо изучить район боевых действий, а времени на это, как всегда, не хватало.

Утром 5 апреля звено Маресьева, состоящее из четырех «Яков», вылетело на сопровождение штурмовиков Ил-2 соседнего 74-го штурмового авиационного полка. Погода была малооблачная. Шли в район Демянского котла. На подходе столкнулись с группой «железных тетушек» — так называли немецкие транспортные самолеты Ju.52. И тут же, без промедления, «Яки» ввязались в бой.

С первого же захода Маресьев успел поймать в прицел «Юнкерс» и сразу полоснул пулеметной очередью по вражескому стрелку. А из автоматической пушки ударил по фюзеляжу. Оттуда вырвались огонь и столб дыма. Пролетев метров двести, горящий транспортник тяжело рухнул на острые, словно пики, верхушки деревьев. Сделав боевой разворот, Маресьев набрал высоту и зашел прямо в бок второму «Юнкерсу». Вновь точное попадание в сигарообразное туловище, и грузный транспортник, охваченный огнем, повторил путь предшественника.

Однако в азарте боя Маресьев, похоже, потерял чувство опасности. К сожалению, такая самоуверенность часто случается даже у опытных воздушных бойцов. Заходя на разворот, Маресьев не заметил, как из-за облаков резко вынырнул мышиного цвета «Мессер», он же, по образному выражению фронтовиков, «худой». Считанные секунды, и огненные стежки пролегли в сторону краснозвездной машины. Уже после войны Маресьев скажет о профессионализме немецких летчиков: «Их мастерство было

очень высокое. Они воевали не слабее, чем мы».

Пули прошили мотор самолета Маресьева. К счастью, истребитель не загорелся, но мотор, пофыркав, заглох. Самолет начал падать вниз. Чтобы узнать, как дальше развивались события, обратимся к документу потрясающей человеческой силы — рассказу самого Маресьева. Он был записан в июле 1943 года научным сотрудником Академии наук СССР Е. М. Грицевской, фактически по горячим следам и впервые полностью опубликован в 2016 году в журнале «Родина» (№ 6). Эта и последующие выдержки будут приводиться в нашем повествовании с сохранением орфографии и стиля. Итак, слово Маресьеву:

«Подбили меня 4 апреля 42 г. Пробили мне мотор. А я был над их территорией. Высота была метров 800. Я немного оттянул самолет на свою территорию, километров за 12, но там были леса и болота, и сесть было негде.

Я и пошел садиться на лес, а там лес редкий и высокий и на лес садиться было очень трудно. Я прикрылся рукой, чтобы не удариться, может быть, думаю, жив останусь, так, чтобы глаза не выбило. Положил голову на руки, и тут слева увидел площадку. И здесь я сделал большую глупость. Я выпустил шасси, так как мне показалось, что там — площадка, но, когда я стал разворачиваться, то мотор остановился, и машина пошла книзу. Я только успел выровнять ее из крена, как лыжами самолет задел за макушку дерева, и получился полный скоростной капот, т. е. самолет перевернулся кверху колесами. Я был привязан ремнями, но их оторвало и меня выбросило из самолета. Так что я упал метров с 30, хотя точно не знаю. По-видимому, получилось так, что я упал на снег, а затем я покатился по дороге и ударился виском, и минут 40 я лежал без памяти.

Потом, когда я очнулся, чувствую что-то на виске, приложил руку — кровь, и висит лоскуток кожи. Я его хотел сначала оторвать, а потом чувствую, что кожа толстая и обратно ее приложил к пораненному месту. Кровь там запеклась, и все потом заросло.

От самолета осталась только одна кабина и хвост — все разлетелось в разные стороны. Я, вероятно, сильно ударился, так как вскоре у меня начались галлюцинации. Я очень хотел испортить мотор, вынимаю пистолет и начинаю стрелять по мотору. И мне кажется, что я не попадаю, я выстрелил одну обойму в пистолете, затем другую. Потом посмотрел опять в лес, и я вижу, что там стоят самолеты, стоят люди, я кричу, чтобы мне помогли, но потом смотрю — ничего нет. Посмотришь в другую сторону, опять то же самое, и потом снова все исчезает».

Сразу после падения у Маресьева была еще встреча с медведем.

Поднятый из берлоги гулом пролетающих над лесом самолетов, раскатами орудий, зверь набрел на Маресьева. Летчик лежал навзничь в полузабытьи, когда к нему подошел медведь. Обнюхав неподвижное тело, не подавшее никаких признаков жизни, и к тому же пахнущее бензином, косолапый отошел в сторону. Мертвечиной медведи не питаются. Но неожиданно Маресьев дернулся, застонал от боли. Медведь тут же вернулся назад, с рыком рванул лапой комбинезон. Благо, что у Маресьева в руке оставался пистолет, который он не выпускал с тех минут, когда стрелял в мираж. Летчик успел прицелиться и нажать на курок. Несколько пуль попали медведю в голову. Зверь зарычал и тоже упал навзничь. Какое-то время они лежали рядом, но потом Маресьев отполз от медведя.

Здесь сделаем небольшое уточнение. В нашем повествовании обозначена дата вылета Маресьева на боевое задание 5 апреля, а он в своих воспоминаниях назвал другую — 4 апреля. Какая же из них верна?

Маресьевская дата значится в двухтомном Кратком биографическом словаре «Герои Советского Союза», изданном «Военным издательством» в 1988 году на основе документов Главного управления кадров, Центрального архива Минобороны СССР и Института военной истории. Там написано: «4.4.42 в возд. бою в р-не демянского плацдарма (Новгородская обл.) его [Маресьева] самолет был подбит и упал в лесу...» Эта дата зафиксирована еще в ряде справочных и энциклопедических изданий, а также в многочисленных интервью, которые давал Маресьев представителям СМИ в разные годы.

Между тем в «Именном списке безвозвратных потерь начальствующего состава 6 Ударной Авиагруппы Ставки Верховного Главнокомандования с 20 апреля по 1 мая 1942 года» четко указано, что командир звена Як-1 младший лейтенант Маресьев Алексей Петрович «5.4.42 г. не вернулся с боевого задания». Дата 5 апреля содержится и в ряде других официальных документов, которые будут приведены ниже. Таким образом, достоверной датой вылета Маресьева и его падения на «Яке» на лес следует считать 5 апреля.

Что касается 4 апреля, то эта дата, скорее всего, была взята исследователями из автобиографии Маресьева, написанной им 29 ноября 1944 года и хранящейся в его личном деле: «4 апреля в воздушном бою с численно превосходящим противником на моем самолете был пробит мотор, и я произвел вынужденную посадку на лес...» Не исключено, что источником могла также стать цитируемая нами запись, сделанная научным сотрудником Академии наук СССР Е. М. Грицевской.

Однако вернемся в полк. Вылетавшие с Маресьевым на боевое задание

летчики видели падение его самолета на лес. По возвращении на аэродром командир эскадрильи старший лейтенант А. Н. Дехтяренко доложил командиру полка майору В. С. Мухину подробности случившегося. Но жив Маресьев или нет — ответить на этот вопрос никто не мог. Командир полка дал команду отправить У-2 на поиск летчика. Поиск вели несколько дней кряду в районе деревни Рабежа, что между озерами Селигер, Велье и Шлино. К сожалению, облеты местности оказались безрезультатными.

Между тем в полку никто не хотел верить, что Маресьев погиб или хуже того — попал в плен к немцам. Ведь сколько бывало случаев, когда сбитые летчики возвращались в родную часть! Вот и сейчас все надеялись на очередной счастливый исход. Поэтому в книге учета летного состава напротив фамилии Маресьев карандашом записали: «С боевого вылета не вернулся».

А в штабе, как и положено, оформили документы о сбитых Маресьевым двух немецких самолетах. Документы эти лаконичны, в них нет пафосных слов. Вот строки из подтверждения, подписанные командиром звена лейтенантом В. Я. Олейником, пилотом сержантом Н. Н. Нестеровым и пилотом сержантом Б. А. Шумиловым: «Мы, летчики 74-го шап [штурмового авиационного полка], подтверждаем, что в результате воздушного боя 5.4.42 г. около аэродрома Игошино [правильно — Истошно. — Н. К.] летчик-истребитель младший лейтенант Маресьев А. П. сбил два транспортных самолета противника типа Ю-52».

Другое свидетельство — рапорт от 6 апреля 1942 года адъютанта 2-й авиационной эскадрильи младшего лейтенанта А. П. Карасева на имя командира 580-го истребительного авиационного полка майора В. С. Мухина: «Доношу, что 5.4.42 г. командир звена младший лейтенант Маресьев А. П. был ведущим группы истребителей при сопровождении штурмовиков на аэродром Игошино [правильно — Истошно. — Н. К.]. Около аэродрома встретили группу транспортных самолетов противника Ю-52. Завязался воздушный бой, в результате которого Маресьев сбил два самолета Ю-52, на что имеется подтверждение летчиков 74-го шап. Так как младший лейтенант Маресьев в тот день не вернулся с задания, прошу сбитые им самолеты засчитать на его личный счет».

Через несколько дней, а точнее 9 апреля, командир полка майор В. С. Мухин и военком полка батальонный комиссар С. И. Яричевский подписали представление на награждение Маресьева орденом Красного Знамени. В наградном листе говорилось, что командир звена младший лейтенант Маресьев «уничтожил три транспортных самолета противника... Волевой командир, требовательный к себе и своим подчиненным. Как

летчик обладает высокими качествами в технике пилотирования и воздушного боя. Скромный. В бою с фашистскими стервятниками показал себя смелым, решительным и отважным летчиком-истребителем... Пользуется любовью и уважением со стороны летного состава части. За боевую работу не имеет ни одного случая поломки материальной части по вине техники пилотирования. Тактически грамотный. Морально устойчив. Идеологически выдержанный. Делу партии Ленина-Сталина и социалистической родине безгранично преданный. За отличное выполнение заданий и уничтожение 3 немецких самолетов достоин представления к правительственной награде орденом КРАСНОГО ЗНАМЕНИ».

Оформляя наградной лист на подчиненного, командование полка не решилось вписать в текст слово «посмертно», которое обычно ставят в случае гибели человека. Да и составили командир и комиссар документ в настоящем времени, то есть дали характеристику на живого Маресьева. А между тем прошло четверо суток, как о нем не было ни слуху ни духу. Что заставило их это сделать? Вне всякого сомнения, все та же вера в то, что Маресьев жив. Ну не укладывалось ни у кого в голове, что любимец полка, этот симпатичный, широколицый, с волнистыми смоляными волосами, с живыми, черными цыганскими глазами человек мог погибнуть...

— Да жив командир, жив, — старался успокоить техник самолета сержант Юра Рогожин, совсем еще безусый парень, каждого, кто спрашивал о Маресьеве. — Скоро вернется.

Потом с грустью в голосе прибавлял:

— Только где нам самолет взять? Безлошадные мы теперь...

Летчиков, оставшихся без самолетов, во многих частях называли «безлошадными». Обидное прозвище, что и говорить, а никуда от этого не денешься. Потерял самолет — будь любезен, ходи пешком. «Безлошадники» назначались дежурными по аэродрому, их определяли в другие наряды до тех пор, пока не получали новые самолеты.

Какая интуиция подсказала технику самолета, что Маресьев жив, тоже трудно сказать. А он действительно был жив. На своем «ястребке» летчик упал на мохнатые ели в географической отметке 238,2, находящейся севернее деревни Рабежа Демянского района Ленинградской области. Рухнул в каких-то двухстах метрах от проезжей дороги, идущей вдоль линии фронта. Но, перелетев за эту дорогу, летчик, к сожалению, выбрал такое направление для своего пути, на котором не было ни жителей, ни военных.

Этим направлением являлось Лютицкое болото, вытянутое с запада на

восток. По этому пути Маресьев и пошел, хотя совсем рядом, в каких-то четырех километрах, находились штаб 245-й стрелковой дивизии и вспомогательный командный пункт 34-й общевойсковой армии. Что интересно: именно эвакуационная команда 245-й стрелковой дивизии и нашла через месяц в районе точки 238,2 самолет Маресьева. То, что это был его самолет, свидетельствуют два документа, обнаруженные в 2017 году в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации новгородским поисковиком А. П. Морзуновым.

В первом документе, а это рукописный акт от 22 мая 1942 года, говорится о передаче эвакуотделом 245-й стрелковой дивизии 60-му РАБ (району авиационного базирования) через старшего сержанта М. И. Власова военного имущества. Среди большого количества передаваемого имущества в акте значится самолет Як-1 за номером 4649, на котором как раз летал Маресьев. Кроме того, к самолету прилагались боеприпасы к пулемету Березина «сто четыре штуки и сто восемьдесят штук к авиапушке, два бензиновых бака, приборная доска исправная с часами...». Все это и другое имущество трофейная команда, похоже, собирала вокруг самолета, от которого, как и сказал Маресьев, «осталась только одна кабина и хвост — все разлетелось в разные стороны».

Что касается второго документа, то это тоже акт, где сказано о списании самолета Маресьева. Приведем его полностью, поскольку в нем содержатся факты, касающиеся боевой деятельности нашего героя:

«УТВЕРЖДАЮ

Командир 580 ИАП майор *МУХИН*

Военком 580 ИАП бат[альонный] комиссар *ЯРИЧЕВСКИЙ*

АКТ

Составлен настоящий акт 30.05.1942 года под председательством ст[аршего] инженера 580 ИАП в[оен]инженера 3 р[анга] ВИНОГРАДОВА, членов; ст[аршего] техн[ика] 1 АЭ [авиаэскадрильи] в[оен]техника 1 р[анга] КОЧЕТОВА, ст[аршего] техника 2 АЭ [воен]техн[ика] 1 ранга БОРОВИК на предмет списания самолета ЯК-1 с мотором М-105ПА. Самолет N 4649 завода N 292 налетал в воздухе 44 ч.

58 мин., мотор М-105ПА [N] 121–64 наработал на земле 19 ч. 25 мин., в воздухе 44 ч. 58 мин.

5.4.1942 года командир группы мл[адший] лейтенант МАРЕСЬЕВ А. П. вел четыре самолета ЯК-1 в сопровождении штурмовиков 74 ШАП на аэродром противника ДЕМЬЯНСК [правильно — Демянск. — Н. К.]. Аэродром был атакован истребителями и уничтожено 7 самолетов Ю-52, из которых два уничтожил лейтенант МАРЕСЬЕВ на самолете N 4649. Аэродром противника был сильно прикрыт огнем ЗА [зенитной артиллерии]. При возвращении с боевого задания самолет упал в лес.

При поисках самолета У-2 и наземной командой в этом районе место падения самолета не обнаружено.

Комиссия установила самолет N 4649 с мотором М-105ПА N121–64 подлежит списанию.

*Председатель комиссии: ст. инженер 580 ИАП
в[оен]инженер 3 р[анга] ВИНОГРАДОВ*

*ст[арший] техник 1 АЭ [воен]техник 1 р[анга]
КОЧЕТОВ*

ст[арший] техник 2 АЭ БОРОВИК».

К сказанному остается добавить, что вплоть до 2017 года предпринимались неоднократные попытки поисковиков найти истребитель Маресьева. Снаряжало экспедиции и Российское военно-историческое общество. После очередного похода поисковиков в леса Новгородчины СМИ будоражили общественность своими сенсационными заголовками: «На Селигере нашли самолет Маресьева», «В Новгородской области после пяти лет поиска нашли самолет у места падения Алексея Маресьева», «Продолжается поиск самолета Маресьева»...

Но искать, как свидетельствуют приведенные выше документы, было нечего. Маресьевского самолета давно не существовало. Для того чтобы выяснить этот факт, достаточно было обратиться в Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации, что и сделал поисковик А. П. Морзунов.

Однако продолжим рассказ о том, как дальше развивались события.

Увязая в тяжелом снегу, Маресьев — голодный, в полном безлюдье, с перебитыми ступнями обеих ног, весь промерзший, преодолевая адскую боль, с диким упорством шел, падал, полз... Снова поднимался, шел, падал, полз... Только вперед, туда, где слышны орудейные раскаты. К своим.

И здесь опять не обойтись без воспоминаний нашего героя: «Шел, ложился, потом снова шел. Спал до утра в снегу. Один раз мне показалось совершенно ясно, что стоит дом, из дома выходит старик и говорит, что у нас здесь дом отдыха. Я говорю: „Помогите мне добраться“. А он все дальше и дальше уходит. Тогда я подхожу сам, но ничего не вижу. Потом пошел в другую просеку, смотрю — стоит колодец, девушка гуляет с парнем, а то кажется, что девушка с ведрами идет. „Что несете?“ — „Воду“. Но воды мне не дала.

Я упал 12 километров от линии фронта, но никак не мог сообразить, где я, мне все время казалось, что я у себя на аэродроме или где-то близко. Смотрю, идет техник, который меня обслуживал, начинаю говорить ему: „Помоги выйти“. Но никто ничего для меня не делает. И такая история со мной продолжалась суток 10–11, когда галлюцинация у меня прошла.

Раз я просыпаюсь утром и думаю, что мне нужно делать? Я уже был совершенно в здравом уме. Очень сильно я отощал, так как ничего все время не ел. И компаса у меня нет. Я решил идти на восток, уже по солнцу. Вижу и самолеты, которые летят к нам. Думаю, наткнусь, в конце концов, на какое-нибудь село, а потом меня доставят. Но я очень сильно отощал и идти не мог. Шел я так: выбрал себе толстую палку, поставишь ее и подтягиваешь к ней ноги, так и переставляешь их. Так я мог пройти максимум полтора километра в сутки. А потом трое суток опять лежал и спал. И сны такие снятся, что кто-то зовет: „Леша, Леша, вставай, там тебе припасена хорошая кровать, иди туда спать...“

Так я провел 18 суток без единой крошки во рту. Съел я за это время горсть муравьев и пол-ящерицы. Причем я отморозил ноги. Я летел в кожанке и в унтах. Пока я ходил с места на место, в них попала вода, так как кругом уже таяло, а ночью было холодно, мороз и ветер, а в унтах вода, и я, таким образом, отморозил себе ноги. Но я не догадался, что ноги у меня отморожены, я думал, что не могу идти от голода».

Каждый человек боится смерти — это аксиома. Другое дело, как он держит себя в ситуации, когда она кажется абсолютно безвыходной. Если не теряет головы, а тому множество доказательств, то человек преодолевает страх опасности, и это сохраняет ему жизнь. До того, как Маресьева сбили, он не раз видел смерть, да и у самого хватало случаев навсегда распрощаться с белым светом. Отправляясь на боевое задание, его голову,

пусть и не всегда, сверлила назойливая мысль: «Вот улечу сейчас и, может, уже не вернусь». Маресьев старался отогнать ее подальше, но она все равно возвращалась.

Страх смерти присутствовал в сознании Маресьева, когда он, отмерив восемнадцать суток, обессиленный, истощенный от голода, с отмороженными ногами, уже, казалось, ни на что не надеялся. «Страх присущ всем. Когда кто-то говорит, что ничего не боится, — не верьте. Но надо уметь побеждать это чувство» — эти слова Маресьев произнесет уже после войны. А пока он шел, падал, полз...

Что помогало ему идти навстречу жизни? Характер? Вне всякого сомнения. Он у Маресьева с детства — твердый, упорный. Воля? Безусловно. Без железной воли ему вряд ли бы удалось выдержать это, не укладывающееся в голову, многосуточное испытание. Вера? Она тоже присутствовала в его сердце. Хорошо знавший Маресьева митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим припомнил свою беседу с ним по поводу веры: «Народ наш был не только с партбилетом в кармане, но и с тайной молитвой, вложенной в партбилет, — об этом я по прошествии 50 лет могу свидетельствовать, поскольку совершал таинства над многими стариками-генералами. В кругу моих знакомых было много замечательных людей. Вспоминаю знаменитого героя, летчика Маресьева. Он мне рассказывал в частной беседе, что им двигало, когда он полз по лесу, раненый, — патриотичность? воинский долг? — Вера в то, что он увидит свою мать, которая без него просто не выживет: он ее кормилец, он ее сын».

А еще Маресьев все эти дни думал о своем спасении, какое-то внутреннее чувство ему подсказывало, что час этот наступит. Откроем очередные страницы его воспоминаний: «Потом на 18-е сутки 27 апреля [правильно 22 апреля. — Н. К.] часов в 7 вечера я лег под дерево и лежу. В это время слышу сильный треск. Я уже понимал, что в лесу здесь людей не было, и я решил, что идет какой-нибудь зверь, учуял жертву и идет. У меня осталось два патрона в пистолете. Я поднимаю пистолет, поворачиваю голову, смотрю — человек. У меня здесь мелькнула мысль, что от него зависит спасение моей жизни. Я ему стал махать пистолетом, но так как я оброс и стал очень худым, то он, наверное, подумал, что это — немец. Тогда я бросил пистолет и говорю: „Идите, свои“. Он подошел ко мне: „Ты чего лежишь?“ Я говорю, что я подбит, летчик: „Есть ли здесь немцы?“ Он говорит, что здесь немцев нет, так как это место в 12 км от линии фронта. Он говорит: „Пойдем со мной“. Я говорю, что не могу идти. — „Но я тебя не стащу с этого места. Тогда ты не уходи с этого места, я его знаю и

попрошу председателя колхоза, чтобы он за тобой прислал лошадь“.

Часа через полтора слышу шум. Пришло человек восемь ребятишек 14–15 лет. Слышу, шумят, а не знаю, с какой стороны. Потом они стали кричать: „Здесь кто-нибудь есть?“ Я крикнул. Тогда они подошли на расстояние метров 50. Тут я их уже увидел, и они меня увидели. Остановились. „Ну, кто пойдет?“ — Никто не идет, боятся все. Потом один парнишка говорит: „Я пойду, только вы смотрите, если в случае чего, вы сразу бежите за народом, в деревню“.

Не доходит до меня метров 10. А я худой, оброс, вид, наверное, был страшный. Он подошел поближе. Я реглан расстегнул, петлицы видно. Он подошел еще поближе и кричит: „Подходите! Свой, летчик!“ Те подошли, смотрят. Спрашивают: „Почему ты такой худой?“ Я говорю, что не кушал 18 суток. И тут они сразу: „Ванька, беги за хлебом! Гришка, за молоком!“ И все побежали, кто куда.

Потом приехал еще старик^[19]. Они положили меня на сани. Я положил старику голову на колени, и мы поехали. Оказывается, тот человек, который первый меня нашел, шел в обход, так как там было все заминировано.

Потом чувствую, что меня мальчик толкает:

— Дядя, а дядя, посмотри!

Я смотрю, подъезжаем к селу, поперек улицы что-то черное. Я говорю:

— Что это такое?

— А это весь народ вышел вас встречать.

И действительно, целая колонна стоит, а как въехали в село, получилась целая процессия. Старик остановился у своей избы. Тут люди меня нарасхват. Одна говорит, давай его ко мне, у меня молочко есть, другая говорит, у меня есть яички, третья говорит — у меня тоже корова есть. Слышу шум. Тут старик говорит:

— Я за ним ездил и никому его не отдам. Жена, неси одеяло, отнесем его в избу.

Внесли в избу, начали тут с меня снимать одежду. Унты сняли, а брюки пришлось разрезать, так как ноги распухли.

Потом смотрю, опять народ идет: кто несет молоко, кто яички, третий еще что-то. Начались советы. Один говорит, что его нельзя много кормить, вот, один инженер из Ленинграда сразу очень много покушал и умер, другой говорит, что нужно только молоком поить. Положили меня на кровать, дают мне молока и белого хлеба. Я выпил полстакана молока, больше не хочу, чувствую, что сыт. Они говорят: „Кушай, кушай“. А я не хотел больше. Но потом постепенно я стал есть.

Нашелся у них в селе какой-то лекарь, вроде фельдшера. Он

посоветовал хозяевам вытопить баню и помыть меня. Все это они сделали. Вообще, очень хорошие люди оказались...»

Теперь подробно восстановим эти счастливые часы спасения с помощью его непосредственных участников. По свидетельству местных жителей, Маресьев был обнаружен 22 апреля неподалеку от деревни Плав Валдайского района Новгородской области. Населенный пункт находился в тылу советской линии фронта, примерно в 13 километрах. Какая-то женщина, а потом дед Матвеич из соседней деревушки Кувшины — принесли в деревню весть, что слышали в лесу стоны о помощи, но подойти к месту не рискнули. Делать это тогда было небезопасно. Всякое могло случиться. Рядом грохотал фронт. И кто там в лесной глуши — наши или немцы? Больше всего жители боялись провокаций.

Между тем два плавских парня — Александр Вихров и Сергей Малин все-таки отважились сходить в лес на разведку. Старшему из них Александру было на тот момент 22 года. Он уже успел повоевать с немцами, был тяжело ранен и, вернувшись домой после демобилизации в родное село, работал в колхозе. Младшему — Сергею, почти 18-летнему колхозному бригадиру, ближайшей осенью только предстояло идти на службу в армию. Отец Александра — Михаил Алексеевич Вихров, человек пожилой, председатель местного колхоза, пытался сначала отговорить смельчаков, но потом сказал, что если понадобится помощь, тут же соберет народ.

Вот что поведал спустя годы Александр Михайлович Вихров: «Нам тогда в каждом незнакомце диверсант чудился. Шла одна тетка из эвакуированных лесом, и показалось ей, что кто-то под деревом шевелится. Сказала нам. Мы с Сергеем на завалинке сидели... Вот и подхватились. За нами маленькие увязались: тетка по всей деревне раззвонила. Маленьких мы в лес не пустили, вдвоем пошли. Крадемся от дерева к дереву, и, признаться, жутковато стало: а ну как из автомата начнет палить? По нашему разумению, диверсант обязательно с автоматом должен быть. А как увидели его, в шлеме, в унтах, окончательно уверились, что диверсант с самолета сброшен. Свой-то зачем станет в лесу скрываться? Присели мы за дрова, да и кричим: „Хенде хох!“ А он чуть слышно: „Свой я, русский“. Мы не очень-то верим, кричим: „Если свой, брось пистолет!“ У него в руке пистолет был. Отбросил он, недалеко, шага на два: сил совсем не было. Ну, мы сразу к нему кинулись...»

В памяти Сергея Петровича Малина также отложилась встреча с летчиком: «Мы с Сашей, решив проверить ходившие по деревне слухи, пошли к тому месту, где кто-то из наших односельчан слышал

человеческий голос. Было в тот день не по-весеннему холодно. Да и опасно вглубь леса идти — от наших-то мест не так уж далеко было до фронта. Пошли, однако. Нашли мы летчика в беспомощном состоянии, он лежал на снегу почти рядом с дорогой и лесной вырубкой. Был сильно исхудавший, еле говорил, не мог самостоятельно передвигаться. Убедившись, что мы — свои, советские и что немцев здесь нет, летчик объяснил, кто он такой, передал нам свои документы, планшетку, табельное оружие и попросил помочь добраться до деревни. Помню, мы перенесли его поближе к дороге, Саша остался, а я сбегал за санями».

С помощью Вихрова-старшего парни положили летчика в сани и повезли в деревню. Там уже собрался народ. Сначала Маресьева хотели поместить в самой большой деревенской избе, но хозяева в последний момент передумали и побоялись его к себе брать. Сослались на то, что привезенный из леса летчик может быть немецким диверсантом. Тогда семья Вихровых взяла Маресьева в свою тесную избу. В планшете Маресьева, свидетельствовала одна из жительниц, были фотографии, письма, а также 300 рублей. Деньги летчик отдал Вихрову-старшему. В доме Вихровых Маресьев пробыл двое суток.

Есть еще рассказ жены Вихрова-младшего — Александры Петровны. Правда, запись была сделана не по горячим следам, а десятилетия спустя. Не исключено, что какие-то моменты стерлись из памяти женщины. В то же время события могли происходить именно так, как она их изложила: «В это время из Рабежи в Плав шел местный житель. Летчика он не видел, так как Маресьев уже даже сесть не мог, сил не хватало. Он лежал в сугробе, но идущего мужика увидел и окликнул. Местный, увидев человека в военной форме, испугался и убежал. Прибежав в Плав, он нашел деда Михайлу и сказал, что в лесу какой-то человек в форме в снегу затаился. Дед Михайла стал спрашивать, чья форма на военном, но, не добившись ничего внятного, пошел пешком к указанному месту и, увидев человека в советской форме, спросил летчика кто он и откуда. Алексей Петрович ответил, что его сбили, что он советский летчик и у него сломаны обе ноги. Дед Михайла потребовал вынуть пистолет из кобуры и кинуть в сторону. Летчик это сделал. Затем дед Михайла подошел, проверил документы и сказал, что сходит за лошадью с санями, чтобы отвезти летчика в деревню. Перед тем как пойти за лошадью, он сделал из елового лапника настил и уложил летчика на него. Забрав в деревне сани, дед Михайла взял в подмогу двоих — Сергея Малина и своего сына Александра. Втроем они погрузили летчика на сани, укутали в тулуп и привезли в деревню».

О том, что происходило дальше, хорошо отложилось в памяти дочери

председателя колхоза М. А. Вихрова — Ольги Михайловны, в замужестве Сергеевой: «Привезли летчика из леса страшно худого с опухшими и обмороженными ногами. Одежда на нем была вся завшивлена. Отец мой растопил баньку, и туда потом отнесли на одеяле летчика. Там его раздели, унты пришлось разрезать, помыли и переодели в чистое белье. Из бани в дом отец перенес его на спине: справился сам, так как после стольких дней голодания летчик весил „как пушинка“. Положили его возле окон на широкие деревянные полаты, хорошо укутали, дали крепкого чая с медом. Ему стало легче. А он меня почему-то звал Варей. Стану уходить, а он мне говорит: „Варенька, не уходите“. А я ему: „Меня не Варенькой звать“. Потом он мне сказал, что у него была девушка Варя. Мне же в ту пору исполнилось уже 25 лет, жила со мной трехлетняя дочка, муж воевал на фронте. Запомнилось, что летчик все время просил есть, но кормила я его понемногу — боялась, как бы не случился заворот кишок. Одежду его мы пропарили в печке, чтобы уничтожить вшей, потом я ее выстирала, высушила и прогладила. На второй день, когда она была готова, мы его переодели. Больные ноги смазывали гусиным салом. Отец съездил в ближайшую воинскую часть — это 17 километров от нас — в деревню Русские Новики и сообщил, что в лесу нашли живого нашего летчика. Оттуда вскоре за ним приехали военные. Алексей Петрович, правда, не хотел уезжать, но, судя по его состоянию, медлить с отправкой в госпиталь было нельзя».

Действительно, надо было уезжать и как можно скорее. Состояние здоровья Маресьева становилось с каждым днем все хуже и хуже. Он уже начал бредить. Сельчане вышли проводить летчика. Были среди них и его спасители. Только через двадцать с лишним лет, в мае 1965 года, состоится новая встреча Алексея Петровича Маресьева с Сергеем Петровичем Малиным и Александром Михайловичем Вихровым. Встретятся они в Москве. Крепко, по-мужски обнимутся. Как водится, по русскому обычаю выпьют по чарке водки, окунутся в реку воспоминаний, вспомнят холодный апрель 1942 года. Не обойдется без скупых слез. Валдайские гости пробыли в столице несколько дней, и 9 мая, когда в стране торжественно отмечалось 20-летие Победы, состоялась их встреча с Маресьевым и писателем Б. Н. Полевым, автором книги «Повесть о настоящем человеке», в студии Центрального телевидения на популярном «Голубом огоньке». Вся страна смотрела эту праздничную передачу, увидев наконец тех, кто в самую критическую минуту жизни первыми оказал помощь летчику.

За плечами у каждого уже была значительная часть жизни. Малин в

конце 1942 года был призван в армию, воевал в пехоте. Прошагал всю Европу, расписался на стене Рейхстага, был награжден орденом Красной Звезды, медалями. На момент встречи с Маресьевым Сергей Петрович трудился в местном лесхозе.

Другой спаситель — Александр Михайлович Вихров тоже воевал, был дважды ранен. После войны связал свою жизнь с лесом, работал лесничим. Перед Маресьевым он появился в форменном кителе, какого прежде Алексей Петрович не видел.

— Ты что, прокурором стал или связистом? — с улыбкой спросил он Вихрова.

— Да нет, Алексей Петрович, это форма лесничего, — ответил Вихров. — Тружусь в тех самых местах, где ваш самолет упал. Люди интерес проявляют, я у них бываю вроде экскурсовода.

Не было на этой встрече только Ольги Михайловны Сергеевой (Вихровой), которая работала в железнодорожном детском саду города Бологое. Не смогла она тогда приехать — с сердечным приступом оказалась в больнице.

Однако опять вернемся к событиям 1942 года. В деревне Русские Новики, куда сначала перевезли Маресьева, дислоцировалось несколько воинских частей. Вскоре оттуда за летчиком на грузовике приехали офицер в звании капитана и несколько красноармейцев. Капитан проверил у Маресьева документы, потом дотошно, с пристрастием, словно во время допроса, долго с него «снял показания». Существует версия, что капитан был не из простых пехотных служаков, а из Особого отдела. Только после этого Маресьева положили на носилки, погрузили в кузов грузовика и отвезли в 276-й медицинский санитарный батальон, где им уже занялись медики. Но, похоже, там не было хороших специалистов, о чем свидетельствует Маресьев: «Мне сделали там согревающий компресс на ноги. Ноги были белые-белые, как стена. Я удивился и спросил, почему они такие белые. Мне сказали, что это отек от голода. Я спросил, не отморожены ли они? „Нет, нет, — говорят, — ничего“. Но ходить я совершенно не мог.

Когда меня привезли в эту часть, а это был какой-то обозный отряд, туда пришел врач, и я до сих пор не могу понять, зачем он это сделал, и нужно ли было это делать, но он мне прописал выпить стакан водки и дал мне закусить только черным сухарем. Сначала, после того, как я выпил, все было ничего, а потом часов с двух ночи меня стало разбирать, и я начал, как говорится, „шухерить“. Там сидела около меня одна девушка, потом был капитан, так со мною не знаю, что делалось. Я ударил эту девушку,

опрокинул стол, который стоял около меня, стал кричать: „Немцам не победить!“ Потом меня уложили. Только успокоили, а через десять минут я опять начал кричать: „Заверните мне правую ногу, а то ее немцы возьмут!“ Этот капитан рассказывал, что я кричал: „Умираю, дышать нечем!“ Он испугался и пошел за врачом. Тот пришел и сделал мне укол в полость живота. Потом он спрашивает меня: „Ну, как, хуже или лучше стало?“ Я отвечаю: „Не хуже и не лучше“. — „Ну, хорошо, что не хуже, а лучшего ждать нечего“.

Потом меня сразу же отвезли в передвижной госпиталь^[20] и там меня стали лечить нормально. Сделали мне там переливание крови, и я стал чувствовать себя немножко лучше. Стали мне делать согревающие марганцевые ванны. В первый день, когда меня привезли, мне говорят: „Садись на табуретку“. Я, как только сел, чувствую, что не хватает мне воздуха. Они говорят опять: „Садись“. Я говорю, что не могу. Они меня все же посадили на табуретку, а я с нее упал. Потом пришел врач, меня положили на стол и влили мне 400 грамм крови. Я говорю: „Я теперь сам могу вставать“. Но меня переложили опять на кровать.

Пролечился я там дней 7–8, до 30 апреля. Мне говорят, что мы тебя отправим в глубокий тыл, в Свердловск. Но для этого нужно было попасть на Валдай, а оттуда ходили санитарные поезда. 30 апреля меня отправили на машине в Валдай. Туда я приехал часиков в шесть вечера. Только меня положили, минут 15 я пролежал, дали мне покушать рисовой каши. Начал я кушать, вдруг дверь открывается, входит человек и начинает кого-то искать глазами, смотрит по всем кроватям. Потом мы с ним встретились взглядом. Смотрю — командир эскадрильи, с которым я летал, Дегтяренко [правильно Дехтяренко. — Н. К.].

— Лешка, неужели это ты?!..

Оказывается, он меня искал, так как из передвижного госпиталя сообщили в часть, что я там нахожусь, и он на другой день бросился меня искать... А я прямо заплакал, просто зарыдал, такая была встреча!»

Маресьев очень уважал своего командира. Андрей Дехтяренко был настоящий комэск в полном смысле этого слова. Его отличали индивидуальное летное мастерство, высокие морально-волевые качества. К тому же он был хороший командир. Боевое крещение Дехтяренко получил на Халхин-Голе в боях с японцами, за что был награжден орденом Красного Знамени. В дальнейшем мужество и отвага этого летчика будут отмечены званием Героя Советского Союза. Это произойдет в июле 1942 года. А слетался Маресьев с Дехтяренко в период, когда шло переучивание на «Яках». С тех пор они были всегда рядом, а боевые вылеты сблизили и

породнили их еще больше. Вот и сейчас летчики были снова вместе, о чем читаем в воспоминаниях нашего героя:

«Он [Дехтяренко] меня спрашивает: „Чего ты лежишь? Ты, может быть, есть хочешь, я тебе две плитки шоколада привез“. Я ему говорю: „Я не могу, Андрей, я 18 дней ничего не кушал, я очень слаб“. А он, оказывается, приехал за мной и хочет меня забрать. И мы, действительно, были с ним очень хорошие приятели, один без другого жить не могли. Но врач меня не отпускает, говорит, что меня отправят в глубокий тыл. Дехтяренко стал нервничать, ругаться: „Это мой летчик, я его заберу. Мы сами знаем, куда его направить для лечения!“

А он искал меня долго и все время — на самолете. Сначала он полетел туда, откуда им сообщили обо мне. А там меня уже не было. А ведь это не просто — прилетел и сел, как на аэродром, а площадка бывает километра за 3–4. Потом опять пришлось сюда лететь. А вылетел он в 7 часов утра, а дело было уже к вечеру. И он, в конце концов, меня забрал с горем пополам, посадил в самолет. Хотя мне и сделали вливание крови, но чувствовал я себя плохо. И только меня сажают в самолет, я теряю сознание. Здесь он говорит: „Я тебя везу, а ты, наверное, умрешь“. Я говорю: „Давай, жми! Живого или мертвого, уж взялся, так вези!“ Он посадил меня в кабину, привязал, и полетели мы в ту часть, где я воевал. Здесь все уже собрались, все было подготовлено для посадки. Правда, я не могу всего рассказать, так как я был в очень тяжелом состоянии...»

Встреча была трогательной. Едва только Дехтяренко заглушил мотор, как самолет тут же окружили все, кто в это время находился в полку. Однополчане бережно достали Маресьева из кабины, а затем отнесли и положили на носилки. Со всех сторон к нему потянулись дружеские руки. Каждому из боевых товарищей хотелось его крепко обнять, из-за чего Дехтяренко пришлось чуть ли не отгонять их от Маресьева.

— Хлопці, обережно, він же поранений! — сердито гремел голос комэска, но летчики продолжали толпиться возле Маресьева.

У самого же Маресьева практически не было никаких сил хоть что-то сказать в знак благодарности — так нестерпимо плохо ему было в те минуты. И все же на его бледном лице с трудом просачивалась слабая теплая улыбка, а в усталых глазах блестели слезинки радости.

Ночь Маресьев провел в медсанчасти полка, на следующий день, а это было 3 мая, его на санитарном самолете отправили в Москву.

Глава 5. Русский характер

Да, вот они, русские характеры! Кажется, прост человек, а придет суровая беда, в большом или в малом, и поднимается в нем великая сила...

А. Н. Толстой. «Русский характер». 1944 год

В Москве пахло весной. И хотя она пришла в столицу с опозданием из-за долгой зимы, ее теплынь все больше и больше разливалась по улицам и переулкам. Пригревало солнце, его золотистые лучи настырно проникали за заклеенные крест-накрест полосками бумаги окна домов. Снег почти весь растаял, а если где-то еще и оставался, так только в глухих местах парков — слежавшийся и почерневший.

С наступлением теплых дней повеселели и москвичи, хотя в городе повсеместно чувствовалось присутствие войны. По улицам вышагивали комендантские патрули, повсюду рядами стояли противотанковые ежи, с крыш зданий настороженно смотрели в небо стволы зениток, спаренных пулеметов и рупоры звукоулавливателей...

В широкие окна госпитальной палаты, где лежал Маресьев, тоже заглядывала майская погода. Солнечные брызги разлетались по бледным лицам постояльцев, койкам, тумбочкам, а через открытые форточки в палаты врывались свежие струи воздуха. Только настроение у Маресьева было далеко не весеннее. Сильно болели отмороженные ноги, которых он практически не чувствовал. От этих безвольных почерневших конечностей уже начала отслаиваться мягкая ткань. Страшный диагноз «гангрена» был вынесен окончательно и бесповоротно.

Маресьев лежал один, но в проходной палате. Это его раздражало, поскольку мимо непрерывно сновали врачи, санитарки, медсестры, больные... Вдобавок не стихали их голоса. В голове Маресьева стоял шум, будто вокруг непрерывно били в бубны... Приходившая ставить ему градусник пожилая медсестра увидела, как по щекам Маресьева текут слезы.

— Терпи, милок, терпи, — беря его за руку, успокаивала она. — Даст Бог, все будет хорошо.

В эти минуты ему невольно захотелось ощутить прикосновение теплых материнских рук. Услышать знакомые с детства слова:

— Ничего, сынок, до свадьбы заживет...

Мама, милая, родная мама, знаешь ли ты, какая беда приключилась с твоим сыном...

К сожалению, состояние здоровья Маресьева лучше не становилось. Боли простреливали все тело, не давали спать, гангрена, словно ржавчина, медленно съедала ноги. Маресьеву начали колоть обезболивающие препараты. А тут еще он стал случайным свидетелем разговора врачей. Один из них сказал, что положительной динамики у больного нет, идет резкое ухудшение состояния здоровья, шансов выжить мало. Эти слова прозвучали подобно смертельному приговору.

Дальше события, если верить некоторым охотникам до сенсационных домыслов, стали развиваться по самому трагическому сценарию. Раненых в госпитале было много, поэтому летчика, как практически безнадежного, положили на каталке в коридоре. А затем, накрыв простыней, его, умирающего, повезли в морг. Гангрена, заражение крови — показатель того, что он уже не жилец на этом свете. Но на пути туда Маресьева перехватил проходивший мимо профессор Н. Н. Теребинский. Он тут же приказал: «На операционный стол его, живо!»

В действительности все обстояло не так. Как вспоминал сам Маресьев, лечащие врачи решили его показать профессору Николаю Наумовичу Теребинскому. Это был известный в Москве доктор старой школы. В предвоенные годы он стоял у истоков хирургии на открытом сердце. Во время войны Теребинский заведовал хирургической клиникой Наркомата путей сообщения СССР и одновременно консультировал хирургов нескольких военных госпиталей. И здесь необходимо сделать еще одно уточнение.

До недавнего времени считалось, что Маресьева привезли в 7-й Московский центральный военный клинический авиационный госпиталь в Сокольниках. Однако сведения, полученные автором книги из Центрального архива военно-медицинских документов, свидетельствуют о другом месте его пребывания. В предоставленной справке указано, что «3 мая 1942 г. мл. лейтенант Маресьев А. П. поступил в ЭГ 4034, г. Москва, в тяжелом состоянии». Этот эвакогоспиталь, по данным Всероссийского информационно-поискового центра, находился в Бабушкином переулке (в настоящее время — улица Александра Лукьянова, получившая свое название в 1964 году в честь летчика-истребителя и Героя Советского Союза А. М. Лукьянова) с 28 января 1942 года по 10 ноября 1945 года. Тогда как 7-й авиационный госпиталь был открыт на Поперечном просеке в Сокольниках уже после того, как Маресьева прооперировали. Да и сам

Маресьев вспоминал, что госпиталь находился где-то в Бабушкином переулке, но из публикации в публикацию кочевала невесть откуда взявшаяся история про госпиталь в Сокольниках.

Теперь же абсолютно точно можно сказать, что все события происходили в Бабушкином переулке в развернутом на базе железнодорожной больницы эвакогоспитале № 4034. Здесь профессор Теребинский, как и в других лечебных заведениях подобного рода, часто брал в руки скальпель и выполнял наиболее сложные операции. В один из дней этот высокий, худой человек в пенсне, с короткими седыми волосами и обвисшими усами предстал перед Маресьевым. Внимательно осмотрев его ноги, профессор тяжело покачал головой, потом сухо сказал стоявшим рядом с ним врачам, что ситуация не безнадежная, летчика надо спасать.

Теребинский сам взялся оперировать Маресьева. Наверное, если бы летчик попал в руки уважаемого профессора раньше, то, возможно, болезнь удалось бы победить без тяжелых последствий. Хотя не факт. Сегодня, спустя годы, мы можем лишь строить версии. Тогда же счет шел на дни, а может, даже на часы, поскольку перед врачами стоял вопрос: будет ли вообще жить Маресьев или нет? Болезнь прогрессировала. Чтобы сохранить жизнь Маресьеву, Теребинский принял решение ампутировать ему ноги. В условиях тогдашних медицинских практик другого варианта просто не имелось.

Операция, которую провел профессор Теребинский (ему ассистировали лечащий врач Альтшулер, врач Теплова и операционная сестра Зиновьева), была сделана Маресьеву 24 июня 1942 года. Как записано в истории его болезни, была проведена «типичная ампутация лоскутным способом обеих стоп».

О том, как проходила операция, читаем в воспоминаниях Маресьева: «Хотели мне сделать только спинномозговой укол, но этот наркоз на меня не подействовал. Укол местного обмороживания тоже не берет. Профессор даже удивляется, и тогда решили делать операцию под общим наркозом. Накрыли меня маской и стали поливать на нее эфир, я должен был дышать эфиром. Сестра мне посоветовала глубоко-глубоко дышать. Как только я глубоко вздохнул, мне сразу же ударило в голову, я махнул рукой, маску сбил, капля эфира попала мне в рот, меня стало тошнить. Профессор ругается на сестру: „Что же вы не можете удержать маску!“ Опять наложили маску. Мне стало так нехорошо, я кричу: „Снимите, дайте мне хоть немножко пожить!“ Сестры плачут, профессор ругается. Ну, а потом мне немножко приподняли маску, я глотнул свежего воздуха, и все пошло, как следует. После операции я проснулся со слезами. Ноги у меня очень

болели».

Но плакал Маресьев не только от физической боли. Боль была, скорее, душевная. Ампутация спасла ему жизнь, но оставила без ступней. Это означало — списание подчистую на землю и расставание с небом навсегда. Кроме того, он теперь инвалид, лишний человек в жизни. Кому он нужен такой увечный? Обретая крылья, Маресьев не обрел семью. Получилось, как в той песне, «первым делом, первым делом — самолеты, ну а девушки, а девушки потом». Но, скорее, не встретила на его пути та единственная и неповторимая, ради которой он мог бы, как Валерий Чкалов, совершить дерзкий пролет на «ястребке» под мостом... Однако все, что ни делается, всё к лучшему. Хорошо, что остался холостяком. А то бы стал для молодой жены обузой. Пока же эта тягостная забота ляжет только на мать, которая любым его примет. Хоть безногим, хоть безруким...

Тяжелые были эти раздумья в те однообразные госпитальные дни и ночи. Закинув руки за голову, Маресьев часами смотрел в высокий, покрытый тонкими трещинками, потолок. Разговаривать ни с кем не хотелось. Зудели начинавшие заживать после операции раны. К этому зуду, доходившему до сердца, добавлялись громкие, как ему казалось, разговоры выздоравливающих. Они, будто специально, чтобы завидовали, рассказывали о том, какая на улице погода да каких красивых девушек там видели... Ночью было легче — для сна и снятия боли Маресьеву кололи морфий. Но все равно он засыпал с наворачивающимися слезами и тягостными мыслями о своей безногости...

— Смотрю я на тебя, Алексей, и вот что, дружище, тебе скажу, — начал как-то разговор с Маресьевым сосед по палате, уже в годах батальонный комиссар. — Да, подрезали тебе крылышки, но главное, что ты жив. А если жив, значит, будешь опять с крыльями. Ты, я вижу, человек сильный, с характером...

Годы спустя Маресьев с теплотой вспоминал о своем соседе по палате: «Огромной душевной силы был этот человек. И сделал он для меня, как позже понял, многое. Один только пример. После ампутации ног меня на ночь кололи, давали успокаивающее. А это не что иное, как наркотики. Он мне говорит: „Алексей, от такой поддержки надо отвыкать, погибнешь“. И тогда я сказал врачам: „Хватит успокаивать“».

Действительно, комиссар, как нельзя кстати, оказался рядом с Маресьевым. Именно он морально помог ему в трудную минуту выстоять и поверить в свои силы. Постепенно стали заживать и раны, с их заживлением шло и привыкание к тому непривычному состоянию, в котором Маресьеву предстояло находиться постоянно.

Навсегда в сердце Маресьева осталась и молодая медсестра, совсем еще девчонка Евдокия Коренкова. Она в те дни находилась рядом с летчиком. Годы спустя Евдокия Ивановна Коренкова вспоминала: «Летчика Алексея Маресьева привезли в госпиталь под вечер, ранней весной 1942 года^[21]. Это теперь все про него знают — народный герой! А тогда — просто несчастный 22-летний летчик^[22], самолет которого сбили фашисты. За те несколько недель, пока чудом спасшийся Алексей добирался до своих, он сильно обморозил ноги, началась гангрена. И когда привезли в госпиталь, парень находился в очень тяжелом состоянии: ноги совсем почернели, вся палата сразу наполнилась тяжелым запахом гниения. Вопрос о том, чтобы спасти конечности, уже даже не ставился — только ампутация. Я выхаживала Алексея сразу после операции, кормила с ложечки, утешала, когда у него началась обычная для таких больных депрессия. Алексей все время твердил, что обязательно будет летать, вернется в авиацию. Конечно, мы успокаивали мальчишку как могли, но словам его тогда не верили... И он — вот настырный! Своего добился! После выписки Алексей уехал. Обещал навещать нас, но ведь была война... В госпиталь он заскочил еще только один раз — когда ему дали Звезду Героя. Похвастался, что снова разрешили летать...»

Третьего июля Маресьеву сняли швы с заживающих ран. Тогда же он спросил Теребинского:

— Профессор, я летать буду?

Теребинский не мог дать твердый ответ, но тем не менее обнадежил пациента:

— Это дело не мое, мое дело так тебя отремонтировать, чтобы ты через протезы все чувствовал бы.

О Теребинском Маресьев позже скажет так: «Всю жизнь буду с особой любовью о нем вспоминать. Ему я обязан тем, что остался живым. Мое положение было очень серьезным — влажная гангрена обеих ног. Врач сомневался, вынесу ли я сложную и тяжелую операцию, которая мне предстояла. Но все же он решился и ампутировал обе ноги ниже колен».

Здесь нужно сделать небольшое отступление. Маресьев всю жизнь оставался материалистом. Ни в какие приметы, мистику не верил. Но в то же время он хранил в своем семейном архиве весьма необычную фотографию. На ней неизвестный фотограф-любитель запечатлел его, четырнадцатилетнего пацана, сидящим на лошади. Но маресьевских ног на снимке не видно. Там, словно кистью проведена белая полоса засветки. Причем именно в том месте, где их ампутирует профессор Теребинский.

Что это? Знак судьбы? Предсказание? Но вряд ли можно считать, что кто-то свыше предопределил долю Маресьева. Хотя, согласитесь, трудно быть прорицателем...

Послеоперационный период Маресьева проходил тяжело. Вскоре Алексей был отправлен в Куйбышев, где находился эвакогоспиталь № 3999, в котором врачи специализировались на лечении бойцов и командиров с ампутированными конечностями. Иными словами, госпиталь имел протезно-ортопедический профиль. Здесь летчику сделали реампутацию голеней фасциально-надкостничным методом, разработанным ведущим хирургом госпиталя Н. А. Мишиным.

Через две недели после операции у Маресьева сняли мерки для изготовления протезов. Мастер-протезист пообещал Маресьеву, что он скоро будет «на велосипеде кататься, с барышнями польку-бабочку плясать»...

В наше время человек, лишившийся ног, может получить модульные высокотехнологичные протезы. С ними он почти не чувствует себя инвалидом — ходит без костылей, управляет автомобилем и даже ставит рекорды на параолимпийских играх. Но в годы войны ничего подобного не было и в помине. Самыми ходовыми были тогда так называемые шинно-гильзовые протезы. Что из себя, к примеру, представлял один протез? Это жесткая гильза из блокованной (вываренной и проклеенной особым образом) конской кожи толщиной в полсантиметра плотно охватывает то, что осталось от живой ноги. К гильзе на железной шинке с шарниром крепится деревянная ступня, в каблук которой вделан резиновый клин для амортизации. Если надеть ботинок — похоже на ногу, безусловно... Однако шаг на такой кожанно-деревянной ноге — жесткий, бежать или прыгнуть практически невозможно, разве что медленно гулять вразвалочку.

Между тем в 20-х числах августа Маресьев сделал на шинно-гильзовых протезах свои первые шаги. Сначала — с костылями. Затем шаг за шагом двигал впереди себя стул, удерживаясь руками за его спинку. Все эти упражнения он выполнял не десятки, а сотни раз.

Незаметно начали улетучиваться и грустные мысли. «Когда стал двигаться, — вспоминал о тех днях Маресьев, — появилась какая-то бодрость и даже бесшабашность». Правда, на этой легкой волне он едва не попал в злостные нарушители госпитального режима. А произошло следующее. Некоторым категориям больных в определенные дни выдавали по сто граммов сухого вина. Можно сказать, наркомовские. Полагалось вино для скорейшего выздоровления и Маресьеву. Ну что такое сто граммов? По его собственному признанию, «выпьешь — и ни в одном

глазу».

Однажды он попросил медсестру принести ему пустую бутылку. Та поинтересовалась, зачем, мол. Маресьев соврал, сказал, что для воды. На самом деле он стал собирать вино. Когда бутылка наполнилась по горлышко, тут же все содержимое и выпил. Хмель ударил в голову. Настроение поднялось, потянуло на подвиги. Маресьев сел в инвалидную коляску, выехал на ней из палаты и покатил, набирая скорость, по длинному коридору. А тут — поворот. На какие-то мгновения слегка опьяневший Маресьев ощутил себя не в коляске, а в кабине своего быстрокрылого «Яка». И пошел на «боевой разворот, взял ручку управления на себя». Резко развернулся и тут же упал вместе с коляской набок. На шум сбежался персонал. К счастью, все обошлось, никто не стал устраивать разбирательств. Но за свой авантюрный поступок Маресьев извинился перед медсестрой. И даже поцеловал девушку в щечку.

К месту сказать, эта же медсестра, которую Маресьев называл любовно сестричкой, принесла ему однажды журнал.

— Леша, смотри, здесь статья об одном английском летчике, который, не имея обеих ног, продолжает летать, — сказала она, раскрыв журнал на нужной странице.

Маресьев сразу же погрузился в чтение. Речь в публикации шла об английском летчике-асе Дугласе Бадере, который во время авиационной аварии потерял обе ноги. Пройдя реабилитацию после ампутации ног, Бадер на протезах возобновил летные тренировки. И добился цели. Его вновь зачислили на службу в Королевские ВВС Великобритании. Он стал летать, в начальный период Второй мировой войны одержал 20 личных побед над противником.

Статью Маресьев перечитал несколько раз... «Если англичанин сумел вернуться в небо, то чем я хуже?» — задал он себе вопрос. И тут же на него ответил: «Не хуже, а лучше». Это означало, что он тоже может летать. Однако возвращение в небо будет долгим. Путь туда, по большому счету, только начинался. Но остановить Маресьева уже было невозможно. Если он что-то решил, то своего добьется обязательно, как это было не раз. Через некоторое время Маресьев начал ходить с палочкой, вымеряя госпитальные коридоры. Потом ему надоело циклевать паркет — попросился на улицу. Врач дал добро.

— Как сейчас помню, в ощущениях, свой выход во двор госпиталя, — рассказывал Маресьев. — К паркету я привык уже, протезы чувствуешь, но мягко так, а тут всем телом — каждую неровность, каждый камешек ощущаешь. Но не пасовать же! Лежит бревнышко, небольшое такое,

думаю, надо переступить через него, в жизни подобных много будет. Переступил, не упал.

Так день за днем приближал Маресьева к прежней жизни. Тогда же он все чаще стал думать о движениях ногами, что необходимы летчику при управлении самолетом. Что вскоре и стал делать. Все свои движения он оттачивал буквально с линейкой в руках: засовывал протезы между перекладинами стула, отворачивался и представлял, что управляет самолетом. Потом измерял все расстояние линейкой и начинал сначала.

В госпитале Маресьева нашла боевая награда — орден Красного Знамени, к которому он был представлен в апреле за три сбитых немецких самолета. Приказ о награждении подписал командующий Северо-Западным фронтом генерал-лейтенант П. А. Курочкин. Позднее этот документ за № 0795 от 23 июня 1942 года был утвержден соответствующим Указом Президиума Верховного совета СССР. Но пришла и горькая весть. Однополчане сообщили Маресьеву, что в одном из воздушных боев погиб комэск Андрей Дехтяренко. Это случилось 11 июля. Маресьев тяжело переживал потерю боевого друга. Но война есть война, даже на ней нельзя привыкнуть к смерти. Не могла привыкнуть к смерти и мать Андрея, с которой после войны поддерживал связь Маресьев.

В сентябре Маресьева выписали из госпиталя и направили на реабилитацию в дом отдыха спецназначения № 1 для летно-подъемного и командного состава Красной армии. Это лечебное учреждение находилось в пригороде Куйбышева на Поляне Фрунзе (до Великой Октябрьской революции — Барбошина Поляна). Дом отдыха располагался на бывших дачах известных в Самаре купцов Соколовых — в больших, похожих на дворцы домах, с маршами лестниц, многочисленными портиками, террасами, пандусами, лепниной в виде львиных масок... Трудно было даже определить, в каком стиле эти сооружения построены. В псевдомаврикийском или каком-то другом. До войны в доме отдыха поправляли и укрепляли здоровье работники водного транспорта. Теперь же здесь набирались сил летчики-фронтовики.

Условия были хорошие: чистые палаты, калорийное питание, заботливый медперсонал. Да и окружающая природа соответствовала предназначению пансионата. Вокруг тенистые дубравы, рядом — величавая матушка-Волга. Погода также способствовала реабилитации. Стояла пора бабьего лета. Солнце, хотя и стало уже остывать, еще пригревало. Поэтому «летуны» много времени проводили на свежем воздухе: забивали «козла» в домино, играли в шашки или шахматы, прогуливались по лесным дорожкам. Да и спортивная площадка не

пустовала, где можно было позаниматься на различных снарядах, поиграть в городки.

В доме отдыха у Маресьева появилось больше возможностей для освоения протезов. Утро у него начиналось обычно с физической зарядки прямо в постели. Для упражнений рук и ног он использовал эспандер. После завтрака начиналась ходьба. Маресьев старался как можно больше ходить. Маршруты выбирал самые что ни на есть трудные. Часто совершал прогулки в лес, а для этого надо было спуститься в ложбинку, подняться из нее, пройти по валежнику... Если в госпитале Маресьев через маленькое бревнышко перешагивал, то здесь он уже преодолевал более сложные препятствия. Конечно, это стоило немалых усилий, но он не делал себе никаких поблажек, наоборот, усложнял упражнения. Глядя на Маресьева со стороны, нельзя было определить, что он без ног. Ну, идет себе человек с палочкой и идет...

Там же, в доме отдыха, Маресьев удивил всех, объявив, что переплышет Волгу. Она в тех местах, надо прямо сказать, широкая — два километра, а то и больше. Не каждый здоровый человек, умеющий плавать, отважится преодолеть такую дистанцию. А Маресьев решился и переплыл. Возможно, он проявил мальчишество. Но ведь нужно было как-то доказывать, что он в этой жизни ни в чем от других не отличается!

Вообще, спорт в жизни Маресьева всегда занимал особое место. Со временем, уже после войны, Маресьев научился ходить на лыжах, кататься на коньках, играть в волейбол, настольный теннис и даже ездил на велосипеде. По его словам, нужно было держать себя в форме и сохранять свой постоянный вес, поскольку малейшее изменение отражалось на протезах. К примеру, если полнел — ноги не могли влезть в протезы, худел — ноги болтались в креплениях.

Однако вернемся в дом отдыха. Еще одно испытание Маресьев выдержал в клубе. В выходные дни там проходили вечера танцев. На них собирались все, кто мог передвигаться. Шла война и шла жизнь. Поэтому никто не отменял человеческих радостей и слабостей. А танцы, известно, хороший способ расслабиться, отдохнуть, завести новые знакомства. В свое время Маресьев неплохо танцевал, особенно вальс. Однако теперь все надо было начинать с нуля.

В этом он убедился, когда, пригласив девушку на танец, в самом начале движения наступил ей на ногу. Левым протезом. Партнерша даже взвизгнула от боли, обозвала его медведем косолапым. Девушка не знала, что у летчика вместо ног протезы. А когда Маресьев ей об этом сказал, она едва не разревелась. Расставаясь, Маресьев пообещал девушке, что в

следующий раз подобное не повторится. Слово свое сдержал. Но перед тем как пригласить девушку на обещанный танец, он упорно учился танцевать. Партнером ему стал Сергей, сосед по палате, тоже летчик. С ним и танцевал. Учеба эта стоила Маресьеву растертых до крови культий. Возвращение в небо требовало жертв.

— Только когда я уже умел кое-что, медсестры соглашались выйти со мной в круг, — вспоминал Маресьев. — Начал с вальсов, с мазурки. Потом освоил польку. Более всего возни вышло, когда начали с сестричкой разучивать русскую — я даже ходил вприсядку, как полагается, а потом наутро не смог протезы надеть: обе культи были сбиты до кровавых мозолей. Решил усовершенствовать протезы, для чего выпросил у соседей остатки от ремней. Ребята худые были, ремни им были длинноваты, приходилось укорачивать амуницию, ну, я и забрал все остатки от ремней, потом этими кусочками сам отремонтировал протезы.

А между тем танцы действительно способствовали его скорейшему выздоровлению. По некоторым сведениям, заниматься ими рекомендовали Маресьеву артисты Большого театра, эвакуированного в Куйбышев.

В один из дней в дом отдыха приехала выездная врачебно-летная комиссия во главе с начальником Центрального авиационного госпиталя Института авиационной медицины ВВС РККА бригадиром В. Г. Миролюбовым^[23]. Маресьеву эту комиссию проходить уже не требовалось — его отлучили от неба еще в госпитале, сделав заключение о непригодности к службе. Но надо знать нашего героя. Вот какой диалог с председателем комиссии он приводит в своих воспоминаниях: «Я решил обратиться к нему [Миролюбову]. Прихожу туда, а хожу уже без палочки. Причем я уже научился танцевать. Я носил брюки на выпуск, тогда был в пижаме. Прихожу и говорю: „Доктор, я у вас, наверно, комиссию не буду проходить, но я бы хотел поговорить с вами. Я хочу летать“.

Он на меня смотрит:

— Если вы летчик, то будете летать.

— Мне придется прямо вернуться в госпиталь, и я хочу заранее с вами поговорить.

— А что у вас такое?

— Я на обеих искусственных ногах.

— Да что вы говорите?!

Я прошелся. Он говорит:

— Нет, вы шутите. В самом деле?

Здесь мой врач стал уже улыбаться и говорит, что это действительно так.

— И летать хотите?

— Да.

— А ну, еще раз пройдите.

Я опять прошел. Потом говорю:

— Если вы интересуетесь, как я владею протезами, то приходите сегодня в клуб, я там буду танцевать.

Иду вечером в клуб, смотрю, туда приходит вся комиссия. Я приглашаю девушку, начинаем танцевать. После танцев подхожу к своему доктору. Он говорит, что вряд ли комиссия заметила. Тогда я опять танцую. Они здесь уже меня увидели. Говорят: „Считайте, все наши голоса за вами. Приедете в госпиталь, хирург посмотрит, скажет свое веское слово, если все будет ничего, то пройдете“».

Врачебно-летная комиссия (ВЛК) — организация серьезная и строгая. Она может поставить крест на мечте человека, если тот только собирается связать свою судьбу с небом. В ее власти в любой момент вернуть человека на землю и отобрать крылья, если тот уже летает. И, понятно, эта комиссия, проверив летчика от пяток до макушки и убедившись, что он здоров на все сто процентов, благословит его на дальнейшие полеты. Прохождение комиссии определено соответствующими приказами, инструкциями, рекомендациями. Во время выполнения переворотов, петель, бочек, пикирований, горок, других фигур пилотажа летчик испытывает на себе сильнейшие перегрузки. Отсюда вывод: без крепкого здоровья и хорошей физической подготовки человеку в воздухе делать просто нечего.

Проходить комиссию в Центральный военный клинический авиационный госпиталь, что находился в Сокольниках, Маресьев приехал сразу после завершения реабилитации. Уверенности в том, что он, безногий человек, может успешно пройти обследование, у него не было. Здорового человека не на каждую работу берут, а тут инвалид, да еще просится в небо... И он это прекрасно понимал. Рассчитывать Маресьев мог только на одно — на исключение из правил. Впрочем, даже не на исключение из правил, а, скорее, на снисхождение членов комиссии к его персоне.

Так, собственно, и произошло. Но обо всем по порядку. Проверяли Маресьева, как и положено, по полной программе. Он добросовестно ходил из кабинета в кабинет. Врачи-специалисты его слушали, смотрели, щупали, крутили, простукивали... Алексей побывал у отоларинголога, окулиста, невропатолога, стоматолога... После обследования врачи, будто сговорившись, вписывали в графу о состоянии здоровья Маресьева лаконичное слово «годен». И они не лукавили. По их части летчик хоть завтра мог отправляться в полет. Но ни хирург, ни терапевт, конечно, такое

заключение сделать не могли, однако на словах поддержали желание Маресьева летать. Затем состоялось и само заседание комиссии, на которое пригласили Маресьева.

— Значит, хотите все-таки летать? — спросил его председатель комиссии военврач И. К. Собенников, начальник отдела Института авиационной медицины ВВС РККА.

— Так точно! — привычно, по-уставному ответил Маресьев.

— На каких же самолетах? — продолжил Собенников.

— Хочу, конечно, на истребителе. Но вы все равно не разрешите, поэтому прошу допустить к полетам на У-2, — сказал Маресьев и просительно посмотрел на членов комиссии.

— А справитесь? — поинтересовался кто-то из врачей.

Неожиданно Маресьев, словно отвечая на поступивший вопрос, пустился в пляс. Плясал он задорно, даже с какой-то лихостью, прихлопывая ладонями по штанинам брюк. И тем не менее члены комиссии остались непреклонны — требования есть требования, которые они не вправе были нарушить. В выданном Маресьеву заключении комиссия признала его негодным к летной работе. Но правда и то, что ниже в документе была сделана приписка, в которой говорилось, что он «может быть допущен к проверочным полетам на самолете У-2».

Это была надежда, дававшая возможность Маресьеву идти дальше, бороться за право летать. Однако на деле оказалось все сложнее. Легче было заново научиться ходить, чем открывать двери кабинетов высокого летного начальства. Маресьев вспоминал: «Я пошел с этим решением в управление кадров ВВС [РК]К[А]. Прихожу туда, направляют меня к полковнику Вальчугину^[24]. Тот читает бумажку. А там написали и так, что не годен, ампутированы обе ноги. И в самом конце написали, что допущен к тренировочным полетам на У-2. Полковник прочел, что не годен, и больше не читает.

— Вы что пришли?

— Хочу на летную работу.

— Вы же не годны.

Я говорю, что комиссия мне разрешила. Он тут: „Что мне комиссия, мы сами можем здесь разобраться, да и здесь написано, что не годен и все!“

Я говорю:

— Вы прочтите, что дальше написано.

А он здесь схватился и пошел:

— У вас ног нет, а пришли сюда очки втирать.

Меня это страшно задело. Я говорю:

— Ноги у меня, товарищ полковник, есть, но ноги деревянные.

— Но вы летать не будете, как это можно!

Я говорю:

— Почитайте дальше, мне врачебная комиссия разрешила летать на У-2.

— Что мне врачебная комиссия, мы все равно вас не допустим.

Тогда я стал с ним по-другому говорить.

— Товарищ полковник, я буду летать, только прошу вас не давать сразу заключения.

А он уже спрашивает, кем я работал, и собирается искать вакантную должность для меня.

— Я прошу вас еще раз — заключения не давать. Я дойду до маршала авиации.

— Он все равно вас не примет.

— Нет, примет.

Ну, он здесь еще сильнее раскричался.

— Кто вам разрешит?

Я говорю:

— Приду по всем правилам и попрошу разрешения. И летать я все-таки буду.

— Нет, вы летать не будете.

— Нет, буду.

— Вы ходить не умеете.

Я тогда набрался нахальства и говорю:

— Это дело не ваше, как я хожу. Раз врачи дали мне заключение, что я хорошо владею протезами, я имею право просить, чтобы меня назначили на проверку, как это здесь указано.

Он начал еще что-то кричать, но я тут уже вышел.

Там стоял какой-то майор. Он спрашивает:

— Это ты там так разговаривал? А что такое?

Я ему все рассказал.

— Ну, куда ты хочешь теперь идти?

Я говорю:

— Пойду к командующему, генерал-лейтенанту Новикову^[25].

— А у начальника отдела кадров ты был?

— Нет, не был.

— Сходи к нему, а то неудобно шагать через его голову.

И я решил пойти к начальнику отдела кадров [правильно Управления кадров. — Н. К.]. Прихожу к секретарю, тот докладывает, и начальник меня

принимает. Как раз это был генерал-майор В. И. Орехов.

— В чем дело?

— Меня не устраивают на летную работу.

— Почему?

Я говорю, вот так и так, полковник Вальчугин отказывает. Приходит к нему Вальчугин. Он читает документы и говорит:

— Так вы без ног?

Я говорю:

— С искусственными ногами, товарищ генерал-майор.

— Нет, летать вы не будете, что вы, что вы!!!

— Почему, товарищ генерал?

— Так вы не сможете.

Тогда я вынимаю журнал и говорю:

— Вот, летают же люди, только англичане, почему же я не смогу?

Он прочел, отложил в сторону журнал:

— Нет, все-таки вы летать не будете.

— Товарищ генерал-майор, разрешите сказать.

— Говорите.

— Я летать буду.

— Вы — средний командир и должны слушать то, что вам говорит генерал.

— Я слушаю, но все-таки я летать буду.

— Зачем это надо?

— Во-первых, я многим еще могу помочь авиации, а во-вторых, это очень интересная вещь в авиации вообще.

— Ты подумал, как ты с этим справишься?

— Все обдумал.

Он попросил меня выйти, потом снова меня позвал.

— Ладно, — говорит, — попробуем.

Ну, думаю, если попробуем, то — все. И, вот, единственный человек — этот генерал, который мне помог».

От генерала Орехова Маресьев вышел окрыленный. А дальше — новые кабинеты, встречи с теми, от кого зависела его судьба, лаконичные резолюции на рапортах. В штабе ВВС Московского военного округа его принял заместитель командующего по военно-учебным заведениям полковник С. Е. Белоконь. Для Маресьева он оказался родственной душой, поскольку до назначения на эту должность командовал ночной авиагруппой стрелков-бомбардиров Юго-Западного фронта. В предвоенные годы был летчиком-инструктором, преподавателем в Борисоглебской авиационной

школе, начальником Харьковской военной авиационной школы.

Генерал внимательно выслушал Маресьева и поддержал его в стремлении вновь вернуться в небо. Спустя годы Белоконь вспоминал: «В том, как Маресьев настойчиво просил командование допустить его к полетам, чувствовалась сила воли, мужество и готовность идти на все, лишь бы летать, идти на фронт и бить врага... После длительного разговора было принято решение послать Маресьева в Ибреси, на должность летчика-инструктора. Предварительно руководству школы было дано задание — проверить в воздухе возможность летать без обеих ног».

В первых числах октября Маресьев, получив предписание в Управлении кадров штаба ВВС Московского военного округа, уехал поездом в затерянный в лесах небольшой чувашский поселок Ибреси. Там находилась 3-я авиационная школа первоначального обучения ВВС Московского военного округа, перебазированная в первые месяцы после начала Великой Отечественной войны из города Сталиногорск^[26]. Теперь в ней проходили переподготовку летчики, выписанные из госпиталей, и пилоты гражданской авиации. Аэродромы были оборудованы близ населенных пунктов Ширтаны, Климово и Чувашские Тимяши. Школа и аэродромы, как того требовала военная обстановка, были строго засекречены.

Штаб школы находился в здании, где раньше размещался военкомат. Дорогу туда Маресьеву показал один из местных жителей. Временно исполняющим обязанности начальника школы на тот момент являлся начальник штаба майор М. Т. Литвинов, которому Маресьев доложил о своем прибытии для дальнейшего прохождения службы. Одновременно он передал майору пакет с личным делом, опечатанный сургучовой печатью. Но тот почему-то не торопился его вскрывать. Сейчас майора больше всего волновал вопрос, почему вновь прибывший офицер одет не по форме. Вместо привычных галифе — отглаженные со стрелками брюки навыпуск, на ногах не сапоги, а отливающие блеском желтоватого цвета ботинки. Цирк, да и только! В очередной раз, подозрительно окинув взглядом Маресьева с головы до ног, Литвинов требовательно спросил:

— Почему вы, товарищ лейтенант, нарушаете форму одежды?

— Так точно, нарушаю! — без тени смущения подтвердил Маресьев.

— У меня нет ног, поэтому не могу сапоги носить.

— Как нет ног? — еще больше удивился Литвинов.

— А так, товарищ майор, — последовал новый ответ.

— Зачем вы тогда прибыли в нашу школу? Кто разрешил? — засыпал вопросами Литвинов.

— Разрешение в пакете, — пояснил Маресьев.

Когда Литвинов вскрыл пакет и начал знакомиться с документами, то вопросы отпали сами собой. На рапорте, испещренном множеством коротких резолюций, выделялась одна, самая длинная: «Лейтенант Маресьев направляется в вашу авиашколу. По возможности помогите ему снова быть в летном строю». Ниже стояла подпись уже знакомого читателю Белокопя.

Затем был долгий разговор. Маресьев рассказал Литвинову о своих перипетиях, что у него целы коленные суставы ног и что он сможет научиться управлять самолетом. А в конце сказал:

— Поймите меня, товарищ майор, я не могу не летать, я должен снова сражаться!..

«И такая страстная убежденность была в его словах, — вспоминал впоследствии М. Т. Литвинов, — так уверенно показывал он свое умение двигаться на ногах, что я поверил: этот своего добьется. Я вызвал одного из самых опытных летчиков — командира 3-го отряда 1-й эскадрильи Наумова и поручил ему заняться тренировками с А. П. Маресьевым...»

Поселили Маресьева, рассказывают старожилы, сначала в здании средней школы, временно отданное под общежитие для курсантов. Затем он перебрался в Дом приезжих, где проживал вместе с другими офицерами и преподавателями вплоть до окончания своей учебы.

Не передать словами первой, после долгой разлуки, встречи Маресьева с крылатой машиной. Полгода он не слышал привычного гула моторов и порядком отвык от суетной аэродромной жизни. Хотя забывать о профессии ему не давали кинофильмы «Истребители», «Валерий Чкалов», «Пятый океан», которые по много раз крутили в госпиталях и доме отдыха, но то было кино. Сейчас же Маресьев возвращался в реальность, в привычные летные будни. На душе, несмотря на зябкую погоду, было тепло и радостно, как в праздничный день.

По свидетельству очевидцев, Маресьев неторопливо обошел старенький, крещенный дождями, метелями и ветрами учебно-тренировочный самолет У-2. Потом, словно давнего приятеля, похлопал его своей крепкой ладонью по крылу. Невольно всплыли воспоминания о том, как на такой же машине он впервые поднялся в небо над Комсомольском-на-Амуре. Теперь ему вновь предстояло сесть за «парту» — так еще называли этот верный и надежный самолет.

Первый полет в чувашском небе Маресьев осуществил, как и планировалось, с командиром отряда И. М. Наумовым. Полет по кругу, в зону, а также ряд других несложных упражнений он выполнил уверенно.

Достаточно четко была осуществлена и посадка. Наумов остался доволен действиями Маресьева. Потом сказал:

— У меня ноги замерзли, может, сам полетишь?

— Если даете добро, то я готов, — радостно ответил Маресьев.

Следующие четыре полета он выполнил самостоятельно. И вновь успешно справился с задачами. Наблюдавший за полетом Маресьева командир эскадрильи не поверил, что у летчика искусственные ноги. Как, мол, так... Когда тот приземлился, он собственноручно их пощупал. По признанию Маресьева, он тоже «сам удивился, никогда не знал, что можно так летать без ног».

Остатки октября, весь ноябрь Маресьев провел на продуваемом всеми ветрами аэродроме. Служившие тогда в школе офицеры С. В. Валуев, Н. С. Мальченко, Г. С. Емельяненко, А. П. Быков, Н. А. Арчаков хорошо запомнили, как «упорно и терпеливо учился летать безногий лейтенант». «Вспоминая о т. Маресьеве, могу сказать, что он был человеком большой силы воли, хорошим отзывчивым товарищем, — засвидетельствовал бывший штурман Мальченко. — Он быстро прошел курс летной подготовки по специальной тренировочной программе. Командующему ВВС было доложено, что т. Маресьев может быть использован в качестве летчика на боевых самолетах».

Нередко полетам мешали надоедливые осенние дожди. Бывший сослуживец Маресьева Г. С. Емельяненко вспоминал: «Через некоторое время после приезда Маресьева, в Ибресях на дорогах образовалась непроходимая грязь, автомашины не ходили, продукты для школы доставляли из города Канаша на лошадях. Мы с Маресьевым в дни полетов часто добирались до аэродрома пешком. Он шагал со мной рядом, поскрипывая своими протезами, и не проявлял при этом никаких признаков неудобства и усталости. Это говорило о том, что дело с полетами пойдет успешно». Обратно, после полетов Маресьев преодолевал такой же путь.

«Испытания в воздухе и последующие тренировочные полеты показали, что нет никаких препятствий тому, чтобы вернуться Маресьеву в семью военных летчиков, — так характеризовал впоследствии своего подчиненного бывший начальник школы В. М. Юков, в то время подполковник. — Его полеты восхищали молодых курсантов-летчиков, которые обучались в школе. Среди них, а также среди летчиков и техников школы он пользовался огромным авторитетом как летчик и человек.

В заключении мною было указано, что тренировка закончена успешно, к управлению самолетом нет каких-либо ограничений и что целесообразно использовать его в качестве военного летчика на самолетах-

бомбардировщиках и разведывательных».

Период учебы в Ибреси навсегда отложился и в памяти Маресьева. Сохранилось его письмо от 11 марта 1967 года, адресованное местному педагогу и краеведу Н. К. Васильевой: «Я подтверждаю, что в годы войны в поселке Ибреси находилась летная школа... В школу я прибыл из санатория после ранения, получив разрешение продолжать службу в авиации. В этой школе вновь учился летать, управлять самолетом, не имея ног. О преподавателях, инструкторах, медицинских работниках и всех членах коллектива Ибресинской летной школы у меня сохранились очень хорошие воспоминания и глубокая им благодарность за все то, что они сделали для меня». Местных жителей он тоже запомнил: «Хороший народ живет в поселке, отзывчивый и добрый».

Уезжал Маресьев из Ибреси окрыленным. Цель поездки была достигнута. В свидетельстве, которое ему выдали в школе, было записано, что он может быть допущен к полетам на различных типах самолетов. Хотя был момент, когда его чуть было не оставили в школе летчиком-инструктором. На этот счет даже пришло соответствующее распоряжение из штаба ВВС Московского военного округа. Но потом все утряслось, и Маресьев благополучно отбыл из Ибреси.

Правда, в Москве ему не удалось попасть на прием к командующему ВВС округа генерал-майору авиации Н. А. Сбытову, но зато ему снова удалось встретиться с полковником Белоконом. Он и доложил командующему о Маресьеве. Однако Сбытов принял решение не направлять Маресьева в боевую авиацию.

— Небо ему не закрываем, — сказал командующий. — Пусть пока в Люберцах на тихоходах полетает, а там видно будет.

Белоконь передал содержание разговора Маресьеву, но тот продолжал гнуть свою линию:

— Товарищ генерал, мне хочется летать на истребителях...

— Будешь летать, лейтенант, будешь. Все устроим, устроим... А пока облетайся, как следует, набери силенок, — напутствовал его Белоконь.

Маресьев с ответом не замедлил:

— Поскольку вы меня оставляете служить фактически в Москве, я буду вам надоедать своими просьбами.

Смело, конечно, сказал. И не равному себе по званию, а целому полковнику. Но в этом, опять же, весь Маресьев — целеустремленный, настойчивый, прямой.

Подмосковный город Люберцы, куда Маресьев получил новое назначение, в годы войны был своеобразной «авиационной Меккой». Здесь

базировались части и учреждения, формировались новые авиаполки и авиабригады. Тут же в «придворном» полку учились летать и служили дети высших лиц государства, а также известных в стране людей. К примеру, в Люберцах поднимал в небо самолет сын героя Гражданской войны Василия Чапаева — Аркадий. Здесь породнились с небом Степан Микоян, Тимур Фрунзе. В Люберцах служил сын Сталина — Василий Сталин, выпускник Качинской летной школы... Да и командующий ВВС Московского военного округа генерал-майор авиации Сбытов, направивший Маресьева в Люберцы, одно время командовал базировавшейся на здешнем аэродроме 57-й авиабригадой.

Отдельная эскадрилья связи, в которой Маресьев начал летать на «небесном тихоходе», то есть на У-2, выполняла различные задачи. Летчики доставляли почту, перевозили грузы, эвакуировали больных и раненых, осуществляли поисково-спасательные работы... Как позднее вспоминал Маресьев, работа ему нравилась. Правда, в дальние «рейсы» он не летал. Командование не посылало, делало ему скидки, учитывая, что у него нет ног. К тому же из-за них, вернее из-за их отсутствия, наш герой нередко попадал в истории. Не обошлось без приключений и там.

Случилось это на аэродроме в Измайлове, где базировался 65-й отдельный авиационный транспортный полк ВВС ВМФ. Приземлившись, Маресьев попался на глаза командиру полка. Мороз был градусов за двадцать. А тут вдруг — явление Христа народу: лейтенант в меховом комбинезоне и... в ботиночках.

— Ко мне немедленно! — чуть ли не проревел полковник. — Кто такой?

— Лейтенант Маресьев, — невозмутимо, приложив ладонь правой руки к шлемофону, представился он.

— Отставить! Почему без унтов?! Ноги специально хочешь отморозить?! Дезертир! Самострел!

— У меня нет ног, протезы.

— Какие к черту протезы! Где унты, я спрашиваю? Кто командир звена? Вызвать немедленно!

Вскоре прибыл командир звена старший лейтенант Килосони.

— Вы во что обуты? — не унимался командир полка. — В унты, а он почему летает в ботинках?

— Лейтенанту Маресьеву унты не нужны. У него нет ног.

— Как нет ног?

— У меня протезы, — напомнил Маресьев.

— Что же ты сразу не сказал, — смягчил тон полковник. И добавил: —

Ну, тогда, извини, лейтенант...

И полковник взял под козырек.

Без малого три месяца летал Маресьев на «тихоходе». И летал хорошо, о чем свидетельствует служебная характеристика, данная Маресьеву командиром звена старшим лейтенантом Килосони и утвержденная командиром 65-й отдельной авиаэскадрильи капитаном И. П. Шпигуновым. Процитируем лишь несколько выдержек из нее: «Летать любит. Летает на самолетах У-2, УТ-1, И-16, Як-1 и Як-7. Общий налет — 700 часов. Летает хорошо. В настоящее время летает и управляет искусственными ногами. Вывод: может быть использован помощником командира эскадрильи».

Однако оставаться в эскадрилье Маресьев не собирался. Все его мысли были о скоростях, о полете на истребителе, о возвращении на фронт. Все это время он, как и обещал Белоконю, продолжал «надоедать» своими просьбами пересадить его на истребитель. В один из мартовских дней 1943 года произошел очередной поворот в судьбе нашего героя.

В эскадрилью, где он служил, приехала делегация колхозников для передачи построенного на собранные ими деньги самолета. В годы Великой Отечественной войны патриотическое движение по сбору средств на вооружение Красной армии имело поистине всенародный размах. Люди отдавали свои последние личные сбережения на покупку танков, самолетов, пушек и кораблей.

Вот и в тот день в часть приехала группа колхозников, чтобы в торжественной обстановке вручить летчикам новенький У-2. Принимали самолет командование эскадрильи и приехавший специально на церемонию представитель штаба ВВС Московского военного округа полковник В. Д. Лякишев. К нему и обратился Маресьев, предварительно получив разрешение командира эскадрильи на встречу с вышестоящим начальником. Лякишев был в курсе дела, сказал, что в ближайшее время вопрос о его переводе в одну из истребительных частей будет решен положительно. Так оно и произошло. Маресьева по распоряжению командующего ВВС Московского военного округа направили в Иваново в 14-й запасной авиационный истребительный полк.

Однако радоваться было рано. Имеющийся у Маресьева допуск к полетам на различных типах самолетов вовсе не означал, что он может на них летать. Необходимо было еще разрешение врачебно-лётной комиссии, которое у Маресьева было, но, как сказано выше, только на проверочные полеты на У-2. Поэтому командир полка майор Н. В. Бочаров вполне резонно не допустил Маресьева к полетам на истребителях и посоветовал ему вернуться в Москву, получить там соответствующее заключение

врачебно-лётной комиссии. Как ни обидно было Маресьеву, а все-таки пришлось вновь ехать в столицу. Читаем в его воспоминаниях: «Поехал в Москву. Приезжаю к тем же врачам. Собейников^[27] меня сразу узнал. Правда, когда я приехал из школы, я дал ему почитать заключение, и он очень удивился, что годен я во все виды авиации. И здесь он говорит:

— Нет, ничего не выйдет, на истребителе нельзя.

— Почему же, доктор?

— Там большие предпосылки к тому, что летчикам приходится садиться с парашютом. И ты поломаешь себе ноги.

Как раз в этом журнале описывался случай, как тот летчик прыгал с парашютом и сломал себе протезы. Потом он сделал себе протезы и летал дальше. Я говорю:

— Я не ломаю себе ноги, а ломаю протезы.

Говорили мы с ним, говорили, потом он сказал:

— Приходи завтра.

Прихожу на другой день, там сидит доктор Миролюбов. Он мне говорит:

— Давай поговорим по душам, что может с тобой случиться.

Я говорю:

— Если буду летать на истребителе, управлять я им сумею вполне, а если с парашютом буду прыгать, то ломаю себе протезы.

— Я думаю, — говорит Миролюбов, — что ты ломаешь протезы и ушибеешься, но управлять самолетом ты не сможешь.

А доктор Собейников сказал:

— Да, он ломает себе ноги, но управлять самолетом сможет.

И здесь у них получились разногласия. Я влез на стол, прыгнул и сказал: „Вот, так и получится!“

Наконец Миролюбов склонился к тому, чтобы разрешить. Написал бумажку: разрешаем попробовать на самолетах УТИ-4, Як-7».

Автору этих строк с помощью сотрудников Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации удалось разыскать документ, о котором ведет речь Маресьев. Это Удостоверение врачебно-лётной комиссии при отделе экспертизы Института авиационной медицины ВВС Красной армии. Именно названная комиссия освидетельствовала состояние здоровья нашего героя и дала разрешение допустить его к тренировочным полетам. Правда, подписал документ не Миролюбов, как сказал Маресьев, а Собейников. Но сути это не меняет. Приведем его для читателя практически полностью:

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Врачебно-летная комиссия при отделе экспертизы ИАМ ВВС КА освидетельствовала состояние здоровья лейтенанта 580 ИАП тов. Маресьева Алексея Петровича.

По заключению комиссии тов. Маресьев А. П. признан по ст. 49 пр. ГВСУ КА № 2–41 г. к летной работе НЕГОДНЫМ. Прим. к ст. 73 гр. III-IV пр. НКО СССР № 184–40 г. в порядке индивидуального решения к военной службе ограниченно годен на работе, не связанной с длительной ходьбой, в тылу.

Принимая во внимание огромное желание летать, хорошую функциональную приспособленность к пользованию протезами, длительный стаж летной работы, комиссия считает возможным допустить лейтенанта Маресьева к тренировочным полетам на У-2 и при положительных результатах тренировки — признать ГОДНЫМ к летной работе на самолетах типа У-2 в тылу.

Далее Маресьев вспоминал: «Я думаю: ехать в тот полк, опять ничего не выйдет, так как там требовали, чтобы написали черным по белому, что разрешаем. Тогда я прихожу к майору Ширяеву и прошу, чтобы меня опробовали здесь. И я стал летать в Люберцах с майором Абзианидзе. Сделали мы с ним полет на УТИ-4. Он спрашивает:

— Как себя чувствуешь?

Я говорю:

— Сажу, как в своей машине.

Он говорит:

— Я тоже ничего не могу сказать против.

В конце концов, написали заключение: годен на все истребители. Я с этим заключением — к врачам. Те читают и не верят. Я говорю: „Ну, что же теперь мне делать?“ Они говорят: „Давайте начальника штаба этой части и летчика, с которым вы летали. Мы все соберемся и дадим окончательное заключение“.

Я тогда пошел в отдел кадров просить, чтобы их затребовали в Москву. Они приехали на комиссию, и комиссия дала совместное заключение: разрешаем тренировочные полеты по специальному курсу обучения и, если покажет хорошие результаты, то считать годным в истребительную авиацию. С этим заключением я поехал в ЗАП^[28] и там начал

тренироваться».

И на этот счет есть документ, на основании которого Врачебно-экспертная комиссия Института авиационной медицины ВВС Красной армии допустила нашего героя к тренировочным полетам в истребительной авиации:

АКТ

23 марта 1943 г. комиссия в составе: начальника Центрального Авиационного госпиталя ИАМ КА полковника м/с Миролюбова В. Г., начальника 4 отдела Института полковника м/с Собенникова И. К., начальника штаба 937 ИАП майора Анисимова и штурмана-летчика того же полка майора Абзианидзе рассматривала вопрос о допуске к летной работе в истребительной авиации лейтенанта Маресьева А. П., прошедшего испытательный полет на УТИ-4 13 марта 1943 г. в 937 ИАП с положительным результатом.

Комиссия считает возможным допустить лейтенанта Маресьева к вывозным тренировочным полетам по курсу боевой подготовки истребительной авиации 1943 г. по первому разделу. При наличии положительных результатов тренировочных полетов лейтенант Маресьев может быть допущен к летной работе в истребительной авиации ПВО страны.

Но и этот документ еще не стал пропуском Маресьеву в истребительную авиацию. Последнее слово было за флагманским врачом ВВС РККА генерал-майором медицинской службы Л. Г. Ратгаузом, на имя которого Собенников 24 марта направил рапорт. В нем председатель Врачебно-экспертной комиссии Института авиационной медицины написал, что «поскольку случай этот является единственным в экспертной практике, считаю необходимым довести о нем до Вашего сведения. Командирую лично лейтенанта Маресьева, чтобы продемонстрировать, насколько хорошо он пользуется протезами». К рапорту был приложен приведенный выше акт.

Неизвестно, ездил ли Маресьев лично к генерал-майору медицинской службы Ратгаузу, но ответ за подписью его заместителя уже через два дня был дан: «Для решения вопроса о допуске лейтенанта Мересьева А. П. [так

в документе. — Н. К.] к летной работе на самолетах истребительного типа, флагманский врач ВВС КА генерал-майор медицинской службы Ратгауз Л. Г. принял следующее решение: тов. Мересьева необходимо проверить на учебно-тренировочном истребителе в течение 10–15 дней, дав ему нагрузку по 3–4 вылета в день. В процессе этой тренировки за тов. Мересьевым необходимо наблюдение инструктора и врача. По окончании тренировки тов. Мересьева необходимо с письменным заключением наблюдавших лиц направить в ВВС КА к флагманскому врачу».

Так окончательно решилась судьба Маресьева на полеты в 14-м запасном истребительном авиационном полку (зиап). Этот полк, базировавшийся в окрестностях города Иванова, был такой же учебно-боевой воинской частью ВВС, что и 16-й запасной истребительный авиационный полк, находившийся под Куйбышевом, где Маресьев в октябре 1941 года переучивался на Як-1. Здесь также занимались обучением, подготовкой и переучиванием летного состава строевых частей, осуществляли подготовку маршевых полков и отдельных экипажей.

Разница состояла лишь в том, что в 14-м зиап переучивание шло еще и на истребителях иностранного производства, в частности на британских «Харрикейнах», американских «Киттихоках» и «Аэрокобрах». Их перегоняли с Аляски через Берингов пролив и всю Сибирь. Заокеанскую технику в рамках ленд-лиза поставляли США — союзник Советского Союза в войне с Германией. Облет «иностранцев» проходил на аэродроме Южный, а советские крылатые машины Ла-5, Як-7, Ил-4, Ут-2, другие типы самолетов летчики осваивали на аэродроме Северный.

На аэродром Северный и прибыл на попутном транспортнике Маресьев. На летном поле в тот момент оказалось много полкового люда — летчики, технический и обслуживающий состав чистили взлетную полосу от выпавшего накануне снега. Неожиданно их внимание привлек летчик с тростью в руках, с чемоданчиком, в брюках навывпуск, в ботинках и меховой куртке. Летчики, известно, народ веселый, острый на язык.

— А это что за пижон? — с удивлением, не без улыбки сказал летчик-инструктор капитан Михаил Каснерик, глядя на шагающего Маресьева. — И как ему не холодно в ботиночках...

— Ботиночки-то фасонистые, — включился в разговор еще кто-то из летчиков-инструкторов.

Никто из них тогда даже не подозревал, что к ним прибыл служить безногий летчик. Узнали они об этом, когда поближе познакомились с Маресьевым. Даже неловко как-то получилось. Однако прозвище «Пижон» за ним так и закрепилось.

Летчиком-инструктором к новичку назначили уже упомянутого капитана М. К. Каснерика. Учиться Маресьеву предстояло на истребителе Ла-5, внешне чем-то похожем на И-16, на котором он воевал летом 1941 года. «Лавочкин» — так летчики называли эту крылатую машину — являлся современным истребителем. У него были хорошие технические данные. По скорости полета на малых и средних высотах, а также по характеристикам вертикального и горизонтального маневра он значительно превосходил немецкий истребитель FW-190А. Ла-5 имел и мощное вооружение, состоящее из двух пушек калибра 20 мм с общим боезапасом 340 патронов. В воздушном бою огонь пушек буквально разрывал немецкие самолеты на куски. Осваивать Маресьеву эту машину было сначала нелегко, поскольку она отличалась тяжелым управлением руля поворота. Но с помощью опытного летчика-инструктора, а именно таким был капитан Каснерик, все трудности остались позади.

Каснерик впоследствии вспоминал: «С Маресьевым он сработался. Учеником он был отличным: во время полета не спорил, все запоминал, к советам прислушивался. О том, что у него нет ног, никогда не говорил, был как все. Потом в один прекрасный день сам сел и самостоятельно взлетел на Ла-5».

В свою очередь Маресьев всегда с теплотой отзывался о своем наставнике. На первых занятиях он начал «рулить» на земле, а затем наступил день, когда Маресьев самостоятельно поднял самолет в воздух. Совершив посадку, он со слезами расцеловал своего инструктора

— Ты вернул меня в строй — я буду воевать, — были слова Маресьева.

Уместно добавить, что дружба между Михаилом Константиновичем Каснериком и Маресьевым, начатая на ивановском аэродроме, продолжалась многие годы. Каснерик дослужился до полковника, был награжден пятью орденами Красной Звезды и удостоен звания заслуженного военного летчика СССР.

Благодарен был Маресьев еще одному летчику-инструктору — капитану Николаю Алексеевичу Лаптеву. Опытный наставник, он приложил много усилий для того, чтобы его ученик успешно освоил новую машину. К слову сказать, среди подопечных Лаптева были летчики-французы из знаменитой впоследствии эскадрильи (позже полка) «Нормандия-Неман», а также будущий прославленный ас, трижды Герой Советского Союза маршал авиации И. Н. Кожедуб.

Учеба Маресьева в запасном полку продолжалась вплоть до июня 1943 года. Но примерно с середины апреля жизнь на всех его аэродромах стала

еще более насыщенной. Работали они с большой нагрузкой, чуть ли не круглые сутки. В разговорах летчиков, улетающих эскадрильями и полками на новые места базирования, все чаще и чаще упоминались Воронежский, Центральный, Западный и Брянский фронты. Именно там назревали переломные события в войне.

Ждал своего часа, чтобы отправиться на фронт, и Маресьев. Однако проходили дни, недели, а его будто не замечали. В этом ничего не было удивительного: кому нужен безногий летчик?..

Вот лишь одно из подтверждений. «Мне говорят, Володя, а ты знаешь, среди нас есть летчик, который летает без ног и собирается на фронт с нами лететь. Вы знаете, я удивился. Действительно, было дико!» Эти слова произнес лейтенант В. Н. Дубровский, однополчанин Маресьева. Пройдет время, и они крыло к крылу будут летать на боевые задания. Но тогда Дубровский мало верил в то, что безногий летчик будет сбивать немецкие самолеты. Как не верили и другие летчики.

Между тем в 14-м запасном полку начали «сколачивать» очередную эскадрилью для отправки на фронт. При поддержке своих наставников Каснерика и Лаптева Маресьева включили в ее состав. Вскоре с Брянского фронта за новым пополнением прилетел «покупатель» — штурман 63-го гвардейского истребительного авиационного полка Герой Советского Союза А. А. Федотов. Сначала Федотов ни в какую не хотел брать с собой Маресьева.

— Что прикажете с ним делать?! — не скрывал эмоций Федотов. — Он же без ног! Нам только инвалидов в полку еще не хватало...

— А что ноги? Педали хвостового оперения и торможения он может нажимать и протезами, — убеждал «покупателя» Каснерик.

Каснерику вторил Лаптев:

— Маресьев — летчик что надо...

В конце концов летчики-инструкторы всеми правдами и неправдами сумели уговорить Федотова его взять. Тот лишь махнул рукой:

— Ладно. Есть контакт! Беру, летим!

Глава 6. На войне как на войне

Трудно было... Но для меня, например, главное то, что я подготовил летчика Алексея Маресьева, который летал без ног.

*А. М. Числов, Герой Советского Союза,
полковник*

Главные события военного лета 1943 года разворачивались в районе Курска, Орла и Белгорода. Здесь, в лесах и перелесках, в балках и оврагах, а также на полях, оборудованных под аэродромы, было собрано невиданное количество живой силы и техники. В общей сложности с двух сторон — советской и немецкой — в сражении на Курской дуге должны были принять участие около 3 миллионов человек, 30 тысяч орудий и минометов, более 6 тысяч танков и самоходных орудий и 5 тысяч самолетов.

Перед нашей авиацией, как свидетельствуют документы, накануне битвы были поставлены следующие задачи: удерживать господство в воздухе и надежно прикрывать ударные группировки войск от воздействия люфтваффе; содействовать сухопутным войскам в прорыве вражеской обороны; противодействовать противнику в занятии обороны на промежуточных рубежах; нарушать управление войсками, а также срывать маневр резервами противника и не допускать их выдвижения к полю боя.

Еще до начала Курской битвы 63-й гвардейский истребительный авиационный полк 3-й гвардейской истребительной дивизии 1-го гвардейского истребительного авиационного корпуса 15-й воздушной армии, куда прибыл в составе эскадрильи Маресьев, активно участвовал в боевых действиях. В апреле за героизм, мужество и воинское мастерство, проявленное в боях с немецко-фашистскими оккупантами, личному составу вручили гвардейское знамя. Это звание свидетельствовало о том, что в полку служат настоящие асы. И здесь не было никакого преувеличения. Боевой счет полка исчислялся десятками сбитых немецких самолетов. На груди нескольких летчиков сверкали Золотые Звезды Героев Советского Союза, у других — ордена высокой пробы.

Приведем строки из исторической летописи полка: «08.06.1943 г. намечался массированный налет штурмовой и бомбардировочной авиации на аэродромный узел Орел с целью уничтожения базирующихся там

ночных бомбардировщиков немцев, производящих налеты по нашим тыловым объектам. 63 гиап было приказано 20 самолетами Ла-5 во время удара штурмовиков блокировать и уничтожить взлетающие самолеты противника на аэродроме Орел (военный) и аэродроме Кулики.

Двадцать Ла-5 под общим командованием [командира полка] гв. подполковника Н. П. Иванова поднялись с аэродрома Паньково, быстро собравшись и приняв боевой порядок, легли на курс. Восемь самолетов, ведомые гв. капитаном Бенделеевым [правильно — Бунделев. — Н. К.] в составе ст. сержанта Романова, лейтенанта Кармишкина, ст. сержанта Крохинова, гвардии капитана Почечуева, ст. сержанта Маканова, гвардии мл. лейтенанта Кудряшова, ефрейтора Валентэй пошли на свою цель — аэродром Орел (военный).

Восемь самолетов, ведомые гвардии подполковником Н. П. Ивановым, в составе: гвардии капитана Войтаника, гвардии ст. лейтенанта Березуцкого, ст. сержанта Седошкина, ст. сержанта Гаврилова, ст. сержанта Едунова, гвардии мл. лейтенанта Иванова, ст. сержанта Гольмана приступили к блокированию аэродрома Кулики.

Группа из четырех Ла-5, ведомых штурманом полка гв. майором А. А. Федотовым, в составе гвардии мл. лейтенанта Короткова, лейтенанта Авраменко, ст. сержанта Суханова должна была, находясь выше групп Иванова и Бунделева, как бы связывать их и прикрывать от нападения истребителей противника, приходящих с других аэродромов.

При подходе к городу истребители были встречены ураганным огнем зениток. Били пушки всех калибров, виднелись трассы от стрельбы зенитных пулеметов. Советские летчики наблюдали за тем, что происходило на летном поле и в воздухе, маневрировали среди многочисленных разрывов.

Немцы были ошарашены безусловно дерзким появлением истребителей над сильнейшим сосредоточением авиации, находящимся на расстоянии нескольких десятков километров от линии фронта. Ни один немецкий самолет не поднялся с блокируемых аэродромов. Не посмели подойти к воздушной армаде и немецкие истребители, появившиеся в воздухе. Только пара Fw-190 на большой высоте и скорости прошла на встречных курсах к группе Иванова. Короткой очередью немецкий летчик сделал 2 пробоины в консоли крыла ст. сержанта Крохинова. Однако четверка, ведомая гвардии капитаном Войтаником, быстро развернувшись, атаковала их и молодой пилот, впервые участвующий в воздушном бою, комсомолец Седошкин длинной очередью зажег ведомого Fw-190, который упал южнее г. Орел.

Работа штурмовиков была обеспечена. Выполнив задание, группа ушла на свою базу. Огнем зенитной артиллерии был сбит мл. лейтенант Кудряшов».

Однако полк понес и серьезные потери, поэтому нуждался как в технике, так и в летчиках. Накануне предстоящих схваток с немцами полк получил новую эскадрилью. Летал за ней в Иваново, как сказано в предыдущей главе, штурман полка Герой Советского Союза гвардии майор А. А. Федотов. Встречавшие пополнение не могли не обратить внимание на необычного летчика, о чем впоследствии вспоминал бывший начальник штаба 1-го гвардейского истребительного авиационного корпуса генерал-лейтенант авиации Ф. А. Костенко.

Приземлившись, Федотов подошел к гвардии капитану Александру Числову, руководившему посадкой, и спросил:

— Какой самолет сел лучше других?

Числов, не задумываясь, ответил:

— Если не считать твоего, то лучшую посадку произвел самолет с бортовым номером «42».

— А ты знаешь, кто его посадил? — продолжал Федотов.

— Откуда мне знать? — Числов пожал плечами.

— Лейтенант Маресьев, — назвал фамилию Федотов.

— Из «желторотиков»?

— Нет, Маресьев уже третий калач, только ног у него нет...

— Как ног нет? — удивился Числов. — А на чем же он ходит? На руках, что ли? Ты это серьезно говоришь или шутишь...

— На протезах, — уточнил Федотов.

В этот момент к КП подъехала грузовая машина. Она привезла прибывших летчиков. Федотов кивнул Числову:

— Смотри вон за тем летчиком, с черной шевелюрой. Обрати внимание, как он будет слазить с машины.

Как только грузовик остановился, летчики быстро соскочили через борт. В машине остался только тот, на которого указал Федотов. Он медленно перебросил через борт одну ногу, осторожно поставил ее на колесо, затем перенес другую, затем поочередно опустил ноги на землю. Числову бросилось в глаза то, что все летчики были в сапогах, а черноволосый — в ботинках и брюках навывпуск. Дополняла его внешний вид палка в руках. Франт с тросточкой, да и только!

К вечеру Маресьева привели в казарму, определили ему место. А летчикам было интересно, как же он будет разуваться. Притворившись спящими, они пристально наблюдали за ним из-под одеял. Маресьев

неторопливо снял гимнастерку, расстегнул пояс, а потом аккуратно снял протезы...

Появление в строю новичка, да еще без ног, летчики полка встретили, прямо скажем, без энтузиазма. Причина была понятна. Ведь с безногим, пусть и раньше воевавшим и сбивавшим фрицев летчиком им предстояло подниматься в воздух, лететь в одном звене или в составе группы. А как он себя поведет в бою? Может ли этот инвалид вообще управлять машиной?

Маресьев сразу почувствовал этот холодок, повеявший от некоторых летчиков. Поэтому ему нужно было им доказать, что он ни в чем от них не отличается. Кроме того, надо было найти человека, который бы согласился полететь с ним в паре в бой. Причем не из жалости к нему, а с полной уверенностью в его абсолютной надежности. Ведь речь шла о жизни. Бой — не тренировочный полет. Расплачиваться здесь придется не двойкой, как в школе, а собственной кровью. А кто будет рисковать, если нет стопроцентной гарантии, что тебя прикроют, выручат из беды...

По этой причине на первых порах Маресьева дальше аэродрома вообще не пускали. А выпускать — означало отправлять его на верную смерть. Так считало командование. Поэтому он вел патрулирование над летным полем или выполнял аналогичную задачу по охране другого объекта. Летчики возвращались с боевых заданий, садились, а он должен был их прикрывать в случае неожиданной атаки немецких самолетов. Подтверждением служит Журнал боевых действий 3-й гвардейской истребительной дивизии. Вот лишь одна выписка из этого пожелтевшего от времени документа:

Дата	Часть	Взлет	Посадка	Состав группы	Ведущий	Поставленная задача	Результат боевых действий	Оценка выполнения задания
25.6.43	63 гиап	18.44	19.20	2 Ла-5	Гв.л-т Маресьев	Патрулирование в воздухе, прикрыть аэроузел дивизии, не допускать прохода бомбардировщиков и разведчиков противника в р-не аэроузла дивизии	Встреч с противником не произошло	Задание выполнено

Других заданий Маресьеву не давали, хотя он рвался в небо. «Я мог летать, — рассказывал он на одной из встреч с молодыми летчиками. — И это было уже счастье. Но меня старались беречь: „Алексей, тебе прикрывать аэродром“. Ребята уходили на задания, а я летал, аэродром стерег. Затем ребята возвращались возбужденные боем, на избитых машинах, чтобы завтра снова уйти в бой, а я опять оставался стеречь аэродром. И мне стало невмоготу от этой жалости ко мне. Я хотел драться, как все».

В один из дней летчикам перед строем торжественно вручали гвардейские знаки. Получил его и Маресьев, но при этом испытал некоторую неловкость. Мол, еще не заслужил даже этот знак. Спросил у командира:

— Когда разрешите в бой?

— Не переживай, скоро, — последовал ответ.

А вечером к нему подошел командир эскадрильи гвардии капитан Александр Числов. Дружески похлопав по плечу, сказал:

— Завтра полетишь со мной ведомым.

Оказывается, накануне А. М. Числов побывал у командира полка гвардии подполковника Н. П. Иванова и убедил его в том, что Маресьев должен не аэродром караулить, как сторож, а летать на боевые задания. И что он, Числов, готов его взять к себе ведомым. Однако состоявшийся разговор был далеко не из приятных. Приведем выдержку из воспоминаний Числова: «С Алексеем мы сдружились сразу. Правда, командир полка, узнав, что у Маресьева нет ног, запретил допускать его к полетам. Но Алексей не сдавался. Он убедил меня, что даже без ног может бить врага. Он был настолько искренен и убедителен, что я отправился к командиру полка. Тот поставил условие, мол, если Маресьева собьют в течение трех дней, то меня, Числова, отдадут под трибунал. Я за Маресьева поручился, написал все бумаги. А тот, когда узнал, что его определили под мое командование, пулей побежал по полю, крича: „Я в эскадрилье Числова!“».

«Меня охватило волнение, — вспоминал о тех счастливых минутах Маресьев, — человек поверил в меня, хотя не на чем было основываться такой вере. Значит, я должен непременно оправдать доверие! Для меня это был вопрос жизни и смерти как летчика, как человека. Причем неудача могла означать нечто большее, чем смерть физическая».

Во время этого судьбоносного вылета Маресьев сбил свой первый после возвращения в небо самолет. Это произошло 6 июля, на второй день после начала Курской битвы. Шестерка Ла-5 под командованием гвардии

капитана Числова получила задачу встретить немецкие бомбардировщики, которые стремились нанести удар по передовым эшелонам советских войск. Завязался бой. Падает на землю один «Юнкерс», за ним другой. Остальные начинают уходить. Но из-за облаков выныривает новая группа. Числов вновь бросает истребители в атаку. Три Ju.87 находят свою погибель. Два из них сбивает Числов, один — Маресьев.

После возвращения на аэродром Числов, как вспоминал Маресьев, так ему сказал:

— С тобой в паре не пропадешь.

Для Маресьева эти слова были самой высокой оценкой. Ведь он на деле доказал, что может летать и сбивать самолеты врага.

Двенадцатого июля началось наступление войск Брянского фронта. На штабных картах это наступление значилось как операция «Кутузов». О торжественных событиях, происходивших в авиационных частях накануне перехода советских войск в контрнаступление, корпусная газета «Советский патриот» писала: «...12 июля в 05 час. 10 мин. утра на всех аэродромах базирования нашего корпуса были развернуты гвардейские знамена. В торжественный рассветный час, в утро перед боем, на краю аэродромов выстроились командиры, политработники, летчики, техники 32, 63, 64, 65, 66-го гвардейских и 160-го истребительных полков. Через полчаса они вылетят в бой, вступят в смертельную схватку с врагом. И в эти короткие минуты перед боем они собрались для того, чтоб перед священным шелком завоеванного кровью гвардейского Знамени, перед лицом Родины поклясться: лучше погибнуть в бою, чем вернуться из боя с позором!»

В 63-м полку гвардии подполковник Н. П. Иванов зачитал обращение Военного совета фронта к личному составу, затем обратился к летчикам:

— Гвардейцы! Наступил решающий час. Наша первоочередная задача — завоевать господство в воздухе на направлениях главного удара. Уверен, что вы будете драться с фашистской сволочью смело и решительно, не уроните гвардейского звания.

А вскоре поступила команда:

— По машинам!

Маресьев вылетел в составе группы Числова. В последующие дни комэск еще несколько раз брал с собой Маресьева на боевые задания. В небе под Орлом Маресьев и его товарищи вели схватку с асами истребительной авиации люфтваффе, имевших колоссальный опыт боев на советско-германском фронте, хотя и потрепанных в последние месяцы в боях под Сталинградом и на Кубани. Несмотря на это побеждать немецких

асов советским летчикам было крайне сложно.

Кроме того, люфтваффе, стремясь завоевать господство в небе и тем самым обеспечить массированные удары по наступающим советским войскам, изменили тактику действий своих истребителей. Они стали применять так называемый способ расчистки воздуха. Большие группы немецких истребителей появлялись над полем боя за 5–10 минут до подхода бомбардировщиков, их целью являлось связать боем наших истребителей и увести их в сторону. Между тем наши летчики быстро раскрыли замысел врага — вступали в бой, но из заданного для прикрытия района не уходили.

«Мы стали сражаться с фашистами не только на равных, мы стали превосходить их во всех видах воздушной войны, — вспоминал Маресьев. — В боях мы начали смело применять вертикальный маневр. Если в первый период войны он в основном удавался немецким летчикам, которые часто им пользовались, то на наших новых истребителях вертикальный маневр получался лучше. Нашими летчиками впервые, еще в Сталинграде, был применен новый тактический прием „воздушная этажерка“. Мы им широко пользовались под Орлом. Истребители парами шли на разных высотах и лишали противника возможности вертикального маневра — на всех уровнях его встречал огонь».

Возвратившись с очередного вылета, Числов неожиданно ошарашил Маресьева:

— Хватит тебе летать ведомым, сам теперь можешь водить пару.

— А кто полетит ведомым? — тут же спросил Маресьев.

— Желаящие найдутся, видят — не слепые, что ты летчик от Бога, — заключил комэск.

Летать с Маресьевым вызвался гвардии лейтенант Сергей Петров. Это решение своего однополчанина он воспринял как самую высокую награду. Теперь у нашего героя появилась возможность сполна оценить, что значит заслужить доверие идти в бой крыло в крыло. К слову сказать, Маресьев всегда считал доверие высочайшей наградой для человека, хотя она и не фиксируется в личном деле, нет на нее и орденской планки.

«Так вот, Петров доверился мне, — вспоминал Маресьев, — но я еще должен был доказать всем, в первую очередь — самому себе, что достоин этого доверия. Предстояло помочь Петрову преодолеть даже малейшее сомнение во мне, если оно у него оставалось».

Они вылетели 20 июля в составе группы под командованием Героя Советского Союза гвардии майора Андрея Федотова. Группа состояла из 12 Ла-5 и прикрывала войска 3-й и 63-й общевойсковых армий. В воздухе

встретили 20 бомбардировщиков Ju.87 под прикрытием 24 Fw.190. Гитлеровцы шли лесенкой, парами, расположенными так, что каждая последующая защищала хвост предыдущей. Федотов, твердо памятуя приказ не допустить бомбардировочных ударов по наземным войскам, не задумываясь, повел своих «Лавочкиных» на врага.

— Атакуем! — последовала его команда.

В небе тут же вихрем закружился смертельный хоровод. В качестве музыкального сопровождения — рев моторов, треск пулеметных очередей. Эфир захрипел русской и немецкой речью. Были слышны команды, ругань, проклятия...

— Командир, выше два «Фокка»!

— Вижу... Атакуем!

— Ахтунг! Ла-фюнф...

— Горит, сука...

— Растуды твою мать...

— Коля! «Фоккер» на хвосте!

В этой жестокой круговерти, которую истребители называют «собачьей свалкой», Маресьев выбрал цель и ринулся в атаку. Уже можно было открывать огонь, но прежде чем нажать на гашетки, Маресьев еще раз оглянулся и увидел, что сзади к Петрову пристраивается фашист. Пришлось отказаться от завершения уже подготовленной атаки. Боевым разворотом — самым крутым, насколько хватило силы рук и возможностей рулей, Маресьев бросился назад и сверху отвлек немца от ведомого. В этот момент Петров сумел дать длинную очередь по вражескому самолету, который тут же загорелся и пошел к земле, оставляя за собой густой темный шлейф.

Маресьев вернулся на свое место в строю, попросил по радио Петрова покачать крылом. Он выполнил просьбу, а потом через минуту говорит:

— Командир, я ранен, разреши уходить.

— Хорошо, Серега, уходи, я прикрою, — дал добро на выход из боя Маресьев.

Проводив Петрова, Маресьев вернулся продолжать боевую схватку. Теперь нужно было быть вдвойне осмотрительным. И тут он заметил, как на него несется бог весть откуда взявшийся «Фоккер». Уходить некуда. Маресьев прибавляет газу. Ла-5 и Fw.190 с огромнейшей скоростью сближаются друг с другом. Самолет противника растет на глазах. Маресьев ждет смертельного удара, мгновенной смерти. Он понимает: опытный ас люфтваффе не уступит, раз решился на лобовую атаку. До крови закусывает губу, сжимается комок мускулов. До «Фоккера» метры. И у немца в

последний момент сдают нервы — его самолет круто взмывает вверх. Маресьев всаживает в него короткую очередь.

А в это время Петров на поврежденной машине (кусок хвоста выдран, обрубленный конец левого крыла болтался на тросе) медленно шел на посадку. «Беда в том, что в бою мне прострелили обе ноги и повредили руку, — вспоминал впоследствии Петров. — В кабине лужа крови. Садился я на „живот“, то есть с убранными шасси, так как выбило гидросмесь и шасси выпустить было нечем. Убрал левую руку с сектора газа, взялся за прицел, чтобы головой при посадке не удариться. Винт — три лопасти, при ударе одна сложилась, и самолет перемещался, как на лыже. Конечно, посадка была сложной, так ноги и рука ранены, но Бог миловал, все обошлось».

Маресьев же в том бою сбил еще один самолет. Во время воздушной схватки он увидел, как под ним такой же Ла-5 никак не может оторваться от Fw.190. Оба виражили так, что воздушные струи срывались с консолей. Маресьев мгновенно опустил нос своего самолета и атаковал фашиста. Самолет вспыхнул и с диким воем полетел вниз. Как вскоре станет известно, Маресьев выручил командира соседнего 160-го истребительного авиационного полка майора Валерия Яманова. На войне примеров такой взаимовыручки, особенно у летчиков, было много. Не на пустом месте родились у А. Т. Твардовского эти поэтические строки, которые очень любили летчики:

У летчиков наших такая порука,
Такое заветное правило есть:
Врага уничтожить большая заслуга,
Но друга спасти — это высшая честь.

Не забыл о своем спасителе и спасенный. Кавалер пяти орденов Красного Знамени, генерал-майор авиации В. А. Яманов впоследствии написал в мемуарах: «В одном из боевых вылетов под Орлом мне пришлось вести воздушный бой с противником. Атаковав со своим ведомым фашистский бомбардировщик, который оторвался от своей группы, я сам неожиданно был атакован четверкой вражеских истребителей. Отбив ведомого, гитлеровцы взяли меня в клещи. Я уворачивался от пулеметных трасс, бросал машину то в одну, то в другую сторону, но не мог вырваться из цепких „объятий“ противника. В эту минуту пришла помощь. Откуда-то сверху молниеносно свалилась на врага

восьмерка наших истребителей. Их смелая атака была удачной: 3 фашистских истребителя пошли к земле. На последних каплях горючего я пришел на аэродром. Здесь позднее узнал, что меня выручила группа Алексея Маресьева».

На аэродром Маресьев вернулся с пустыми баками, совершал посадку уже, как говорят летчики, «на честном слове». А в полку инцидент. Петров лежит на носилках, его в санбат отправляют, он ни в какую: «Не поеду, пока командира не увижу». Маресьев подошел к нему, а Петров начал его просить, чтобы он не брал другого ведомого, обещал скоро вернуться в строй.

«Вот тут-то у меня от волнения слова в горле застряли, не смог выразить ему свою благодарность, — вспоминал Маресьев. — Я понял главное: мне удалось преодолеть, развеять в людях представление о моем особом положении в полку, они поверили, что я могу воевать, как все, и приняли меня в эту семью, как равного. Этот момент преодоления был для меня самой большой радостью».

К месту сказать, после госпиталя гвардии лейтенант Петров вернулся в родной полк и продолжил летать в паре с Маресьевым. Вот еще строки из воспоминаний Петрова: «Мы летали в паре. Пара — это единый организм. Мы должны мыслить, чувствовать обстановку одинаково, понимать маневр каждого. Недаром в авиации существовало определение „слетанность“. И это не только в плане летной подготовки. „Слетанность“ во всех отношениях, тогда и в бою проблем не будет. Поэтому мы с Алексеем хорошо знали и понимали друг друга. Я был уверен в том, что он всегда придет мне на помощь в трудную минуту, не бросит. И Алексей был уверен во мне: ведомый не позволит фашистскому стервятнику зайти ведущему в хвост. Такое доверие возникло не на пустом месте: нас учили порядочности, честности, уважению к труду. Конечно, мы все были разные и по характеру, и по физическим данным, и по жизненному опыту. Алексей имел уникальный опыт, выпутавшись из, казалось бы, безнадежной ситуации, мы набирали его в боевых вылетах. Но у нас было много общего: страстное желание летать, молодость, боевой задор. Совместная боевая работа рождала „авиационный характер“: смелость, волю, ответственность друг перед другом». И далее: «Скажу откровенно, конфликтных ситуаций в наших отношениях не было. Прежде всего, старались понять причину ошибочных действий, то есть докопаться до истины, чтобы избежать их повторения в будущем.

Никогда не укоряли друг друга, так как натянутые отношения могут отрицательно сказаться на дальнейших полетах. Леша — не конфликтный

по характеру человек, разбор проводился всегда объективно, но в дружеском тоне.

На что обращали внимание на разборах, какие у нас были тактические летные „заповеди“?

Прежде всего, ты должен первым увидеть противника. Внезапность может определить результат боя.

Не считать, что численное превосходство противника однозначно обеспечит ему успех в бою. Открывать стрельбу следует с малой дистанции. Мне, как ведомому, ни в коем случае не допускать увлечения преследованием вражеского самолета, забыв о своем ведущем.

Какой бы сложной ни была воздушная обстановка в бою, не забывай об осмотрительности. Какая-то пара секунд — и враг у тебя „на хвосте“.

Помни о расходе патронов и горючего».

В марте 1944 года Петров был награжден орденом Красного Знамени. В его наградном листе отмечены и заслуги Маресьева: «На Брянском фронте на боевые задания летал в качестве ведомого у Героя Советского Союза — гвардии капитана Маресьева, который сбил три самолета противника, и у командира звена — гвардии старшего лейтенанта Иванова А. Д., уничтожившего также три самолета противника. Его ведущие смело шли в атаку на противника, зная о том, что их прикрывает надежный летчик — гвардии лейтенант Петров. За произведенные 34 успешных боевых вылета, за лично сбитые два самолета противника, за умелые действия, как ведомого, в обеспечении успеха в воздушных боях своим ведущим, который уничтожил шесть самолетов противника, достоин правительственной награды — ордена Красного Знамени».

Дружба Маресьева и Петрова, родившаяся в воздушных боях, продолжилась и после войны. Сергей Федорович Петров, которого в доме Маресьевых все, включая детей и взрослых, называли дядей Сережей, дослужился до полковника. Последнее место его службы — авиационная часть, из которой образовались впоследствии знаменитые в России и за рубежом пилотажные группы «Стрижи» и «Русские витязи».

В жаркие дни Курской битвы аэродром 63-го гвардейского истребительного авиаполка напоминал конвейерную линию: не успевала одна группа «Лавочкиных» произвести посадку, как очередная уже выруливала для взлета. В иные часы в небе находилось от ста и более экипажей 1-го гвардейского истребительного корпуса. Летчики не щадили себя. Воздушные схватки происходили со страшным ожесточением. Как говорится, не на жизнь, а на смерть.

О том, что происходило в небе, газета «Красная звезда» писала: «В

воздухе стоит постоянный назойливый гул. Несколькими ярусами, на разных высотах кипит непрерывный бой. На несколько минут мечущиеся точки исчезают в облаках, но потом снова всплывают в синие проталины неба, отмечая свой путь тонкими линиями белого разряженного воздуха.

Короткие пулеметные очереди то и дело раздаются в высоте. Самолеты сходятся в смертельной схватке, расходятся снова, норовя обмануть друг друга. Наконец небо озаряется яркой вспышкой, за одним из самолетов протягивается длинный хвост дыма, и машина, распадаясь на части, плавно и безвозвратно идет к земле».

В памяти Маресьева тоже отложились жаркие воздушные схватки: «Те, кто участвовал в Сталинградской битве, говорят, что таких массовых воздушных боев даже в Сталинградской битве не было! То есть в период Орловско-Курской битвы, в отдельные дни скапливалось по 350 самолетов с обеих сторон! Вы представляете себе! Там вот, когда получали задание на охрану или, как у нас говорят, на барражирование нашего участка сухопутных войск, и вот тебе показывают, в таком направлении идет группа фашистских самолетов...

Посмотришь, — там туча, — здесь, вроде, ясное небо... А потом, когда туча начинает приближаться и силуэты самолетов начинают вырисовываться, и думаешь, а, вот что это за туча! Слушаешь команду ведущего и, соответственно, — тактика... И начинается воздушный бой!

Вот какие массовые воздушные бои были, и наши летчики выходили в них победителями!»

Маресьев наравне со всеми уходил на боевые задания. Какие жуткие боли испытывал Маресьев — знал только он сам. Но в бою ему было не до чувств, не до ощущений. Все «прелести» своего положения Маресьев вкушал уже после воздушных схваток. Он очень сильно уставал, культы натирало протезами так, что сочились кровь. Как только Маресьев приземлялся, его уже ждал техник самолета с ведром теплой воды, чтобы их обмыть.

«Возвращаясь с задания, старший лейтенант Алексей Маресьев с трудом вылезал из кабины „Лавочкина“, — свидетельствовал комэск гвардии капитан Александр Числов, — и друзьям иногда приходилось его относить в землянку на руках — от усталости и боли в ногах не мог сделать ни шагу. Нас многое восхищало в нем, но больше всего его нечеловеческое терпение. Так за день намотаешься, что и здоровые ноги едва держат, а тут...»

Между тем слава об отважном летчике, его сбитых самолетах вскоре разнеслась по всему 1-му гвардейскому истребительному авиационному

корпусу 15-й воздушной армии.

В один из дней в полк приехал специальный корреспондент «Правды» Борис Полевой, будущий автор «Повести о настоящем человеке», прототипом главного героя которой станет Маресьев. Он решил встретиться с наиболее отличившимися в боях с асами люфтваффе летчиками-гвардейцами. Впоследствии писатель вспоминал: «Битва на Курской дуге продолжала разыгрываться. Писать большой репортаж о ходе сражения было рано, и мысль дать материал о героических летчиках показалась мне весьма перспективной. В полку было самое горячее время. Эскадрильи в бою, прямо в воздухе сменяли друг друга. Командир полка сам был в комбинезоне и шлеме. Не сразу он понял, кто перед ним и что хочет от него, а поняв, даже не заглянул в красную сафьяновую книжечку „Правды“, обычно помогавшую мне раскрывать самые черствые сердца, сказал жалобным голосом:

— Не могу, ни минуты не могу тебе, майор, уделить. Горячка. Сам сегодня дважды в бой ходил. Ступай к начальнику штаба, он в кустах у микрофона, он тебе все расскажет и героев назовет.

Начальник штаба, молодой офицер, сорванным фальцетом руководил по радио воздушным боем. От меня отмахнулся как от комара, но потом, когда до него дошло слово „Правда“, надсадно произнес:

— Бой идет!.. Как вы не понимаете? Две эскадрильи в воздухе. Какие тут разговоры. — И, отдав несколько команд в микрофон, продолжил: — Герои? Пожалуйста, сколько угодно! На выбор... Вот что, идите-ка вы сейчас на летное поле, ребята будут садиться. Смотрите тройку. На тройке старший лейтенант Алексей Маресьев. Наземные донесли: сейчас второго фашиста за сегодняшний день сбил. Еще не подтверждено, но, наверное, действительно, сбил. Вот ловите его и пишите. Хороший, между прочим, парень. Впрочем, в нашем полку все хорошие».

Через несколько минут Полевой уже находился на летном поле, окруженном со всех сторон молодым березняком. После воздушных схваток «Лавочкины» заходили на посадку. Не глуша моторов, покачивая крыльями, они, словно лодки, двигались в сторону своих капониров. Два самолета сели, а еще одного все не было. На аэродроме началась суeta. Все — от техников до летчиков — нетерпеливо посматривали то на выцветший холст неба, то на часы. И вдруг как-то неожиданно из-за макушек берез, почти бесшумно, вынырнул истребитель, снизился, коснулся колесами примятой травы, слегка подпрыгнул, потом плавно докатился до леса и замер. Никто из машины не вылезал. На фюзеляже крупно красовалась цифра «3».

К самолету во всю прыть бежали люди. Туда же, прыгая по кочкам, стремительно помчалась «санитарка». Между тем из самолета так никто не вылезал. Но вот наконец откинулся фонарь кабины и показалась крупная голова летчика. Затем вылетела и упала на землю черная палка, украшенная какой-то затейливой золотой монограммой. Сам летчик вылезал неестественно трудно, будто кто-то удерживал его в кабине. Он перенес свое тело через борт, опустил на крыло и потом тяжело слез на землю.

— Ранило? Куда, в какое место? — сыпал вопросами врач.

— Слава Богу, целый, — тяжело ответил летчик.

Затем он снял с головы шлем, вытер рукавом пот с лица. Черные волосы были настолько мокрые от пота, что, казалось, летчик только что вынырнул из реки.

Далее Полевой пишет: «Я уже знал, что этот тот самый старший лейтенант^[29] Маресьев, к которому меня адресовали, тот, кто, по неподтвержденным данным, сбил сегодня еще один самолет. Мог ли я тогда подумать, что репортерская судьба сдружит меня с этим человеком, свяжет на всю жизнь.

Подошел к нему. Представился. Он ненавидящим взглядом скользнул по моему лицу.

— Воды, — сказал хрипло.

Медицинская сестра протянула ему термос и стакан. Стакан он отстранил и стал пить прямо из горлышка, причем термос в руке его дрожал и стучал по зубам.

— Вы действительно сбили второй за сегодняшний день самолет?

— Сбил, сбил... Кажется, сбил. Об этом потом, еле на ногах стою. — И, по-видимому, уловив на лице моем нетерпение, уже спокойнее сказал: — Вот что, майор, есть предложение: пойдемте сейчас вместе в столовку. Есть хочется — спасу нет. Пообедаем. Я сегодня два раза потрещал над Раппортом. Горючего как раз на двоих хватит. Там и побеседуем.

— Что это значит: „потрещал над Раппортом“? В каком смысле?

Оказывается, в этом гвардейском авиационном полку летчики завели шуточный обычай: за сбитый самолет к ужину в дополнение к „ворошиловской дозе“ военторг выдавал дополнительно 200 граммов водки. У заведующего военторгом была фамилия Раппопорт. Так вот победитель, возвращаясь на аэродром, делал круг над столовой военторга. Это и называлось „потрещать над Раппортом“.

— Сегодня нам на двоих для хорошего разговора хватит, — уже спокойно сказал летчик. С него схлынуло невероятное напряжение боя. Он

окончательно пришел в себя. Черные глаза весело смотрели со смуглого, цыгановатого лица.

— Так пошли, что ли?.. Мне еще только вот умыться надо. Пошли?»

Как потом рассказывал Полевой, прямо с летного поля они направились в летную столовую. Сели за стол, выпили по одной, другой «наркомовской». Но Маресьев оказался человеком очень неразговорчивым, будто воды в рот набрал. Даже то, что он дважды «потрещал над Раппортом», летчик рассказал корреспонденту немного. В основном анкетные данные: такого-то года рождения, волгарь, комсомолец, холостой, с начала войны на фронте...

Пока допивали «наркомовские», аэродром накрыл вязкий белесый туман. Погода в те дни не шибко баловала летчиков: то обрушивались буйные грозы, то ложились мутные туманы, то облачность опускалась до самых верхушек берез и сосен. Маресьев предложил Полевому переночевать у него в землянке, а утром, по солнышку, улететь в Москву. Расположившись на березовом лежаке с соломенным матрацем, Полевой задремал и сквозь сон слышал, как Маресьев, выйдя из землянки, громко фыркая и крикая, умывался холодной водой. Но проснулся гость от стука чего-то тяжелого о земляной пол. На фронте сон беспокойный, тревожный. Полевой инстинктивно приподнялся на лежаке, быстро сунул руку под подушку, где лежал пистолет. То, что Полевой увидел на полу, стало для него потрясением:

«При свете лампы-коптилки, сделанной из сплюсненной гильзы, какие и тут, на Курской дуге, продолжали называть „сталинградками“, я разглядел две ноги в сапогах, торчащие из-под лежака соседа. Сам он, сидя на лежаке, тихо смеялся:

— Отбой воздушной тревоги, майор. Это же мои протезы.

— Протезы? Как так протезы? Откуда, почему?

— А так, обычные протезы. У меня же нет ног. Не заметили, — он довольно засмеялся. — И никто из наших звонарей так ничего вам и не рассказал? — Для убедительности он похлопал ладонью по одеялу, по тому месту, где полагалась быть ногам.

Ног не было. Безногий летчик? Летает. Ведет воздушные бои. Сбивает самолеты, где сидят гитлеровские летчики, тоже мастера своего дела... Фантастика! Этому невозможно было поверить. Но как не поверишь? Этот летчик, летчик-уникум, вероятно, единственный в своем роде, может быть, даже и за всю историю авиации. Вот он, рядом. До него можно дотронуться рукой. Сидит, застенчиво улыбается, наблюдая мое недоумение.

— Ну, спите, спите, завтра могут рано поднять. Спокойной ночи. — И

он натянул на голову одеяло.

Но уж какая тут спокойная ночь. Усталости как не бывало. Поняв, какой уникальный материал послала мне судьба в лице этого человека, я, разумеется, уже не мог спать, да и гостеприимный хозяин, хотя и лежал тихо, закрывшись с головой одеялом, тоже не спал. У него были свои причины: сбиты в один день два самолета. Разве заснешь?

Так мы и лежали неподвижно, слушая сквозь шелест завязавшегося дождя звуки близкой артиллерийской канонады, доносившейся с Курской дуги.

— Не спите?

— Не сплю.

— Я тоже. Тогда, может быть, поговорим?

Я полез в полевую сумку за толстой тетрадкой, в которую по привычке записывал в свободную минуту все самое значительное и интересное, что доводилось узнать. Он сел на лежаке и, не знаю уж почему, вероятно, под напором нахлынувших воспоминаний, принялся рассказывать необычную свою одиссею...»

Они проговорили до утра. Маресьев рассказывал, Полевой старательно записывал его необыкновенную историю. А потом разговор вновь продолжился, поскольку с рассвета пошел дождь. Думали, что он будет по-летнему недолгим, а он зарядил не шутку. Небо затянуло набухшими плотными облаками. О полетах не могло быть и речи. Полевому же нелетная погода была только на руку. Он сумел еще о многом расспросить Маресьева. Записывая рассказ летчика, корреспондент уже мысленно выстраивал будущую публикацию для газеты «Правда».

— Хочу очень подробно написать о вас в «Правде», — делился своими планами Полевой.

— Что же, напишите, — согласился летчик.

Расставались Полевой и Маресьев как старые друзья. Однако следующая их встреча состоится лишь после войны. На многочисленных фронтовых дорогах им не суждено было свидеться. Война выбирала каждому из них свои маршруты.

После отъезда Полевого Маресьев стал регулярно просматривать свежие номера «Правды». Однако публикации о себе так и не дождался. Не увидел свой материал в газете и Полевой, который он написал по горячим следам, озаглавив «Русский воин Алексей Маресьев». Но если Маресьев не знал, по какой причине очерк о нем не опубликовали на страницах газеты, то автору причина стала известна сразу. Впоследствии Полевой в своей книге «Самые памятные... История моих репортажей» вспоминал:

«Редактор П. Н. Пospelов вышел из-за стола, пожал мне руку своей мягкой, но сильной рукой и с некоторой торжественностью подвел меня к своему необычайно большому, вмонтированному в стену сейфу. Открыл тяжелую дверцу. Достал уже начавший желтеть оттиск газетной полосы с приколотой к нему гранкой передовой. В полосе стояла и фотография: Алексей Маресьев, усталый, с запавшими глазами, с щетиной на подбородке на фоне своего самолета.

— Вы узнаете этот почерк? — очень торжественно спросил он, указывая на оттиск.

В левом углу страницы синим карандашом было написано: „Интересно, но давать сейчас несвоевременно. Пусть товарищ Полевой напишет об этом подробней“.

Да, почерк этот, с четко выписанными и как бы заостренными к верху буквами, был мне знаком. И. Сталин!

— Теперь вы поняли, в чем дело? — спросил редактор. — Несвоевременно.

Это точно сказано: несвоевременно. Чтобы отвлечь внимание от сокрушительного поражения на Курской дуге, Геббельс вопит сегодня, что русские армии обескровлены, что русские выдыхаются, бросают в бой последние резервы. Стариков, детей, недолечившихся раненых из госпиталей. Это сейчас лейтмотив всей их пропаганды. Своевременно ли рассказывать о том, что в нашей авиации воюют безногие летчики?»

В конце этого разговора Пospelов сказал Полевому:

— Не огорчайтесь. Это не пропадет, кончится война, издадим целую книгу... Пишите... Это стоит книги.

Наш рассказ о книге еще впереди. А пока вернемся в 63-й гвардейский истребительный авиационный полк. В те же жаркие дни в полку побывал и командующий ВВС Красной армии маршал авиации А. А. Новиков. Координируя усилия 1-й, 15-й и 16-й воздушных армий, маршал авиации не упускал из виду боевые действия отдельных частей и соединений, нередко приезжал и прилетал на фронтовые аэродромы, чтобы встретиться с кем-либо из летчиков. Он искренне радовался, узнав, что летчик А. В. Ворожейкин на Як-7 в одном воздушном бою сбил три вражеских самолета. В другом полку старший лейтенант Н. Д. Гусев с 5 по 11 июля уничтожил 13 фашистских самолетов. Летчики-гвардейцы 63-го авиаполка также отличились, уничтожив два десятка вражеских самолетов. Поэтому был хороший повод побывать и у гвардейцев.

Прибыв в полк, Новиков распорядился собрать всех командиров эскадрилий. Беседовал с каждым в отдельности. Дошла очередь и до

командира Маресьева — комэска гвардии капитана А. М. Числова.

— Сколько ходишь в капитанах? — спросил маршал.

— Полтора года, товарищ маршал!

— А сколько самолетов сбил?

— Пятнадцать.

— Запиши, — приказал адъютанту Новиков, — гвардии майора Числова представить к званию Героя Советского Союза.

— Товарищ маршал, — обратился Числов к Новикову, — разрешите доложить: у меня в эскадрилье воюет замечательный парень, очень хороший летчик, только он... без ног.

— Как это без ног? Срочно его ко мне!

Сохранилась фотография, где Новиков жмет руку Маресьеву. «Именно он, командующий ВВС Красной армии, взял на себя ответственность за судьбу этого человека», — засвидетельствовал в книге «Главный маршал авиации А. А. Новиков» А. А. Хоробрых, он же биограф маршала. Они беседовали с глазу на глаз почти час. Маршал и старший лейтенант. Этот разговор хорошо отложился в памяти Маресьева.

— У вас автомашина есть? — спросил его Новиков.

— Я пешком не хожу, — последовал ответ.

— Нет, я вас спрашиваю, у вас машина есть?

— Товарищ командующий, я пешком не хожу. Потом, здесь негде пешком ходить.

— Что вам все-таки нужно?

— Протезы бы сменить. Побыстрее их сделать...

Несколько иначе рассказывал об этой встрече бывший механик самолета Маресьева, ветеран Великой Отечественной войны П. Я. Пивкин.

В тот день гвардии сержант Пивкин проверял электрогенератор на истребителе Маресьева. Неожиданно к самолету подкатила «Эмка», из которой вышел командующий ВВС Новиков. Маресьев и Пивкин в один момент вытянулись по стойке «смирно». Маресьев, приложив ладонь правой руки к пилотке, громким голосом начал докладывать:

— Товарищ маршал авиации, производим техобслуживание. Командир звена гвардии лейтенант Маресьев.

— Гвардии старший лейтенант.

— Никак нет, товарищ маршал авиации, гвардии лейтенант.

— С сегодняшнего дня вы — гвардии старший лейтенант, — сказал Новиков, протянув руку летчику.

Вполне вероятно, что такой диалог между Маресьевым и Новиковым имел место. В личном деле Маресьева есть запись о присвоении ему

приказом ВВС РККА за грифованным номером 013 от 22 июля 1943 года воинского звания гвардии старшего лейтенанта. Именно в 20-х числах июля в полку находился военачальник, что он сам подтвердил в своих дневниковых записях: «Курская дуга. Поездка на КП к Науменко^[30]. Потом — к Белецкому^[31]. Новосиль. Поездка к Маресьеву...»

Примечательно, что уже через некоторое время после отъезда маршала в полк прилетел У-2, и на нем Маресьева доставили в Москву. Одели в новую форму, сняли мерки на протезы и отправили в подмосковный санаторий. Огромная заслуга в этом принадлежала маршалу авиации Новикову, который проявил настоящую заботу о Маресьеве.

Внимание, чуткость к людям были всегда отличительной чертой Новикова. Пример с Маресьевым лучшее тому подтверждение. Но не только за это уважали летчики своего главкома. Новиков имел большой опыт руководства войсками, причем как общевойсковой, так и авиационный. Всесторонне образованный, широко эрудированный, он был новатором по духу, образу мышления и действий. У него, по воспоминаниям прославленных советских асов, было чему поучиться. Именно Новикову принадлежит идея массирования боевых действий авиации на главных направлениях — не распылять удары авиации по второстепенным целям, а сосредоточивать их на главном; создания для этих целей воздушных армий — оперативных объединений авиации всех родов и предназначений в масштабе фронта; массированного применения авиации в борьбе за господство в воздухе — удары по аэродромам, воздушные бои и сражения. Новиков ввел централизацию управления, много внимания уделял системе подготовки кадров авиации — летчиков, штурманов, технического состава. При нем была улучшена структура тыла: созданы батальоны аэродромного обслуживания (БАО), районы авиационного базирования (РАБ).

К сожалению, после войны, когда вновь прокатилась волна борьбы с «врагами народа», главный маршал авиации А. А. Новиков был привлечен к уголовной ответственности по так называемому «делу авиаторов». Вместе с ним на скамье подсудимых оказались нарком авиационной промышленности СССР А. И. Шахурин, главный инженер ВВС генерал-полковник инженерно-авиационной службы А. К. Репин, член Военного совета ВВС генерал-полковник авиации Н. С. Шиманов, начальник Главного управления заказов ВВС генерал-лейтенант инженерно-авиационной службы Н. П. Селезнев, а также заведующий отделами Управления кадров ЦК ВКП(б) — самолетостроения (А. В. Будников) и по

авиационному моторостроению (Г. М. Григорьян).

Как установили сотрудники Главного управления контрразведки Смерш, на протяжении войны руководители авиапрома выпускали «сырую» продукцию и по сговору с командованием ВВС при молчаливом согласии курировавших поставки техники в ВВС работников ЦК партии «протаскивали на вооружение Красной армии бракованные самолеты». В результате с ноября 1942 года по февраль 1946 года произошло более 45 тысяч невылетов самолетов на боевое задание, 756 аварий и 305 катастроф по причине неполадок матчасти.

И только после смерти И. В. Сталина Военная коллегия Верховного суда СССР пересмотрела «дело авиаторов». Вынесенный ранее приговор был отменен «за отсутствием состава преступления». На основе материалов уголовного дела юристы сделали противоположный вывод — обвиняемые свои служебные обязанности выполняли добросовестно, а производственные дефекты в обстановке спешки, ажиотажа, отсутствия необходимых технологических условий были неизбежны и не могут быть поставлены в вину руководителям авиапрома и ВВС.

Новикову, как и всем остальным, вернули награды, восстановили в звании. Однако главный маршал авиации уже не занял прежний пост, но в авиации остался. У Маресьева с Новиковым были очень хорошие отношения. Не случайно, видимо, Алексей Петрович хранил у себя фотографию, на которой он запечатлен с маршалом.

Однако вернемся в лето 1943 года. В санатории Маресьев узнал о присвоении ему звания Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Указ Президиума Верховного совета СССР от 24 августа 1943 года был опубликован в центральных газетах уже на следующий день. Одновременно этого высокого звания удостоился и командир Маресьева — гвардии майор Александр Числов. Тем же Указом звание Героя Советского Союза было присвоено старшему лейтенанту Петру Шемендюку, с которым Маресьев впервые поднялся в небо над Комсомольском-на-Амуре, а потом вместе учился в Батайской военной авиационной школе пилотов. Воистину, мир тесен!

В наградном листе, подписанном 23 июля командиром 63-го гвардейского истребительного авиационного полка гвардии подполковником Н. П. Ивановым, о гвардии старшем лейтенанте Маресьеве, заместителе командира эскадрильи сказано: «На фронтах Великой Отечественной войны находится с августа месяца 1941 г. За это время произвел 77 боевых вылетов и лично в воздушных боях уничтожил 6 вражеских самолетов противника. Будучи на Северо-Западном фронте, был

сбит — 18 дней находился без пищи и общения с людьми, отморозил обе ноги, которые были ампутированы. Беспредельно преданный партии Ленина-Сталина и своей Социалистической Родине, не имея обеих ног, он не покидает летной работы, а всеми силами и средствами стремится допущения к ней. Получив разрешение, он осваивает скоростной истребитель Ла-5, на котором с успехом бьет немецко-фашистских захватчиков в воздухе. За время пребывания на Орловском направлении Брянского фронта произвел 7 боевых вылетов и лично сбил три фашистских самолета, проявив при этом летное мастерство, мужество, героизм и отвагу.

27.07.43 года во время воздушного боя с превосходящими силами противника спас жизнь 2-х летчиков, в числе которых был командир соседнего истребительного авиационного полка. В этом неравном бою им было уничтожено 2 немецких истребителя. Факт сбития 3 самолетов противника подтверждается экипажами самолетов, наблюдавших падение последних, и частями наземных войск 63 армии.

Истинный русский патриот, не жалея жизни и крови, сражается против немецко-фашистских захватчиков и, несмотря на серьезные физические недостатки, добивается в воздушных боях серьезных успехов. Занимая должность зам. командира эскадрильи, он имеет богатый боевой опыт — учит своих летчиков мастерству воздушного боя рассказом, а в непосредственном воздушном бою — личным примером-показом. Среди личного состава пользуется исключительным большим авторитетом.

За 20 штурмовок и лично 3 сбитых самолетов противника был награжден орденом „Красное Знамя“.

За образцовое выполнение заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм, за проявление исключительного патриотизма, за 6 лично сбитых самолетов и 20 эффективно проведенных штурмовок войск и техники противника достоин высшей государственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза».

Одновременно командир полка гвардии подполковник Иванов подписал представление на присвоение звания Героя Советского Союза и на командира эскадрильи гвардии майора Числова. Однако поздравить своих подчиненных комполка не пришлось. 7 августа он погиб в воздушном бою. Указом Президиума Верховного совета СССР гвардии подполковнику Николаю Павловичу Иванову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

...Награду Маресьев получил 3 сентября в Кремле из рук самого

«всесоюзного старосты» М. И. Калинина. Момент вручения Золотой Звезды сохранился на кадрах фотохроники. На сцене стоит улыбающийся Маресьев с уже приколотыми на гимнастерку Звездой Героя и орденом Ленина. В руках — грамота Верховного совета СССР о присвоении ему звания Героя Советского Союза «за геройский подвиг, проявленный при выполнении боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками». Тут же, в первом ряду, сидит полковник Василий Сталин, сын Верховного главнокомандующего, с которым Маресьев познакомился на церемонии награждения. В дальнейшем они еще не раз встретятся, о чем еще пойдет речь в нашем повествовании.

Высокое звание Героя, конечно, окрыляло. Но Маресьев считал, что ему его присвоили авансом. Дело в том, что еще 19 августа 1941 года И. В. Сталин подписал приказ № 0299 «О порядке награждения летного состава военно-воздушных сил Красной армии и мерах борьбы со скрытым дезертирством среди отдельных летчиков». Этим приказом регламентировался порядок награждения летчиков всех видов авиации. Так, летчиков-истребителей за три сбитых самолета противника представляли к награждению орденом, за три следующих уничтоженных — ко второму. За 10 сбитых самолетов врага уже можно было рассчитывать на высшую награду — звание Героя Советского Союза. У Маресьева на счету было только 6 сбитых немецких самолетов. Поэтому «аванс» надо было отрабатывать, чтобы потом его никто не мог упрекнуть или обвинить за малое количество уничтоженных самолетов противника.

Безусловно, для летчика-истребителя количество сбитых самолетов — это показатель его мастерства, но не только этим оценивается его вклад в общую победу. Чаще всего истребители обеспечивают прикрытие с воздуха штурмовиков и бомбардировщиков. Именно те решают основную боевую задачу, то есть уничтожают наземного противника. Поэтому, если летчик-истребитель сбил всего лишь 3–4 самолета, это совсем не значит, что он воевал неудачно. Забегая вперед скажем: свою «норму» Маресьев выполнил, на его счету к середине 1944 года было 11 сбитых самолетов противника.

В санатории Маресьев пробыл несколько недель. После изматывающих боев ему, безногому летчику, отдых был крайне необходим. Все это время он старался вести подвижный образ жизни: совершал прогулки по лесным тропам, катался на велосипеде и даже играл в волейбол. В санатории ему заменили протезы. Оттуда же Маресьев слетал в Горький^[32] за новым самолетом.

Как летел Маресьев из Горького — еще одна история. Получив новый

самолет, он отправился в столицу без полетной карты. Шел вдоль автострады Горький — Москва. Столица встретила низкой облачностью. В поисках Центрального аэродрома, который находился на Ходынке, пришлось изрядно покружить над крышами домов. Это был определенный риск, поскольку самолет мог попасть под обстрел своих же зениток. Но, к счастью, все обошлось. Маресьев благополучно совершил посадку. Он ждал нагоняя от начальства и соответствующего наказания. Однако гром не грянул, молнии не засверкали. Воздушного «хулигана» лишь слегка пожурили. Герой как-никак...

Вскоре Маресьев вновь был в родном полку, где его назначили на должность помощника командира полка по воздушно-стрелковой подготовке. По сути, заместителем. К тому времени война все дальше катилась на запад. Одержав победу в Курской битве, Красная армия шагнула вперед и в решительном порыве погнала захватчиков с советской земли. Местом базирования 63-го полка стал аэродром Орел (военный). Здесь же разместился 160-й истребительный авиационный полк. Еще один полк дивизии — 32-й гвардейский истребительный авиационный полк — «прописался» на аэродроме Орел (гражданский).

Однако после перебазирования случилась беда. В один из дней к летчикам приехали ленинградские артисты. Личный состав 63-го гвардейского, 160-го полков и подразделений обслуживания собрали в районе расположения самолетов 63-го гвардейского полка. Сценой стали кузова двух автомашин. В разгар концерта перед наступлением сумерек немцы предприняли мощную бомбардировку аэродрома. Она продолжалась до рассвета. В результате 27 человек летного и инженерно-технического состава были ранены, один летчик погиб. Кроме того, сгорело несколько самолетов, а часть получила серьезные повреждения. По одной из версий, кто-то навел люфтваффе на аэродром. Но была еще причина: командование не приняло должных мер, как требуется в боевых условиях, для прикрытия аэродрома.

В первых числах октября полк вместе с другими полками дивизии был перебазирован в район Тулы на тыловой аэродромный узел Волынцево для доукомплектования личным составом и материальной частью. Здесь пути Маресьева вновь пересеклись с французскими летчиками из полка «Нормандия — Неман». В Волынцеве французы тоже получали материальную часть и доукомплектовывались личным составом. Правда, на новом месте никому долго находиться не пришлось. После получения самолетов и ввода в строй молодого пополнения 63-й гиап перебазировался поближе к району боевых действий.

К тому времени, а это был конец октября, Ставка Верховного главнокомандования преобразовала Брянский фронт в Прибалтийский и перенацелила его на новое направление. 63-й гвардейский истребительный авиационный полк передали в состав авиации Резерва Верховного главнокомандования, но уже через месяц он воевал в составе 15-й воздушной армии 2-го Прибалтийского фронта. Не прошло и двух недель, как в середине ноября полк оказался в 3-й воздушной армии 1-го Прибалтийского фронта. На войне как войне. Командованию было виднее, где усилить авиацией тот или иной участок фронта.

Новая должность Маресьева обязывала его находиться чаще на земле, поскольку летчиков, особенно молодых, надо было учить воевать. Сам он еще с курсантской поры хорошо запомнил слова одного из своих наставников о том, что летчик-истребитель, отлично владеющий и техникой пилотирования, и тактикой применения истребителя, но не владеющий приемами воздушной стрельбы, не может стать победителем в бою.

Это правило Маресьев усвоил, что называется, на собственной шкуре, когда сходил в бою с немецкими летчиками. Если ты не сбиваешь, тебя сбивают. И теперь, используя собственный опыт, он рассказывал летчикам о роли применения прицела в достижении высокой точности стрельбы, показывал, как точно определять расстояние до цели, выбирать ракурс атаки... К занятиям Маресьев привлекал других опытных летчиков, которые приводили конкретные примеры своих действий в бою. Скажем, как лучше атаковать истребитель-цель — сзади, сверху, сбоку под ракурсом? Когда и с какой дальности лучше открывать огонь при атаке бомбардировщика цели? Эти и многие другие вопросы отрабатывали летчики под руководством Маресьева. Все понимали: чтобы побеждать врага, надо уметь воевать. Поэтому учились и воевали.

Вообще, Маресьев помог многим молодым летчикам определить свое место в строю. К примеру, иному вчерашнему выпускнику училища не хватало стойкости, выдержки, воли, опыта. Вот тут как раз рядом оказывался он, профессионал своего дела. Его надежная направляющая рука, поддержка способствовали скорейшему вводу в строй новичка.

В повседневных заботах бежали будни. Вылеты на задания, показательные занятия, недолгие часы отдыха... В один из последних ноябрьских дней гвардии майор Числов преподнес Маресьеву сюрприз. Зайдя к нему в землянку, комэск протянул Алексею свежий номер газеты «Красная звезда».

— Читай, тут про тебя написано, — улыбаясь, сказал Александр.

— Где? — спросил Маресьев.

— Вот. — Числов показал пальцем на рассказ «Воля», занимавший половину газетной полосы.

— Значит, корреспондент сдержал слово, — взял в руки газету Маресьев.

Невольно вспомнился подмосковный санаторий. Скамейка в тенистом парке. Встреча с корреспондентом газеты «Красная звезда» майором Василием Ильенковым, который тоже поправлял здоровье. Во время командировки на фронт он подорвался на mine, получив серьезное ранение ноги. Узнав, что Маресьев без ног, да еще и летает, Ильенков заинтересовался судьбой летчика, обещал написать о нем в газете. Маресьев сообщил Ильенкову, что пару месяцев назад с ним уже встречался корреспондент из «Правды», но так ничего и не написал.

— Я напишу, — заверил майор.

И точно, слово свое сдержал.

Рассказ «Воля», опубликованный в «Красной звезде» 28 ноября 1943 года, начинался так:

«„Навсегда... Навсегда“, — думал про себя Алексей Петрусьев, разглядывая одеяло, плоско, как на доске, лежавшее на его ногах. Вот уже полгода, как он лежит и смотрит в одну точку и думает одну и ту же неотвязную думу: как жить без ног? В открытое окно доносился шум большого города, шум неумолкающего движения. По тротуару проходили люди, и слышно было, как весело стучат каблуки по асфальту. Счастливые! Бежали дети из школы, перегоняя друг друга. Счастливые!»

— Это же не про меня, — прочитав первый абзац, недоуменно вскинул брови Маресьев. — Здесь какой-то Петрусьев...

— Читай, читай дальше, — дружески хлопнул его по плечу Числов.

Маресьев продолжил чтение:

«Петрусьев закрыл глаза и увидел себя на пристани родного Камышина. Сюда прибегал он после уроков и, закинув удочку, погружался в блаженное созерцание бесконечно струящейся голубой волжской воды. Алексея всегда изумляло это неистощимое, величественное движение реки. Легкий ветер бороздил воду, и она сверкала, отвечая солнцу блеском неустанно бегущих волн. Кричали чайки, рассекая острыми крыльями упругий, теплый воздух, и белый, как чайка, пароход беззвучно плыл вниз по течению, а далеко, в опаловой дымке поднимался гористый берег, за которым лежал большой неведомый мир.

И не было ничего прекрасней в мире, чем эта могучая, широкая, сверкающая река. Но однажды над Волгой появился самолет. Он прилетел с

того берега, пронесся над водой, взмыл в облака и стал кувыркаться, выписывая на голубом небе петлю за петлей. Он с ревом набирал высоту, задрал нос кверху, потом умолкал и, опрокинувшись на спину, валился вниз, молча, беспомощно, словно от безмерной усталости, и сердце Алексея замирало в страхе, восторге и зависти к человеку, обретшему крылья. Он не видел, как окунь дернул поплавок и потащил его в глубину. Он не видел ни Волги, ни парохода, причалившего к пристани, ни людей, шумной толпой хлынувших на берег. Он не слышал ни рева сирены, ни колокола, ни криков людей... Он видел лишь самолет, кувыркавшийся в небе, и слышал лишь его захлебывающийся радостный вой».

Чем дальше Маресьев погружался в чтение, тем больше он узнавал себя в главном герое. Автор в деталях описывал, как Алексей строил город Комсомольск-на-Амуре, занимался в аэроклубе, затем учился на летчика-истребителя. В подробностях в рассказе было изложено участие Петрусьева в воздушных боях с фашистскими стервятниками на Северо-Западном фронте и то, как, недотянув на сбитом самолете до своего аэродрома, он рухнул в лес, а затем 18 суток голодный и обессиленный пробирался к людям. Нашли отражение в повествовании пребывание Петрусьева в госпитале, его хождения после выписки по кабинетам комиссий и штабов, а также долгожданное возвращение на летную стезю. Заканчивался рассказ совсем недавними событиями, а именно — боями под Орлом, встречей с маршалом авиации и присвоением Петрусьеву звания Героя.

— Ну почему Петрусьев? — опять с недоумением в голосе спросил у Числова Маресьев, когда дочитал рассказ до конца. — Ведь здесь все точь-в-точь обо мне написано...

— Видно, Алексей, не пришло еще время назвать твою настоящую фамилию, — задумчиво сказал Числов. — И текст свой корреспондент не случайно рассказом назвал. А назови он его по-другому, а тебя, как есть, да еще фотографию бы приложил, то завтра бы пропаганда Геббельса на весь мир раструбила, что у русских некому воевать, у них уже безногие летчики воюют.

— Наверное, ты прав, Саня, — согласился Маресьев. — Кадило бы точно раздули. Но газету себе на память оставляю. Всю мою судьбу-индейку корреспондент красочно расписал. Причем правдиво.

Это была первая, пусть и в жанре рассказа, подробная публикация о Маресьеве, его жизни и подвиге. Пройдут годы, публикаций и миллионных тиражей книг о нем будет столько, что нынешним интернетовским поисковым системам типа Google или Яндекс не под силу их учесть. Слава

летчика перешагнет границы стран и континентов. Только она никак, как свидетельствуют все, кто знал Маресьева, не повлияет на самого Алексея Петровича, не отразится на его взглядах и поступках. Никакие лучи славы его не ослепят. Никакой звездный хмель его не опьянит. В жизни он как был, так и остался простым человеком.

Вновь вернемся в полк, где в те ноябрьские дни 1943 года шла подготовка к дальнейшим наступательным боям. К тому времени 63-й гиап перебазировался на аэродром Ходатково, что неподалеку от Великих Лук, и сразу включился в работу. Летчики полка, как и их соседи по 1-му гвардейскому истребительному авиационному корпусу, прикрывали боевые порядки наших войск, сосредоточение и перегруппировку частей 11-й общевойсковой гвардейской армии, вылетали на сопровождение штурмовиков и вели воздушную разведку.

Однако часто подводила погода. Летчики шутили:

— Погода — летим, нет погоды — сидим...

Едва ли не каждый день шли надоедливые осенние дожди. А если прекращались, тут же все окрестности окутывали дымные туманы. Про солнце и говорить было нечего. Оно редко показывалось из-за плотной пелены облаков. Оставалось ждать. Обычно нелетные дни в полку заполнялись теоретическими занятиями, политподготовкой, партийными и комсомольскими собраниями, другими мероприятиями.

Находилось у летчиков, техников время и для отдыха: играли в шахматы, шашки, домино, читали книги, свежие газеты и журналы, слушали патефон. А вечерами даже танцы устраивали. Вот рассказ ветерана Великой Отечественной войны, бывшей телефонистки 688-го батальона аэродромного обслуживания Варвары Митрофановны Цеминой (в девичестве Стребковой) о встрече с Маресьевым и танцах:

«Однажды к нам на аэродром перебазировался полк, и сразу пронесся слух, что в нем служит летчик Алексей Маресьев, который летает без ног. Когда летчики пошли в столовую, мы, любопытные девчата, выстроились в шеренгу и гадаем: какой же из них безногий? Все с ногами, никого даже с палочкой нет, шагают особой летной походкой враскачку... Давай тогда у техников выпытывать, а те смеются: „Эх, вы — ротозеи! На улице зима, мороз, у всех на ногах унты, а у него хромовые сапоги“. Потом был вечер отдыха в клубе. А Маресьев всем девчатам нравился — чернявый, высокий, красивый, и все подшучивал: „У моей матери два сына, а третий — летчик!“ И вот он пригласил меня на танец. А я засмушалась и нечаянно наступила ему на ногу. Расстроилась, чуть не плачу и опять так случилось. Тут уж слезы сами брызнули из глаз. А он улыбнулся и говорит: „Что вы,

девушка, наступайте смелее, мне же все равно не больно! Протез — штука бесчувственная“».

Так протекали дни, если были плохие метеоусловия. Противник тоже отсиживался на своих аэродромах. Но как только появлялись «прорехи» в небе, летчики сразу отправлялись на боевые задания. Правда, за весь ноябрь Маресьев сделал всего два вылета. Но один отложился в его памяти на всю жизнь, как, впрочем, и в памяти механика самолета гвардии старшего сержанта Гурия Прасолова.

Как вспоминал впоследствии Прасолов, произошла нештатная ситуация. Была объявлена тревога, и летчики начали прибывать к своим самолетам. Маресьев сразу направился к своей машине. Однако она еще не была готова к вылету: обслужена, но не протестирована. Летчик тем не менее намеревался сесть в кабину, но механик попытался его остановить:

— Лететь нельзя, товарищ гвардии старший лейтенант, самолет к вылету не готов!

Однако Маресьев не слушал механика, внутри у него все горело:

— Ты понимаешь, черт тебя возьми, что мне лететь надо!

— Полетите на исправном самолете! — требовательно сказал Прасолов, и рука механика непроизвольно потянулась к кобуре пистолета.

Маресьев, как известно, был не робкого десятка. Но настойчивость механика самолета его остановила. После того, как все было проверено, Прасолов разрешил Маресьеву занять место в кабине самолета. Что ж, на войне как на войне. У каждого свои обязанности. Маресьев не обиделся на своего подчиненного, поскольку тот был прав.

Утром 13 декабря 1943 года началось наступление советских войск. 11-я гвардейская общевойсковая армия получила задачу овладеть белорусским городом Городок и далее наступать на Витебск, обходя его с северо-запада. На этом участке фронта немцы создали мощную оборону, выступ севернее Городка оборонял IX армейский корпус генерала пехоты Рольфа Вумана в составе пяти дивизий. Как назло, туман опять сковал действия авиации, в результате чего наземные войска не получили поддержки с ее стороны. Бездействовала и немецкая авиация. И только 15 декабря, когда метеоусловия улучшились, летчики приступили к выполнению плана поддержки наступающих советских войск.

Уже знакомый читателю генерал-лейтенант авиации Ф. А. Костенко, вспоминая те дни, подробно рассказал о летчиках 63-го гиап, в том числе и о Маресьеве. Приведем строки из его мемуаров: «1-му гвардейскому истребительному авиакорпусу в этом наступлении предстояло выполнить две задачи — прикрыть поле боя и сопровождать штурмовиков.

Авиация противника тоже с самого утра 15 декабря начала боевые действия. Бомбардировщики группами по 18–30 Ю-87 (реже Хе-111 и Ю-88) под прикрытием истребителей ФВ-190 наносили удары по наступающим войскам 11-й гвардейской армии. Кроме того, истребители врага группами по 8–12 самолетов прикрывали свои обороняющиеся войска, противодействуя нашим бомбардировщикам и штурмовикам.

Полки 1-го гвардейского иак развернули решительную борьбу за господство в воздухе в районе начавшегося наступления наших войск. Советские летчики встречали бомбардировщиков противника на подступах к прикрываемому району, в бои вступали смело, вели их решительно и тактически грамотно.

Первым по плану начал боевые действия 63-й гвардейский иап. 8 Ла-5 этого полка под командованием гвардии капитана И. М. Березуцкого, прикрывая с высоты 2500–3000 метров войска в районе Езерище, Городок, встретили до 25 бомбардировщиков Ю-87 под прикрытием 6 ФВ-190, шедших на высоте 1500–2000 метров. Наши летчики хорошо знали, что бомбардировщики Ю-87 над целью обычно образуют круг и поочередно пикируют, прикрывая друг друга. Помешать им прицельно бомбить в таком строю, как показал опыт, было нелегко. Поэтому группа Березуцкого, используя преимущество в высоте, поспешила навстречу противнику, чтобы еще на подходах к цели сбить врага с курса и заставить сбросить бомбы бесприцельно.

Оценив воздушную обстановку, Березуцкий решил парой гвардии старшего лейтенанта Г. П. Бурлакина связать боем истребителей прикрытия, а оставшейся шестеркой атаковать бомбардировщики. Бурлакин на большой скорости атаковал одну, затем другую пару истребителей противника и завязал с ним бой. Тем временем шестерка во главе с Березуцким устремилась на „Юнкерсы“. В небе закружилась огненная карусель. Рев моторов, хлесткие пушечные и пулеметные очереди слились в невообразимый гул.

Со второй атаки гвардии капитан Березуцкий сбил одного „Юнкерса“, другого поджег Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант А. П. Маресьев. В момент, когда Маресьев добивал „Юнкерс“, его ведомого К. И. Короткова атаковали два ФВ-190. Обладая удивительной осмотрительностью в бою, Маресьев заметил раньше самого Короткова, что тому грозит опасность. Предупредив своего напарника, Маресьев послал последнюю длинную очередь вдогонку „Юнкерсу“ и поспешил на выручку боевому товарищу.

В одной из лобовых атак самолет Маресьева получил пробоину в

левой верхней части мотора. Гвардии старший лейтенант искусно маневрировал, вышел из боя и произвел посадку на своем аэродроме.

Удар бомбардировщиков противника по наступающим войскам 11-й гвардейской армии не состоялся. Враг, потеряв два самолета, убрался с поля боя. Для советских летчиков это была первая победа дня...»

К сожалению, в этот день 63-й гиап потерял своего командира — Героя Советского Союза гвардии майора А. А. Федотова. Именно он чуть больше полугода назад, будучи штурманом полка, привел из Иванова новую эскадрилью, в составе которой прилетел Маресьев. Смерть получилась какой-то нелепой. Во время воздушного боя Федотов подбил немецкий самолет, но при маневре для второй атаки его Ла-5 неожиданно перешел в крутое пикирование и почти отвесно врезался в землю.

В полку тяжело переживали гибель своего командира, поскольку он принадлежал к числу таких начальников, которых подчиненные не только уважают, но и любят. Выпускник Оренбургского училища летчиков, Федотов с первых дней Великой Отечественной войны находился на фронте. Уничтожил 22 самолета противника, за что был удостоен звания Героя Советского Союза, двух орденов Ленина, Красного Знамени и других наград. В полку он для всех служил примером. Требовательный и одновременно тактичный, Федотов никогда не допускал в разговоре с подчиненными грубость. Летчиков, особенно молодых, он учил, а не поучал.

Федотов очень уважительно относился к Маресьеву и как к летчику, и как к человеку. Не случайно он был у него помощником по летно-стрелковой службе. Подтверждением этому служит написанная им боевая характеристика на гвардии старшего лейтенанта А. П. Маресьева. Вот некоторые выдержки из нее:

«Летал и летает на самолетах: У-2, УТ-2, УТИ-4, И-16, ЯК-1 и ЛА-5. Имеет общий налет 765 часов, 4610 посадок, из них на самолете ЛА-5 — 89 часов, 72 посадки.

На фронтах Великой Отечественной войны находится с августа 1941 г. За это время произвел 86 боевых вылетов и в воздушных боях лично уничтожил 6 самолетов противника... Беспредельно преданный партии Ленина — Сталина и своей Социалистической Родине, не имея обеих ног, гвардии старший лейтенант Маресьев, не покидает летной работы, а всеми силами и средствами стремится к допущению к ней. Получив разрешение, он осваивает скоростной истребитель ЛА-5, на котором с успехом в настоящее время бьет фашистских захватчиков в воздухе.

В воздушных боях добивается отличных успехов. Имея богатый

боевой опыт, он учит летный состав мастерству воздушного боя рассказом, а в воздушном бою — показом и личным примером.

Среди личного состава полка пользуется исключительно большим авторитетом и уважением. Дисциплинирован. Требователен. Инициативен. Морально и идеологически устойчив. Военную тайну хранить умеет...»

Сам же Маресьев так сказал о своем командире: «Это был необыкновенно храбрый летчик и мудрый командир. Андрей Андреевич всегда оставался человеком большой души и редкой доброты».

После гибели Федотова командиром полка был назначен Герой Советского Союза гвардии майор Александр Михайлович Числов, с которым Маресьев впервые поднялся в небо на Курской дуге. Под началом нового командира летчики продолжили вести активные боевые действия, мстя фашистам за своего погибшего командира. В течение двух дней 16–17 декабря с окруженной группировкой противника было покончено, Городок был освобожден от врага, немцы потеряли больше 20 тысяч человек. Было захвачено много пленных и трофеи. На втором этапе операции, которая продолжалась почти до 31 декабря, советские войска вышли на ближние подступы к Витебску. В этом был и весомый вклад летчиков 63-го гиап, в том числе и Маресьева.

Начало 1944 года 63-й авиаполк также провел в напряженных воздушных боях. Немцы, надеясь восстановить утраченное положение, предприняли несколько попыток атаковать позиции советских частей. Вражеская авиация активно поддерживала свои войска, пытавшиеся перейти в наступление. Поэтому в небе царил высокий накал. В отдельные январские дни напряжение достигало такого уровня, что в воздухе одновременно находилось несколько десятков наших истребителей. Полк буквально висел в небе. Одна группа меняла другую. Здесь, на подступах к Витебску, нашла широкое применение имевшаяся в авиакорпусе радиолокационная станция «Редут». Она стала четко выдавать данные о полетах авиации противника.

Так, 8 января в середине дня была вызвана и наведена на бомбардировщики люфтваффе группа под командованием гвардии майора Числова. В ее составе находился и Маресьев. В районе Городка наши летчики встретили сразу восемнадцать Ju.87, которых прикрывали истребители Fw.190. Завязался тяжелый бой. Действуя смело и решительно, наши летчики сбили семь самолетов противника, не потеряв ни одного своего. Командир 3-й гвардейской истребительной авиационной дивизии полковник В. П. Ухов тут же по радио объявил благодарность летчикам за их успешные действия.

В начале февраля, завершив подготовку, войска 1-го Прибалтийского фронта перешли в решительное наступление на Витебском направлении. Противник создал на этом участке глубоко эшелонированную оборону и всячески пытался остановить продвижение советских войск. С этой целью немцы подтянули значительную часть своих резервов и авиации.

Воздушные бои, в которых принимал участие и Маресьев, носили ожесточенный характер. Самолеты 3-й воздушной армии непрерывными бомбардировочными и штурмовыми ударами по противнику на поле боя содействовали 11-й гвардейской и 4-й ударной армиям в преодолении упорного сопротивления противника. И оно вскоре было сломлено.

В те дни в жизни Маресьева произошло сразу несколько важных событий. Одно случилось накануне 26-й годовщины создания Красной армии. Приказом командующего войсками 1-го Прибалтийского фронта генерала армии И. Х. Баграмяна гвардии старшему лейтенанту Маресьеву было присвоено воинское звание гвардии капитана. Для человека служивого повышение в звании является знаковым событием, и конечно, Маресьев был очень рад этому. Принимая от командира полка гвардии майора Числова капитанские погоны, он заверил, что будет и впредь достойно служить Родине, не жалея себя, беспощадно громить фашистов. Не нарушил Маресьев и давнюю офицерскую традицию: в кругу боевых товарищей отметил получение четвертой звездочки. Как водится, летчики выпили за новоиспеченного гвардии капитана, за Победу, а третью чарку подняли за погибших товарищей.

Тогда же Маресьев получил из рук начальника политотдела дивизии и партийный билет. Кандидатом в члены ВКП(б) его приняли, как уже говорилось выше, еще в сентябре 1941 года. С тех пор, два с лишним года, он мытарствовал в этом качестве. Хотя в соответствии с постановлением ЦК партии от 19 декабря 1941 года «О приеме в члены ВКП(б) кандидатов, отличившихся в боях с немецкими захватчиками» Маресьева должны были принять в члены ВКП(б) после трехмесячного кандидатского стажа, притом что стандартный срок составлял один год. Однако за все это время положенный стаж ему так и не удалось набрать, поскольку что в 580-м истребительном авиационном полку, что в 14-м запасном авиационном полку он находился менее трех месяцев. И только в 63-м полку Маресьев накопил необходимый стаж, при этом вновь отличился в боях с немецкими захватчиками. При приеме в партию вопросов у коммунистов полка к нему практически не было. Биографию его они хорошо знали. А как воюет — Звезда Героя на груди служила тому ответом. Поэтому проголосовали за Маресьева единогласно, о чем и записали в протоколе собрания.

В годы Великой Отечественной войны у коммунистов не было никаких привилегий, кроме одной — первым идти в бой и последним выходить из него. «Коммунисты, вперед!» — этот лозунг звучал в атакующей цепи пехоты и в эфире воздушного боя, в шлемофонах танкистов и в отсеках подводной лодки. Красная книжица партийного билета, которую Маресьев получил и постоянно потом носил в левом кармане гимнастерки, рядом с сердцем, всегда ему напоминала о том, что он обязан личным примером, мужеством и отвагой поднимать боевой дух товарищей по оружию, вести их на подвиг, вселять уверенность в победе. Уместно сказать, что Маресьев с честью оправдывал звание коммуниста. До конца своих дней он очень гордился тем, что вступил в партию в тяжелом и тревожном для страны 1941 году.

Почти одновременно с получением капитанских погон и партбилета Маресьев получил новое назначение: он стал штурманом полка. Должность эта в авиации очень ответственная. Когда у летчиков-фронтовиков спрашивали, что было необходимо для успешного выполнения боевой задачи, они, не задумываясь, отвечали: прежде всего, для этого нужен хороший штурман — без него в небе делать нечего. И в этом не было никакого преувеличения. Опытный штурман способен проложить точный курс до цели, даже если в ходе боя навигационные приборы выйдут из строя. Только штурман может проторить курс, учитывая данные об облачности, скорости и направлении ветра, сносе машины, направлении воздушных потоков...

Но круг обязанностей у Маресьева, как штурмана полка, был намного шире. На нем лежала ответственность за штурманское обеспечение вылетов, проведение инструкторско-методических занятий с командирами и штурманами эскадрилий и звеньев. Он осуществлял контроль за полетами, готовил данные для их разбора для командира полка и т. д. При этом никто не отменял вылеты на боевые задания.

Однако штурманом Маресьев пробыл недолго. 25 марта 1944 года 1-й гвардейский истребительный авиакорпус был выведен из оперативного подчинения 3-й воздушной армии 1-го Прибалтийского фронта и к 5 апреля перебазировался в тыл для доукомплектования личным составом и получения новой материальной части. 3-ю гвардейскую истребительную авиационную дивизию, в составе которой находился 63-й гвардейский авиаполк, отвели на тыловой аэродром близ города Анреаполь, что недалеко от Великих Лук. Полки получили новые машины и пополнение молодых летчиков. Произошли и кадровые перемены. Гвардии майора А. М. Числова, друга Маресьева, перевели командиром в соседний, 32-й гиап.

Новым командиром полка был назначен Герой Советского Союза гвардии подполковник Е. М. Горбатьюк, опытный летчик, впоследствии дослужившийся до заместителя главнокомандующего ВВС и генерал-полковника авиации. Перестановки произошли и в других полках.

Через некоторое время сменился и командир дивизии. В соответствии с приказом командующего ВВС гвардии генерал-майор авиации В. П. Ухов передал командование соединением сыну Верховного полковнику Василию Сталину и убыл во 2-ю воздушную армию, где вскоре принял 10-ю гвардейскую истребительную авиационную Сталинградскую дивизию. К слову сказать, в 1943 году в течение нескольких месяцев командиром 32-го гвардейского истребительного авиационного полка, входившего в дивизию Ухова, был как раз полковник Сталин. Теперь он возглавил всю дивизию. Другого назначения сын Сталина и не мог получить. Дивизия являлась одной из лучших в ВВС. Название гвардейская, Краснознаменная говорило само за себя. Кроме того, за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими оккупантами и участие в освобождении Брянска дивизия получила наименование Брянская. В полках соединения, большинство из которых являлись гвардейскими, воевали настоящие асы со Звездами Героев.

Василий Сталин неплохо знал дивизию, а также многих летчиков. Знали и его в соединении. Причем как с хорошей стороны, так и с плохой. По отзывам однополчан, Василий Сталин был смелым летчиком, имел на счету сбитые немецкие самолеты. Хотя его первой задачей, как командира полка, было не сбивать самолеты противника, а не терять управление воздушным боем. Тем не менее он вместе со всеми вылетал на боевые задания, за что его и уважали в полку.

Однако нередко Василий совершал поступки, которые его не красили как командира и офицера. Уже знакомый читателю генерал-майор авиации Ухов после войны вспоминал, что «на командование авиационной дивизией и на заботу о том, чтобы ничего не случилось с В. И. Сталиным, приходилось тратить одинаковое количество сил, энергии и времени». В апреле 1943 года по вине Василия Сталина произошло ЧП, из-за чего он был снят с должности командира полка с формулировкой «за разгул и пьянство». В тот роковой день его полк должен был перелететь на подмосковный аэродром Малино для доукомплектования техникой и людьми. На промежуточном аэродроме Василий Сталин и его подчиненные — четыре Героя Советского Союза — подполковник Н. И. Власов, капитаны А. Я. Баклан, В. И. Гаранин, А. Г. Котов, а также командир звена лейтенант А. Г. Шишкин (будущий Герой Советского Союза) и инженер по

вооружению полка инженер-капитан В. С. Разин решили порыбачить. Для этого они отправились на речку и стали глушить рыбу гранатами и реактивными снарядами. При броске последнего боеприпаса капитан Разин ошибся — поторопился вывернуть взрыватель. Прогремел взрыв, в результате которого один человек погиб, второй был ранен тяжело, третий — легко. Тяжелое ранение получил и сын Сталина — крупный осколок от реактивного снаряда попал в левую стопу, повредил кость. Вторым осколком легко задел левую щеку. После трагической «рыбалки» Василия Сталина понизили в должности до рядового летчика-инструктора 193-го истребительного авиационного полка. Это решение состоялось по приказу отца, который сказал, что без его распоряжения никаких командных постов Василию больше не давать. Однако прошло время, гнев отца сменился на милость. В январе 1944 года Василий приступил к исполнению обязанностей инспектора-летчика по технике пилотирования в том же 1-м гвардейском истребительном авиакорпусе, в котором воевал до ЧП. А в мае того же года он вступил в командование 3-й гвардейской Краснознаменной Брянской истребительной авиадивизией.

С приходом в дивизию нового командира произошел очередной вираж и в судьбе Маресьева. Командованием было принято решение об откомандировании его в распоряжение Управления кадров ВВС РККА. Существует версия, что это было сделано с подачи именно Василия Сталина. По другой версии, инициатором перевода Маресьева в Москву выступил командующий ВВС главный маршал авиации А. А. Новиков.

В связи с чем решили отозвать летчика с фронта? Ответ простой. Война близилась к завершению, ни у кого не было сомнений в том, что нацистская Германия скоро будет разгромлена. Наша авиация безраздельно господствовала в воздухе. В полках и соединениях находилось много опытных воздушных бойцов, которые превосходили асов Геринга и тактически, и физически. Держать в летном строю инвалида, каковым являлся Маресьев, уже не было необходимости. Тем более что он с честью выполнил свой долг перед Родиной, совершив во имя нее ярчайший человеческий и ратный подвиг. Сам же Маресьев честно признавался — летать без ног было тяжело, нагрузки даже для здорового человека запредельные. Он не отказывался от боевых вылетов и не жаловался, но когда ему предложили нелетную должность, дал согласие. Хотя, конечно, не хотелось оставлять родной гвардейский полк, к которому прикипел всем сердцем.

В середине мая, сдав дела и тепло попрощавшись с боевыми товарищами, Маресьев убыл в Москву.

Глава 7. Настоящий человек

Должен признаться, что я люблю летчиков. Если я узнаю, что какого-нибудь летчика обижают, у меня прямо сердце болит. За летчиков мы должны стоять горой.

И. В. Сталин

Майская Москва встретила Маресьева теплом и характерной для больших городов суетой. Людские волны, где быстро, а где неспешно, катились по вымытым первыми весенними дождями улицам, на которых находились различные учреждения, конторы, магазины, кинотеатры... Гулко стучали по рельсам трамваи, слышались резкие сигналы двигавшихся легковых машин, раздавались трели милицейских свистков... Столица, как и до войны, пребывала в своем обычном состоянии.

В гостинице Центрального дома Красной армии, где Маресьев остановился, тоже царил оживление. На фронте, в родном полку с кем бок о бок воюешь, с тем постоянно и видишься. Здесь же, в главном временном пристанище приезжего армейского люда, словно на перекрестке, можно было повстречать офицеров и генералов едва ли не всех родов войск, какие существовали на тот момент в вооруженных силах. Были тут и танкисты, и артиллеристы, и летчики, и моряки и даже кавалеристы. У каждого из них, как и у Маресьева, имелась своя причина прибытия в столицу. Кто-то приехал за новым назначением, кого-то вызвали на «ковер», а другого, наоборот, пригласили для вручения награды. Были и такие, кому надо было лишь ночь перекантоваться, а утром, согласно командировочному предписанию, следовать дальше. На фронт или в тыл, а может, с фронта на фронт... Война, как кто-то точно подметил, она большая.

Переночевав, Маресьев прямо с утра отправился на Большую Пироговскую улицу в штаб ВВС Красной армии. В бюро пропусков, где образовалась небольшая очередь, его пропустили вперед. «Золотая Звезда» Героя на гимнастерке стала ему своего рода пропуском и в кабинеты высокого начальства. Маресьева принял начальник Управления кадров генерал-лейтенант инженерно-аэродромной службы В. И. Орехов. В конце 1942 года Маресьев уже с ним встречался: именно этот генерал сыграл тогда едва ли не главную роль в эпопее по возвращению его в небо.

Напомним читателю слова, сказанные Маресьевым об Орехове осенью 1942 года: «...единственный человек — этот генерал, который мне помог».

И вот новая встреча. Орехов сразу узнал своего «крестника», крепко пожал ему руку, несколько рез похлопал по плечу и пригласил выпить чаю. Во время чаепития он подробно расспросил Маресьева о его фронтовых делах, а потом сказал:

— Мы решили назначить вас инспектором-летчиком в Управление вузов Главного управления обучения, формирования и боевой подготовки. Опыт у вас приличный, к тому же были летчиком-инструктором. Кому как не вам теперь оценивать подготовку будущих летчиков-истребителей в наших авиашколах и училищах.

— Спасибо за доверие, постараюсь его оправдать, — ответил немногословный Маресьев.

— Вот и хорошо, — заулыбался генерал. — Но сначала отправляйтесь в отпуск, отдохните, а потом приступайте к исполнению новых обязанностей.

Так Маресьев оказался на штабной работе, хотя, как позже признавался, его душа не шибко лежала к тому, чтобы протирать галифе в кабинете. На войне была конкретная боевая работа, а на новом месте пришлось иметь дело с бумагами. Поэтому, когда его отправляли в командировку в какое-нибудь училище или какую-нибудь авиашколу, он с радостью туда ехал. Там, на «земле», он вновь оказывался в привычной сердцу обстановке: аэродром, гул моторов, взлетающие и идущие на посадку крылатые машины...

Обычно выезды были в составе инспекторской группы, задача которой состояла в проведении комплексной проверки того или иного военно-учебного заведения. Что не нравилось Маресьеву в этих командировках, так это полеты к месту назначения и обратно в Москву. И была на то причина. В кабине самолета, когда он сам им управлял, Маресьев забывал о своих ампутированных ногах. Тогда как во время даже часового сидения на жесткой скамье транспортного Ли-2 культя его ног начинали сильно болеть. Впрочем, к болям ему было не привыкать.

Между тем штабные будни, словно часовые в карауле, сменяли друга друга. Постепенно Маресьев освоил обязанности, научился составлять справки, отчеты, доклады... Да и война близилась к концу. Кажется, еще недавно на полевом аэродроме в районе Орла они с Александром Числовым и Сергеем Петровым сидели на траве под крылом «Лавочкина» и мечтали о победе над врагом. Верили, не жалели себя ради нее. И она пришла в теплый майский день. Великая, долгожданная и окончательная.

Однако Маресьеву не удалось ее отметить подобающим образом. Вместо Красной площади, где ликовал народ и полыхали разноцветные сполохи победного салюта, он в этот день оказался на госпитальной койке. А произошло следующее. Будучи холостяком, Маресьев не обременял себя заботами о приготовлении пищи. Питался, как говорится, сухим пайком. Накануне ему как раз и выдали на службе очередной продовольственный паек, в котором наряду с другими продуктами было несколько банок «второго фронта» — так фронтовики окрестили американскую тушенку^[33]. Одну из них он открыл вечером, с аппетитом съел за ужином полбанки. Оставшуюся часть выставил за окно комнаты общежития, где жил. Холодильников тогда не было. К утру тушенка, скорее всего, из-за теплой погоды испортилась, но Маресьев, завтракая, это не почувствовал. Через день пошла сыпь по телу, поднялась температура. В итоге он оказался в госпитале с диагнозом крапивная лихорадка. Конечно, это аллергическое заболевание не шло ни в какое сравнение с тем, что Маресьев перенес раньше. Но как бы там ни было, а чарку за Победу пришлось выпить позже.

В том же победном 1945 году закончилась и холостяцкая жизнь нашего героя. В Главном штабе ВВС Маресьев однажды увидел красивую девушку, которая ему очень понравилась. Девушку звали Галиной, она работала делопроизводителем в одном из управлений. Но подойти к ней, познакомиться не решился. Это в бою он был смел и бесстрашен, а перед женским полом, случалось, робел. «Я же по натуре был стеснительным парнем, — вспоминал Маресьев. — А тут еще, думаю, неизвестно, как Галя отнесется к моей инвалидности. Поэтому, прежде чем клинья подбивать, попросил начальника отдела кадров выяснить о ней — с кем живет, как живет. Она потом рассказывала — крепко испугалась, кадровики ведь просто так никогда не вызывали. И после этого я уже сам начал за Галей ухаживать...».

Галина Викторовна Третьякова была родом из подмосковного города Клин. На тот момент у нее уже имелись ухажеры. Причем из сферы культуры: один — музыкант, другой — поэт. Но она выбрала летчика, который уже через месяц после знакомства сделал ей предложение выйти за него замуж. Их брак был зарегистрирован 21 ноября 1945 года в Сокольническом загсе города Москвы. В тот же день сыграли скромную свадьбу.

Новый, 1946 год Алексей и Галина встретили в семейном кругу. В сентябре у них родился сын. Первенца назвали Виктором в честь отца Галины. Вскоре после рождения сына Маресьевы получили

четырёхкомнатную квартиру в доме на улице Горького^[34], практически на Пушкинской площади. В этом доме в тот период проживали известные всей стране люди — поэты Алексей Сурков, Михаил Исаковский, первый заместитель генерального прокурора Советского Союза Г. Н. Сафонов, актриса Валентина Серова... До переезда сюда молодая семья ютилась в маленькой комнате в одной из столичных гостиниц.

Немного раньше, в середине того же 1946 года, Маресьев был уволен из рядов Вооружённых сил. Событие для кадрового офицера, прямо скажем, далеко не радостное. Это подтвердит любой человек в погонах, выбравший однажды своей судьбой служение Родине и отдавший ей лучшие годы жизни. У Маресьева выслуга лет была хотя и маленькая, в общей сложности 12 лет, но расставаться с армией все равно было тяжело.

Однако надо отдать должное военному руководству. Оно по достоинству оценило вклад А. П. Маресьева в защиту Отечества. Вот что было сказано в отдельном приказе, подписанном 22 июля 1946 года заместителем министра Вооружённых сил СССР генералом армии Н. А. Булганиным. Приведем этот документ полностью.

ПРИКАЗ

Министра Вооружённых Сил Союза ССР по личному составу № 0480 г. Москва

Содержание: Об увольнении в отставку и материально-бытовом обеспечении Героя Советского Союза гвардии капитана Маресьева А. П.

Центральной врачебно-лётной комиссией (ЦВАК) товарищ Маресьев признан негодным к лётной работе и негодным к военной работе, с исключением с учёта.

В соответствии с Положением о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА, утвержденным Постановлением ЦИК и СНК СССР 22 сентября 1935 года, Герой Советского Союза гвардии капитан Маресьев А. П. увольняется из рядов Красной Армии в отставку по статье 4 (по болезни) с присвоением звания «майор».

За выдающиеся заслуги перед Родиной тов. Маресьеву А. П. пожизненно установить материально-бытовое обеспечение в соответствии с приказом заместителя Народного Комиссара Обороны СССР № 100 от 7 июля 1944 года, приравняв его в

правах к старшему офицерскому составу, прослужившему 25 лет в Красной Армии.

В приказе не говорится о том, какие льготы Маресьев получил при увольнении. Между тем они значимые для фронтовика-инвалида, их определили в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны СССР от 28 июня 1944 года № ГОКО-6116 «О материально-бытовом обеспечении генералов, адмиралов, комиссаров государственной безопасности, комиссаров милиции и старшего офицерского состава Красной Армии, Военно-Морского Флота, войск и органов НКВД СССР и НКГБ СССР, имеющих срок выслуги 25 лет и более, зачисляемых в запас или увольняемых в отставку», на основании которого как раз был издан приказ № 100 НКО СССР.

Пенсия Маресьеву была исчислена из штатного оклада денежного содержания по последней должности с процентной надбавкой в размере 80 процентов. При увольнении ему выплатили единовременное пособие в размере трехмесячного оклада. Не ахти какие деньги, но на первый случай крайне необходимые. Одновременно вчерашнему летчику предоставили право на получение жилой площади, на обеспечение медицинской помощью его и членов семьи, включая санаторно-курортное лечение. Был и еще ряд льгот, но уже не столь существенных.

Так Маресьев стал военным пенсионером. На тот момент ему исполнилось 30 лет. Согласитесь, непривычно в таком возрасте быть пенсионером. Да и сам Маресьев ощущал себя не в своей тарелке. «Ну какой я пенсионер?» — задавался он вопросом. Наделенный с рождения жизнедеятельным характером, наш герой по определению не мог сидеть дома. Тем не менее с работой пришлось повременить. Возникли проблемы со здоровьем, что, кстати, стало одной из причин его увольнения со службы. По настоянию врачей он прошел курс лечения в госпитале, затем восстанавливал здоровье в санатории.

Тогда же жизнь Маресьева круто изменилась. Произошло это спустя несколько месяцев после того, как он стал пенсионером. В тот день Маресьев находился дома, сидел на диване и читал газету. Радио было включено, но Маресьев, увлекшись чтением, не слышал, что за передача там транслировалась. В комнате в этот момент находилась Екатерина Никитична, мама Маресьева, которая неожиданно прервала его чтение:

— Леня, сынок, послушай, это же про тебя.

Отложив в сторону газету, Маресьев прислушался. В репродукторе

звучал хорошо поставленный голос. Это был артист, поскольку он очень выразительно и трогательно читал текст:

«Теперь у него была цель жизни: вернуться к профессии истребителя. С тем же фанатическим упрямством, с каким он, обезножев, выползал к своим, стремился он к этой цели... Даже хождение для безногого — нелегкое дело. Мересьев же намеревался управлять самолетом, и именно истребителем. А для этого, в особенности в мгновения воздушного боя, когда все рассчитано на сотые доли секунды и согласованность движений должна подниматься до степени безусловного рефлекса, ноги должны уметь проделывать не менее точную, искусную, а главное — быструю работу, чем руки. Нужно было так себя натренировать, чтобы пристегнутые к обрубкам ног куски дерева и кожи выполняли эту тонкую работу как живой орган.

Гимнастика ног причиняла острую боль, но Мересьев с каждым днем отводил ей на минуту больше, чем вчера. Это были страшные минуты — минуты, когда слезы сами лились из глаз и приходилось до крови кусать губы, чтобы сдержать невольный стон. Но он заставлял себя проделывать упражнения сначала один, потом два раза в день, с каждым разом увеличивая их продолжительность...»

Маресьев вновь узнал себя, хотя неизвестный ему в те минуты автор изменил лишь одну букву в фамилии главного героя, назвав его Мересьевым. «Неужели Василий Ильенков из „Красной звезды“ обо мне написал?» — первое, что пришло в голову Маресьеву. Однако когда диктор завершил читать очередной отрывок и сказал о том, что чтение книги Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» (повесть опубликована в журнале «Октябрь», № 7–8 за 1946 год) будет продолжено завтра, Маресьев сразу вспомнил майора из газеты «Правда», их встречу под Орлом летом 1943 года. Тогда, как сказано в предыдущей главе, Полевой обещал написать о Маресьеве в газете. Обещание свое сдержал, но Сталин наложил табу на подготовленную к печати статью. Теперь же на свет появилась целая книга о нем.

Вот что рассказывал Полевой в своих воспоминаниях об истории создания повести и ее героя, с которым они расстались летом 1943 года: «...С тех пор я не встречал Алексея Маресьева, но повсюду, куда бы ни бросала меня военная судьба, возил я с собой две ученические тетрадки, на которых еще под Орлом записал необыкновенную одиссею этого летчика. Сколько раз во время войны, в дни затишья и после, по странам освобожденной Европы, принимался я за очерк о нем и каждый раз откладывал работу, потому что все, что удавалось написать, казалось лишь

бледной тенью его жизни!

Но вот в Нюрнберге присутствовал я на заседании Международного военного трибунала. Шел к концу допрос Германа Геринга. Дрогнув под тяжестью документальных улик, прижатый к стене вопросами советского обвинителя, „второй наци Германии“ неохотно, сквозь зубы рассказывал суду о том, как в битвах на необъятных просторах моей родины под ударами Красной армии таяла и разваливалась гигантская армия фашизма, до тех пор не знавшая поражений. Оправдываясь, Геринг поднял к небу тусклые глаза: „Такова была воля провидения“...

— Признаете ли вы, что, предательски напав на Советский Союз, вследствие чего Германия оказалась разгромленной, вы совершили величайшее преступление? — спросил Геринга советский обвинитель Роман Руденко.

— Это не преступление, это роковая ошибка, — глухо ответил Геринг, хмуро опуская глаза. — Я могу признать только, что мы поступили опрометчиво, потому что, как выяснилось в ходе войны, мы многого не знали, а о многом не могли и подозревать. Главное — мы не знали и не поняли советских русских. Они были и останутся загадкой. Никакая, самая хорошая агентура не может разоблачить истинного военного потенциала Советов. Я говорю не о числе пушек, самолетов и танков. Это мы приблизительно знали. Я говорю не о мощи и мобильности промышленности. Я говорю о людях, а русский человек всегда был загадкой для иностранца. Наполеон тоже его не понял. Мы лишь повторили ошибку Наполеона...

И мне вдруг вспомнился Алексей Маресьев. Полузабытый образ его ярко и неотвязно вставал передо мной тут, в этом строгом, облицованном дубовом зале. И захотелось здесь же, в Нюрнберге, в городе, который был колыбелью фашизма, рассказать об одном из миллионов советских людей, разбивших армии Кейтеля, воздушный флот Геринга, хоронивших на дне морском корабли Редера и могучими своими ударами разрушивших разбойничье государство Гитлера.

Ученические тетрадки в желтых обложках, на одной из которых маресьевским почерком было выведено: „Дневник боевых полетов третьей эскадрильи“, прибыли со мной и в Нюрнберг. Вернувшись с заседания Трибунала, я принялся разбирать старые записи и снова засел за работу, пытаюсь правдиво рассказать об Алексее Маресьеве все, что знал с его слов.

Многое в свое время я не успел записать, многое за четыре года потерялось в памяти. Многого, по скромности своей, не рассказал тогда Алексей Маресьев. Пришлось додумывать, дополнять. Стерлись в памяти

портреты его друзей, о которых тепло и ярко рассказывал он в ту ночь. Их пришлось создавать заново. Не имея здесь возможности строго придерживаться фактов, я слегка изменил фамилию героя и дал новые имена тем, кто сопровождал его, кто помогал ему на трудном пути его подвига. Пусть не обидятся они на меня за это, если узнают себя в рассказе.

Я назвал книгу „Повесть о настоящем человеке“, потому что Алексей Маресьев и есть настоящий советский человек, которого никогда не понимал, да так и не понял до самой своей позорной смерти Герман Геринг, которого не понимают до сих пор и все те, кто склонен забывать уроки истории, кто и теперь еще втайне мечтает пойти по пути Наполеона и Гитлера».

Книгу Борис Полевой написал на одном дыхании за рекордно короткий срок — за 19 дней. Свое новое произведение он хотел показать прототипу, то есть Маресьеву. Однако, по словам писателя, разыскать его через общих знакомых-летчиков и официальные источники не удалось. В это верится с трудом, поскольку Маресьева нужно было разыскивать не через знакомых-летчиков, а через штаб ВВС. Уж там-то точно бы сообщили о судьбе летчика, который еще недавно там служил. Впрочем, всякое могло быть. Сразу после окончания Великой Отечественной войны в Вооруженных силах началась массовая демобилизация личного состава. Домой — в семьи, к мирной жизни возвращались победители. Счет демобилизованных шел на миллионы. Среди этих миллионов вполне мог затеряться даже Герой Советского Союза, которых были тысячи. Одним из них как раз и был Маресьев.

Между тем Маресьев сам нашел Полевого. Прослушав по радио несколько отрывков из его книги, он позвонил в редакцию «Правды», узнал номер телефона писателя. Вскоре состоялась их встреча. Полевой не скрывал, что создавал свое произведение на основе рассказа Маресьева и собственного художественного вымысла.

«Полевой действительно не показывал мне книгу до того, как она появилась в магазинах, — подтвердил в одном из интервью Маресьев. — Когда повесть напечатали, мне подарили экземпляр. Но я ее так и не прочитал. Несколько раз пытался. Но все как-то... В принципе Полевой все написал правильно. Придумал, правда, роман, который якобы был у меня с девушкой Ольгой. Хотя созданный им образ советской девушки мне нравится».

Писательский вымысел присутствует и на других страницах повести. К примеру, не понравился Маресьеву полностью придуманный эпизод с поеданием героем ежа. Во время драматичной одиссеи по лесу летчик

никакого ежа на своем пути не встречал и, разумеется, его не ел. Никогда летчик не летал с палкой в кабине истребителя. Правда, после полета, на земле, Маресьеву действительно давали палку. По поводу этих и некоторых других подобных вымыслов Маресьев прямо выказывал Полевому. Но это была не обида, просто Алексей Петрович, человек по натуре скромный, честный и порядочный, испытывал некоторую неловкость за написанное о нем. Вот выдержка из другого его интервью: «„Почти все, что ты [Б. Н. Полевой. — Н. К.] написал, говорю, правда. Ну а привираешь зачем?“ А он: „Прости, Петрович, это не документальная повесть, а художественное произведение. Видишь, даже фамилию твою хоть на одну букву, но изменил — Мересьев. И это дает автору право на домысел“. Я тогда в литературных тонкостях не разбирался. Мыслил себе так: автор боялся, что вдруг запью и книгу запретят. Вот писатель и подстраховался. Ой, да я на него не в обиде! У каждого свой хлеб...»

Действительно, создавая художественное произведение, Полевой имел полное право описывать тот или иной эпизод так, как он ему представлялся в реальности. Что мастерски и сделал. Аналогично писатель встроил в канву своего повествования ряд персонажей, сцен, которые многократно усилили его эмоционально-патриотическое звучание. И самое главное: Полевой сумел увязать вымышленное с настоящим, невыдуманным подвигом советского летчика, находившегося практически на краю гибели, но продолжавшего с невероятным упорством, на пределе человеческих сил и возможностей двигаться вперед и биться за жизнь. Также подробно автор описал трудное возвращение своего безногого героя в небо, а затем и жаркие фронтовые будни, где в воздушных схватках с врагом Маресьев проявил мужество и героизм, за что и был удостоен звания Героя Советского Союза.

В 1947 году «Повесть о настоящем человеке» вышла отдельным изданием. Она сразу прибавила Маресьеву известности. Ведь герой повествования являлся не плодом фантазии писателя, а реальным человеком, живущим среди миллионов своих соотечественников.

Вообще, если бы Борис Полевой не встретил летом 1943 года под Орлом Алексея Маресьева и не написал о нем книгу, то летчик вряд ли стал бы столь знаменитым. Ведь, по большому счету, только однополчане, да и те люди, которых судьба свела с безногим летчиком, могли рассказать о его нравственном и воинском подвиге. В годы Великой Отечественной войны были и летчики, и танкисты, и артиллеристы, воевавшие без ног, а то и без рук, но их имена не получили такого признания, какое приобрел Маресьев.

Только в ВВС после тяжелых ранений, приведших к частичной

ампутации одной или обеих ног, вновь сумели вернуться в небо и бесстрашно сражаться с врагом еще восемь человек. Это летчики-истребители гвардии полковник А. И. Грисенко, гвардии подполковник И. С. Любимов, гвардии майоры Л. Г. Белоусов, А. И. Белецкий, гвардии капитаны З. А. Сорокин, Г. П. Кузьмин, гвардии старший лейтенант И. М. Киселев. В этом же списке старший лейтенант И. А. Маликов, который воевал в бомбардировочной авиации. Почти все они были удостоены звания Героя Советского Союза. У каждого из перечисленных имен судьба сродни маресьевской. Взять, к примеру, гвардии старшего лейтенанта Ивана Киселева. В августе 1944 года его самолет был подбит, а сам Киселев тяжело ранен. С оторванной ногой он сумел дотянуть до аэродрома и посадить машину. После госпиталя вновь вернулся в строй, с протезами совершил еще десятки вылетов. Два года воевал на протезах старший лейтенант Илья Маликов. На его счету более ста вылетов.

«Воевали все! Сколько на свете таких людей, на которых Полевой не нашелся!» Эти слова произнес Маресьев. Несколько позднее он дополнит сказанное: «Я противник того, что меня всю жизнь превозносят, именуют легендарным летчиком, героем из героев. Но я не из легенды, а реальный живой человек. Да, у меня сложная военная судьба. А у кого она простая? Я один из многих, из тех, для кого война стала просто отправной точкой биографии, проверкой силы личности». И он был прав на все 100 процентов, поскольку знал и понимал: в Великой Отечественной войне героизм советских солдат и офицеров был массовым явлением, по сути, нормой.

Книга «Повесть о настоящем человеке» практически сразу стала хрестоматийной. «Это были нелегкие годы для советского народа, когда повесть Б. Полевого приходила к читателям в неустроенные дома, в библиотеки, размещенные во временных помещениях, в семьи, где горько горевали о не вернувшихся с войны, — написал земляк писателя, известный советский и российский поэт Андрей Дементьев. — Каждому эта книга была необходима: и юноше, кончающему школу, и ветерану, у кого в бессонные ночи ныли старые раны. „Повесть о настоящем человеке“ только появилась в журнале, как Б. Полевому отовсюду пошли письма. Сотни, тысячи писем от незнакомых и близких людей, от фронтовиков, от женщин, от молодежи. Потом газеты и журналы опубликуют статьи и исследования, посвященные легендарной истории А. Мересьева, но первые читательские письма, безыскусные и благодарные, нередко с потеками от материнских слез, так и остались для писателя самыми дорогими. Трудно сказать что-нибудь новое об этой легендарной книге. Критики, кажется,

высказали о ней все. Но каждый день, когда кто-то впервые открывает ее страницы, мысленно он говорит это новое, еще не высказанное до него, потому что нет такого человека на земле, кто бы остался равнодушным рядом с книгой о подвиге А. Мересьева. Да и сам Б. Полевой совершил писательский подвиг, подарив человечеству прекрасную песню о мужестве и жизнелюбии настоящего человека. В трудные послевоенные годы она находила отчаявшихся и возвращала их к жизни, она влекла за собой сильных, стыдила малодушных, становилась другом, учителем, бойцом».

Показательный штрих. Только за первые несколько лет общий тираж изданий книги на русском и других языках составил 2 миллиона 340 тысяч экземпляров. В последующие годы, по данным Всесоюзной книжной палаты, «Повесть о настоящем человеке» выдержала 169 изданий в Советском Союзе и за рубежом, а общий тираж книги составил 9 миллионов 183 тысячи экземпляров. На русском языке «Повесть о настоящем человеке» выходила 81 раз, на языках народов СССР — 49 раз, за рубежом (практически на всех языках планеты) — 39 раз.

В современной России таких тиражей и количества изданий книга уже не имела. Однако интерес к повести не утратился. Проведенный в 2021 году среди разных слоев населения социологический опрос с целью выяснить, какую книгу о Великой Отечественной войне они считают самой важной, показал следующий результат. Самой главной книгой о Великой Отечественной войне, которую должен прочесть каждый, опрошенные назвали роман Бориса Васильева «А зори здесь тихие», экранизированный в 1972 году. За него свои голоса отдали более 66 процентов респондентов. На втором месте — рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека» (54,2 процента), по которому снял фильм Сергей Бондарчук. На третьем — книга Бориса Полевого «Повесть о настоящем человеке» (52,8 процента), экранизированная в 1948 году.

Именно благодаря фильму «Повесть о настоящем человеке» к Маресьеву пришла еще более громкая всенародная слава. Создателем картины был режиссер Александр Борисович Столпер, ранее поставивший фильмы «Парень из нашего города» и «Жди меня». Миллионы людей как в СССР, так и за рубежом увидели человека невероятной силы духа и мужества. Главного героя летчика Мересьева сыграл популярный уже в то время актер Павел Кадочников. В своем дневнике он подробно описал свою встречу с настоящим Маресьевым:

«Волнение охватило меня, когда мне предложили сыграть роль Мересьева. Как рассказать о силе и исключительной воле этого человека, о неисчерпаемом богатстве его внутреннего мира, о красоте подвига? Как

нарисовать внешний облик Мересьева, передать зрителю его мужественное преодоление больших физических страданий?..

Какой же Алексей Петрович? Впервые я с ним встретился под Звенигородом, где мы должны были снимать зимнюю натуру. Там мы квартировали в доме отдыха Академии наук. Маресьев шел по длинному коридору чуть покачивающейся походкой. Мы узнали друг друга издали. <...> Я подошел к нему, крепко пожал руку и вдруг понял, что сильно волнуюсь. Он еще крепче пожал мою руку и почему-то очень смутился. Позже я записал себе в дневник: „Прославленный летчик, Герой Советского Союза, человек, о подвиге которого знает чуть ли не весь мир, застенчив“.

Мы вошли в мою комнату, молча сели, не очень смело поглядывая друг на друга. Наконец Алексей, первым преодолев смущение, заговорил: „Я ведь знаю, что вас интересует больше всего“. Я был удивлен, потому что не успел сказать ему и двух слов. „Вас интересует, очевидно, больше всего, как мне удалось преодолеть...“ Он сделал паузу, а я в это время подумал: „Сейчас скажет ‘район черного леса’“, а он сказал: „...Преодолеть врачебную комиссию и доказать, что я физически здоровый человек“.

И вдруг неожиданно для меня Алексей Петрович мягко и свободно встал на стул и продолжал: „Я ему говорю...“ — „Кому?“ — переспросил я. „А председателю комиссии, разве это не ноги? Разве не тренировка?“ — И звонко похлопав по протезам, Маресьев прыгнул со стула.

Так в кинокартине родилась сцена „приемная комиссия“. Ее никто не выдумал, она настоящая».

Существует версия, что на роль главного героя фильма приглашали и самого Маресьева. Во всяком случае, этот факт уже после его смерти обнародовал старший сын Виктор: «Отец часто ездил на студию, где его обо всем расспрашивали. Более того, ему даже предлагали сыграть... Мересьева! Отец отмахнулся: „Да вы что! Никогда в жизни!“».

Фильм, как и книгу, Маресьев тоже воспринял со свойственной его характеру сдержанностью. После премьеры он в задумчивости уехал домой. «Дело совсем не в том, что фильм отцу не понравился, а в том, что он очень не любил вспоминать трагедию: как полз по морозу в лесу, — рассказывал Виктор Маресьев. — Даже когда я пытался его расспрашивать о подробностях, он старался перевести разговор на другую тему. Поэтому фильм папа посмотрел всего один раз, на премьере. Его спрашивали: „Понравилось ли вам?“ А что он мог ответить? Как ему могло понравиться то, что заново пришлось все это пережить, глядя на экран?»

Что касается Павла Кадочникова, то актер считал эту киноработу

одной из самых значимых в своей творческой судьбе. У него даже в квартире скульптура стояла в полный человеческий рост, артист был запечатлен в образе летчика Мересьева. Позднее Кадочников вспоминал: «Чего там скромничать, меня за кино в основном хвалят. Но такого замечательного комплимента, как Леша Маресьев мне никто не отпускал. А он сказал, посмотрев фильм: „Петрович, ты не меня сыграл. Ну что во мне может быть такого примечательного? А сыграл ты думы и чаяния всех боевых летчиков той великой войны. Поэтому от всех них тебе великое спасибо“. Не было у меня, поверьте, лучшей рецензии на мою работу».

Однако прославление подвига Маресьева не ограничилось книгой и фильмом. В том же 1948 году во МХАТе им. М. Горького по произведению Полевого был поставлен спектакль «Повесть о настоящем человеке». И тогда же известный советский композитор С. С. Прокофьев написал оперу с одноименным названием. «Советскому человеку, его беспредельному мужеству посвящаю я свою новую оперу на сюжет глубоко взволновавшей меня „Повести о настоящем человеке“ Б. Полевого» — такой эпиграф предпослал композитор к своей работе. Но если спектакль во МХАТе имел зрительский успех, то оперу постигла неудача.

Первое концертное представление этого произведения «для ознакомления музыкальной общественности и коллектива театра с предполагаемой к постановке оперой» состоялось 3 декабря 1948 года в Ленинградском театре оперы и балета им. С. М. Кирова (легендарная Мариинка). Однако после просмотра произведение подверглось разгрому со стороны профессионалов, которые назвали его «сырым, недоработанным». Сам композитор вспоминал: «Вместо первоначально намеченного показа оперы в черновом виде только представителям Комитета по делам искусств и Союза советских композиторов для решения вопросов о ее постановке, о возможных поправках и переделках руководство театра, не предупредив композитора, устроило широкий показ недоученной оперы перед многочисленной аудиторией — зал театра был полон».

И лишь спустя 12 лет, 7 октября 1960 года премьера оперы «Повесть о настоящем человеке» прошла в Большом театре Союза ССР. В оперу были внесены изменения, действие стало более концентрированным, динамичным. В этой редакции опера хорошо была встречена театральной публикой. На премьере в качестве почетного гостя присутствовал и Маресьев. Когда умолкли последние аккорды, Маресьева, как прототипа главного героя, попросили подняться на сцену. Зал тут же взорвался аплодисментами. Публика стоя приветствовала легендарного летчика.

Маресьев был немногословен. От себя и от имени зрителей он тепло поблагодарил артистов за постановку. Тем не менее некоторые биографы летчика считают, что Маресьев оценил постановку отрицательно. Когда его после просмотра корреспондент спросил о том, что в ней ему понравилось, он якобы сказал, как отрезал:

— Звук мотора!

Любители сенсаций приводят и более резкие слова Маресьева:

— Лучше пусть мне еще раз отрежут ноги, чем смотреть и слушать подобное...

Между тем — это не более чем байки, рассказываемые доморощенными биографами. Хорошо знавший Маресьева М. А. Захарчук, бывший главный редактор журнала «Вестник противовоздушной обороны», поделился с автором книги рассказом об одной встрече с Маресьевым, связанной как раз с оперой.

«Когда я в свое время был специальным корреспондентом ТАСС, — вспоминал Захарчук, — со мной бок о бок трудился непревзойденный журналист-протоколист, суперкоммуникабельный человек Олег Московский. Он был зятем маршала Советского Союза Кирилла Семеновича Москаленко и всеобщим любимцем высшей военной номенклатуры СССР. Московский и познакомил меня с Маресьевым. Они давно дружили семьями. Мы встретились в комнате приемов Советского комитета ветеранов войны (СКВВ), что на Гоголевском бульваре. Выпили по рюмке коньяку, и я, ничтоже сумняшеся, решил, что можно, так сказать, и разрядить обстановку. А надо заметить, что с ранней юности собираю всякие народные байки. Вот и начал с анекдота о Маресьеве и опере. И по меняющемуся выражению лица Маресьева понял всю неотразимую императивность пословицы: язык мой — враг мой. Мой коллега, конечно, быстро смикшировал неловкость, но какая-то натянутость все равно потом витала в продолжении нашего общения. Лишь провожая двух корреспондентов ТАСС, Алексей Петрович и расставил все точки над „і“. „Кстати, насчет оперы, — заметил он. — Видел и слушал я ее всего раз в жизни. Но поскольку басового ключа от скрипичного не отличаю, то вы же понимаете, что никакого права у меня на оценку нет. Могу лишь добавить: ребята очень старались, и у них, кажется, получилось. Был я после премьеры за кулисами. С Женей Кибкало^[35], который исполнял главную партию, мы до сих пор в замечательных отношениях. Все остальное — выдумки, которые годами преследуют меня, как Вячеслава Тихонова анекдоты о Штирлице. Так что не обижайтесь...“».

Впрочем, книги и фильма хватило сполна, чтобы к Маресьеву пришла

всемирная известность. Его стали приглашать на различные мероприятия, он стал частым гостем в школах, учебных заведениях, воинских частях, на заводах и фабриках. Неизменно в кителе, а позже в строгом костюме со Звездой Героя на лацкане, в белой накрахмаленной сорочке и обязательно в галстуке — таким он предстал перед разными аудиториями своих соотечественников. Дотошные репортеры даже подметили, как Маресьев щепетильно относился к своему внешнему виду. Так, прежде чем выйти к людям, он обязательно подходил к зеркалу, поправлял причёску, галстук. Затем, точно гимнастку, одергивал пиджак. Только после этого шел в зал. Скорее всего, эта привычка у него осталась еще с курсантской поры, когда он был в школе пилотов старшиной звена.

Вживую увидеть настоящего человека мечтали многие. Генерал-майор авиации А. К. Сулянов, хорошо знавший прославленного летчика, вспоминал: «Меня удивляла маресьевская школа общения — он находил общий язык с любой аудиторией: будь то летчики, техники, механики, школьники или учителя. Его потрясающее обаяние, умный добрый взгляд, скупые жесты, паузы в беседах — все влияло на людей так, что слушали они его словно замороженные. От Маресьева исходили невидимые флюиды некой скрытой энергии, которая активизировала людские души на восприятие всего того, о чем он им рассказывал».

После выхода книги и фильма^[36] со всех концов огромной страны в адрес Маресьева и Полевого, а также на радио хлынул нескончаемый поток писем. Именно поток, по-другому не скажешь. Писали их люди разных национальностей, профессий, званий и возрастов.

Пришло письмо Маресьеву и из деревни Плав, жители которой вызволили его из «лесного плена». В нем они сообщили, что «книжку читали всей деревней» и признали в ней «своего летчика». Маресьев нашел время, ответил одному из своих спасителей — председателю колхоза М. А. Вихрову, в книге выведенному как дед Михайло.

«Здравствуй, дорогой Михаил Алексеевич!

В первых строках этого первого моего письма к вам, к людям, для меня на всю жизнь дорогим, я должен глубоко извиниться за то, что так долго не мог ответить на ваше письмо... Очень радостно знать, что Вы, Михаил Алексеевич, и ваша семья живы, здоровы. Я думаю, что рассказывать о моем прошлом придется тогда, когда мы с вами встретимся, потому что на бумаге все не опишешь. У меня большое желание приехать к вам в гости и посмотреть на вас.

Крепко всех обнимаю. Алексей Маресьев».

В своем ответе Маресьев выразил желание приехать в края, где его

обнаружили жители деревни Плав. Но, к сожалению, ни тогда, ни в последующие годы выбраться на место своего спасения он так и не смог. Не звали? В том-то и дело, что звали. Местные власти, общественные организации регулярно присылали Алексею Петровичу приглашения. Причем не только к юбилейным датам, но и к обычным годовщинам.

По словам уже упомянутого сына Маресьева, «отец всякий раз под разными предлогами и, не объясняя толком причину, отказывался туда ехать, и в конце концов мне стало ясно, что скорее всего ему просто очень трудно было переломить себя психологически. Желание побывать в тех местах, как я хорошо понимал, у него, несомненно, было, но в то же время он, по-моему, испытывал некую боязнь, что ли, перед перспективой оказаться там, где перенес когда-то сильнейшее потрясение в жизни. А там, на месте, и это, наверное, не так уж трудно себе представить, все довольно живо напомнило бы ему о том, что случилось тогда под Валдаем».

Трудно не согласиться с выводами сына Маресьева. Даже такой крепкий, волевой и сильный духом человек, каким был Маресьев, не захотел дважды входить в одну и ту же реку. Тяжело ему было это сделать. Правда, незадолго до своей смерти Алексей Петрович все-таки высказал сожаление о том, что не побывал в краях, где ему выпал жребий остаться в живых. «Знаете, я об одном жалею: что не посетил места еще раз, — сказал он. — Сожалею, что не побывал на „тропе Маресьева“, о которой мне много рассказывают, а ведь Новгородчина рядом. Успокаиваю себя тем, что часто виделся с ребятами, которые меня спасли. Вообще, время очень быстро пролетело».

Что касается его спасителей, то о них он действительно никогда не забывал: вел с ними переписку, посылал или передавал подарки. Например, Сергею Петровичу Малину он подарил фотоаппарат «ФЭД» — роскошь по тем временам. Другому своему спасителю — Александру Михайловичу Вихрову Маресьев поспособствовал сделать зубные протезы. Когда Малин или Вихров бывали в Москве, Алексей Петрович всегда тепло и радушно их принимал...

Однако вернемся в начало послевоенной жизни Маресьева. После обрушившейся на него славы она стала еще более насыщенной и многокрасочной. Поездки по стране, встречи на фабриках и заводах, в школах и воинских частях, выступления на митингах, торжественных собраниях и заседаниях... В Москве мальчишки по утрам собирались стайками возле дома и на улице, где жил Маресьев, и потом сопровождали его по любому маршруту. Герой из книги вызывал у них чувство восхищения. А настоящий Герой с улыбкой сетовал:

— Совсем житья не стало, хоть гримируйся или бороду отращивай...

В марте 1948 года Маресьев вновь вернулся в авиацию. Он начал работать в 1-й Московской специальной школе Военно-воздушных сил (1-я МСШ ВВС), в которую был принят на должность начальника авиационной подготовки. Это учебное заведение, расположенное недалеко от Центрального аэродрома в Чапаевском переулке столицы, было в чем-то сродни царскому кадетскому корпусу. Как в дореволюционной России кадетский корпус давал своим воспитанникам «образование, формировал характер, приучал к исполнению своего долга, внушал любовь к Отечеству», так и в 1-й МСШ ВВС учебный процесс был построен в подобном же ключе.

Идея о создании такого военно-подготовительного заведения была подсказана в свое время наркому обороны СССР маршалу Советского Союза К. Е. Ворошилову известным военным ученым профессором и комкором В. Д. Грендалем. Нарком идею поддержал. И незадолго перед Великой Отечественной войной такая школа была создана.

Спецшкола была военной, учащиеся носили летную форму с погонами. На первом плане было изучение общеобразовательных предметов по программе средней школы. Кроме того, воспитанникам прививали правила хорошего тона, они учились бальным танцам, получали уроки музыки, рисования. В школе был даже свой драмтеатр.

Одновременно огромное внимание уделялось военной подготовке. В программе обучения были предусмотрены специальные профильные дисциплины. В частности, питомцы школы проходили теорию полета, осваивали конструкцию самолета По-2, других типов крылатых машин, постигали основы авиационной навигации, делали разборку и сборку авиационного пулемета ШКАС, прыгали с парашютом, учились вождению на мотоцикле и т. д. Основательно они изучали общевоинские уставы Советской армии — строевой, дисциплинарный, внутренней и гарнизонной служб, наставления по стрельбе из различного оружия. Полученные знания учащиеся применяли на практике, когда занимались строевой подготовкой, заступали в караул, выезжали на стрельбище, а также на лагерные сборы.

После окончания учебы выпускники, как правило, шли учиться в авиационные училища различного профиля — туда они имели право поступать без экзаменов. В дальнейшем они становились военными летчиками, инженерами и даже космонавтами. К примеру, за несколько лет до прихода Маресьева в спецшколу ее окончили будущие летчики-космонавты дважды Герой Советского Союза В. М. Комаров и Герой Советского Союза Л. С. Демин. Часть питомцев выбирала гражданку, но

многие из них и там связывали свою жизнь с авиацией.

Преподавание военных дисциплин в школе вели исключительно офицеры запаса — бывшие летчики или военнослужащие, проходившие службу в частях ВВС. Им было разрешено носить военную форму. Так что Маресьев из авиации ушел, но в авиации остался. Подготовка и воспитание будущих летчиков стали его любимым делом.

Обратимся к воспоминаниям одного из питомцев Маресьева, впоследствии генерал-майора А. А. Мамаева: «И вот, когда у меня и моих одноклассников в разгаре был третий год обучения, по школе поползли радостные для нас слухи о том, что одним из педагогов станет вскоре Алексей Петрович Маресьев. Это известие буквально ошеломило нас. Нам было трудно поверить в то, что это действительно произойдет и мы сможем увидеть, услышать, близко узнать человека уникальной судьбы. Ожидание затягивалось, и у нас все отчетливее зрели опасения — а вдруг это является лишь пустыми домыслами и наши мечты так и останутся мечтами. И когда мы с этим почти смирились, долгожданное событие, как бы в награду за наше долготерпение, действительно свершилось.

Как-то на занятиях по классу пролетела весть: „Он — здесь!“ Урок прервался, мы кинулись к подоконникам и „прилипли“ к стеклам (потом выяснилось, что такая реакция была и у слушателей других аудиторий). Мы увидели, как по дорожке вдоль здания школы вместе с директором А. П. Полехиным шел, по-матросски раскачиваясь и как бы немного приседая на каждом шагу, Алексей Петрович Маресьев, именно такой, каким мы его себе представляли.

Потом была встреча, на которой директор школы очень ровно и буднично без патетики поведал нам, что вышестоящие органы сочли возможным назначить Алексея Петровича начальником авиационной подготовки. Он же будет вести курс теории полетов и вместе с организациями Осоавиахима (вскоре это общество разделилось на ДОСАРМ, ДОСАВ и ДОСФЛОТ) вовлекать нас в занятия авиационными видами спорта. Затем выступил Маресьев. Он сказал, что ему дорога возможность после завершения военной службы оказаться вновь в привычном коллективе, где педагоги были вчерашними офицерами, а учащиеся — будущими. Не скрою нам это пришлось по душе. Мы поняли, что наш наставник хотел подчеркнуть: он видит в нас не школяров, пусть и старшеклассников, а своих младших товарищей, единомышленников и соратников. Это был, пожалуй, первый, очень важный педагогический урок Алексея Петровича, урок доверия и повышения ответственности „спецов“ [так себя называли учащиеся. — Н. К.] за то дело, которое они выбрали для

себя. Уж если такой Герой видит в нас будущих офицеров, рассуждали мы, значит детство и отрочество остались позади, и все, чем мы занимаемся, уже всерьез, по-взрослому высоко и значимо».

В новую работу Маресьев втянулся быстро, поскольку дело было ему хорошо знакомое. Во-первых, за плечами опыт педагогической работы с курсантами Батайской авиашколы, где служил летчиком-инструктором. Во-вторых, он хорошо знал типы самолетов, начиная от простого «кукурузника» и кончая Ла-5, на котором летал в последнее время. В-третьих, недавняя служба в Управлении военно-учебных заведений в качестве инспектора-летчика прибавила ему знаний, умения в управленческой деятельности.

Должность начальника авиационной подготовки школы, которую занял Маресьев, в большей степени являлась административной. По сути, он отвечал за организацию учебного процесса на своем направлении работы. А это — руководство преподавательским составом, контроль за проведением занятий, планирование различных мероприятий. Иными словами, забот хватало.

Одновременно Маресьев и сам преподавал. «Спецы» всегда с нетерпением ждали его уроков. Еще бы! Герой-летчик — их учитель. Занятия Алексей Петрович проводил интересно, доступным и понятным языком. Излагаемый материал о развитии авиационной техники и моторостроения, о первых авиаторах он обязательно сопровождал примерами из фронтовой практики. «Работая в школе, т. Маресьев А. П. умело передает свой боевой опыт и летное мастерство учащимся школы, проводит большую работу по изучению летного дела», — отмечалось в его служебной характеристике. И далее: «Наряду с производственной работой т. Маресьев А. П. принимает активное участие в общественно-политической жизни школы, постоянно выступает не только перед учащимися школы, но и на собраниях трудящихся с воспоминаниями о боевых действиях советских летчиков на фронтах Великой Отечественной войны».

Весной 1949 года Маресьев впервые оказался за границей — во Франции, куда его направили по линии ЦК ВЛКСМ в составе советской делегации на I Всемирный конгресс сторонников мира. В состав делегации его включили с подачи И. В. Сталина, который спросил у кого-то из своего окружения: «А где этот безногий летчик?» После этого вопроса вождя все сразу закрутилось. Маресьева делегировали в Париж.

Всемирный конгресс сторонников мира, проходивший с 20 по 25 апреля одновременно в Париже и Праге, собрал 2065 делегатов из 72 стран.

Ученые, представители творческой интеллигенции, священники, рабочие и простые домохозяйки, принимавшие участие в работе конгресса, были объединены одной целью — предотвратить новую войну. Не случайно эмблемой конгресса, которую нарисовал знаменитый Пабло Пикассо, стал белый голубь, несущий в клюве оливковую ветвь.

Советскую делегацию представляли известные в стране люди: писатели Александр Фадеев, Константин Симонов, Илья Эренбург, поэт Николай Тихонов, сталевар Василий Амосов, митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, Любовь Космодемьянская — мать двух Героев Советского Союза Зои и Александра Космодемьянских, академик Александр Несмеянов, заместитель председателя Антифашистского комитета советских женщин Зинаида Гагарина и др. Со всеми членами делегации у Маресьева сразу сложились добрые отношения.

Форум открыл один из основателей движения борьбы за мир, лауреат Нобелевской премии французский физик Фредерик Жолио-Кюри. Обращаясь к делегатам, он заявил: «Хотя мы прекрасно сознаем трудность стоящей перед нами задачи, ибо люди, к сожалению, уже не впервые собираются для того, чтобы избежать войны, мы все же вступаем в битву с уверенностью в победе, потому что мы сильны и сумеем найти действенные методы борьбы и применить их на деле. Мы не ограничимся простым порицанием злоумышленников, порицанием, которое ставит их почти на одну доску с их жертвами. Мы собрались здесь не для того, чтобы просить мира у сторонников войны, а для того, чтобы навязать им мир».

В парижском зале Плейель, где проходил столь представительный конгресс, Маресьеву посчастливилось видеть и слушать выступления американского певца и политического деятеля Поля Робсона, испанского художника Пабло Пикассо, чилийского поэта Пабло Неруду, французского писателя Луи Арагона... В свою очередь им тоже довелось увидеть и услышать бесстрашного русского летчика из далекой и холодной России.

Маресьев твердым, уверенным шагом вышел к трибуне. Тысячи глаз устремили взоры на черноволосого молодого человека в военной форме и со звездой на груди. Через считанные секунды громко зазвучал его упругий голос:

— Советская молодежь уполномочила меня выступить на этом конгрессе... Разрешите от имени молодых людей моей великой страны передать самый искренний, самый дружеский привет вам, передовым представителям всех народов, собравшимся для того, чтобы открыто и решительно выступить в защиту мира, поднять свой гневный голос против поджигателей войны.

Он говорил каких-то 5–7 минут, но в его емкой речи прозвучали слова о непокоренных жителях блокадного Ленинграда, героических защитниках Сталинграда, самоотверженных тружениках Урала... Как человек, немало повоевавший и, следовательно, умеющий ценить блага мирной жизни, Маресьев заявил, что призывы к новой войне не найдут поддержки у молодых людей, особенно у ветеранов Второй мировой войны. Закончил он словами:

— С этой почетной трибуны от имени миллионов юношей и девушек великой Советской страны я заявляю, что мы всегда были и будем твердо стоять на страже мира. В лице советской молодежи молодое поколение всех стран имеет верного товарища и друга в общей борьбе за мир и лучшее будущее.

Вот что писал о выступлении Маресьева на конгрессе председатель Советского комитета защиты мира Ю. А. Жуков, в то время собственный корреспондент газеты «Правда» во Франции: «Волнующим событием на конгрессе явилось выступление представителя советской молодежи, прославленного летчика, Героя Советского Союза А. Маресьева. Все делегаты поднялись со своих мест, чтобы приветствовать этого мужественного человека, который, лишившись обеих ног на войне, добился возвращения в строй. Статный, красивый советский пилот так легко поднялся на сцену, что никто не подумал бы, что у него вместо ног протезы, если бы председательствующий не сообщил об этом делегатам. И тогда в зале с новой силой вспыхнули аплодисменты. Страстную речь Маресьева, призывающего молодежь всего мира подняться на борьбу с поджигателями войны, зал выслушал с огромным вниманием».

Незабываемые эпизоды форума сохранились и в памяти Л. Т. Космодемьянской. В своей книге «Повесть о Зое и Шуре» она написала: «Апрель 1949 года. Огромный зал Плейель в Париже. Конгресс защитников мира. Флаги всех наций украшают трибуну, и за каждым флагом — народы и страны, человеческие надежды и человеческие судьбы...

На трибуну конгресса поднимается наш делегат — Герой Советского Союза Алексей Маресьев. Его встречают бурей аплодисментов. Для всех присутствующих Алексей Маресьев олицетворяет русский народ, его мужество и стойкость, его беззаветную отвагу и выдержку.

— Каждый человек должен спросить себя: „Что я делаю сегодня в защиту мира?“ — несутся в зал слова Алексея Маресьева. — Нет сейчас более почетной, более высокой цели, чем бороться за мир. Это обязанность каждого человека...»

В Париже Маресьеву пришлось держать слово и перед десятками

тысяч французских сторонников мира, которые собрались в огромном зале стадиона «Велодром». После выступления восторженная толпа, уже знавшая историю безногого русского летчика, читавшая о нем, подхватила Маресьева на руки и, так как в это время бастовали таксисты, пронесла по парижским улицам до самой гостиницы.

Вообще, интерес к членам делегации страны, разгромившей фашизм и принесшей мир народам Европы, был огромен как со стороны самих делегатов, так и со стороны простых французов. Они подходили к советским делегатам, крепко жали им руки, хлопали по плечу, искренне выражали свои чувства: «Мы верим в вас. Мы никогда не забудем того, что вы сделали для разгрома нацизма...» Впоследствии Маресьев вспоминал: «В 1949 году я в составе делегации участвовал в работе I Всемирной конференции сторонников мира в Париже. С нами была и Любовь Тимофеевна — мать Зои Космодемьянской. Помню, однажды подходят и говорят: к вам пришли французские дети. Мы вышли из зала и направились в вестибюль. Встретились с гостями, поговорили. Оказалось, что эти ребята, не имея средств на то, чтобы купить билет, пешком пришли в Париж за 20 километров для того, чтобы встретиться с представителями советской делегации».

Через год, в ноябре 1950 года, Маресьев принял участие во II Всемирном конгрессе сторонников мира. На этот раз форум проходил в Варшаве. Несмотря на то что правящие круги Запада (уже был создан военно-политический блок НАТО) пытались сорвать проведение конгресса, в столицу Польши приехали делегаты из 80 стран. Всех их объединила одна цель — не допустить войны. Участники конгресса обратились с призывом к парламентам всех стран принять законы об охране мира. Первым государством, где был разработан такой закон, стал Советский Союз. В стране, в которой едва ли не каждая семья в годы Великой Отечественной войны потеряла кого-то из родных и близких, не понаслышке знали, что такое война. Уже в марте следующего года Закон СССР о защите мира принял Верховный совет СССР. Внес свою лепту в его принятие и Маресьев. В этом документе пропаганда войны, через которую он прошел, объявлялась тягчайшим преступлением против человечества и была установлена уголовная ответственность лиц, виновных в пропаганде войны, в какой бы форме она ни велась.

В том же 1950 году Маресьев стал почетным гостем 1-го Всегерманского слета демократической молодежи. Форум проходил в Берлине, в нем участвовали делегаты как Союза свободной немецкой молодежи (FDJ) ГДР, так и аналогичной организации ФРГ. Война еще не

остыла в душах делегатов, почти все ее видели своими глазами. А многие не только видели, но и воевали на ней. Боль сохранялась и в сердцах русских, и в сердцах немцев.

И все же атмосфера, царившая на слете, была теплой и дружеской. Политическая и идеологическая цель этого форума состояла в том, чтобы влиять на все стороны жизни молодых людей, бороться против возрождения фашизма, отстаивать мир на планете. Маресьев участвовал в дискуссиях, встречался с делегатами. Но в центре внимания он оказался во время торжественного приема, устроенного в честь делегатов президентом ГДР Вильгельмом Пиком. После приема начались танцы. Маресьев тут же пригласил на вальс не кого-нибудь, а председателя пионерской организации имени Эрнста Тельмана Маргот Файст. Симпатичная Маргот с благодарной улыбкой приняла предложение русского летчика, пружинистой походкой подошедшего к ней. И они закружились в вихре вальса. Весь зал дружно им аплодировал. К слову сказать, девушка, с которой танцевал Маресьев, вскоре станет женой председателя FDJ Эриха Хонеккера (впоследствии генерального секретаря ЦК СЕПГ).

В дальнейшем общественная деятельность станет для Маресьева частью его основной работы. Однако все это будет впереди. Пока же он продолжал трудиться в спецшколе.

«Появление в качестве наставника Алексея Петровича Маресьева поставило воспитательный процесс в школе на новый уровень, способствовало подъему ее авторитета и значения, — пишет в своих воспоминаниях бывший учащийся 3-го взвода 8-го набора заслуженный строитель РСФСР, почетный строитель космодромов Плесецк и Байконур, кандидат технических наук Г. М. Питалев. — Во всяком случае, мы с замиранием сердца слушали материал в его изложении, примеры из жизни и боевых действий, добросовестно готовились к зачетам, все, что было положено по программе и более того, знали только на отлично. Маресьеву было что рассказать молодежи об авиации, о различных типах самолетов, о которых он знал не понаслышке, о взлетах и падениях, причем без прикрас. Но это не отпугивало, а наоборот, завораживало и притягивало. Было впечатление, как будто он только преподаванием всю жизнь и занимался. В спецшколе был подобран очень опытный и изумительный по составу преподавательский и педагогический коллектив. Алексей Петрович в него вписался органично. Он герой не просто по званию, а по примеру своей жизни».

Огромная популярность давала ему возможность решать многие вопросы. Но правда и то, что Маресьев для себя лично никогда ничего не

выгадывал и не выпрашивал. Скромность и совесть у него были в крови. Другое дело — похлопотать за других, не боясь при этом открыть дверь кабинета самого высокого начальства. Это было по-маресьевски. В частности, Маресьев «выбил» для родной спецшколы самолет По-2. До этого будущие летчики изучали крылатую машину по учебникам и наглядным пособиям, а также по имеющимся в школе отдельным частям самолета. Получить По-2 Маресьеву помог генерал-майор авиации Василий Сталин, назначенный в 1948 году командующим ВВС Московского военного округа. Еще с фронта у Маресьева с ним сложились очень хорошие отношения. Василий очень уважительно относился к Маресьеву, брал его с собой в поездки в войска. Аналогичное отношение было и у Маресьева к нему.

По словам Виктора Алексеевича, сына Маресьева, они даже называли друг друга на «ты». А еще Маресьеву-младшему запомнился такой случай. «Как-то Василий подарил моему отцу пару бутылок домашнего грузинского вина, — вспоминал он. — За обедом отец налил мне половину фужера и сказал: „Попробуй вино от Сталина“».

Вообще, Василия Сталина летчики любили. «Несмотря на то, что он был сыном самого вождя, он честно воевал в Отечественную войну, прошел и Сталинград и дошел до Берлина, а для любого фронтовика это значит многое, — писал Герой Советского Союза генерал-майор авиации С. М. Крамаренко. — Он добился того, что в Московском военном округе для всех летчиков были построены благоустроенные домики, переселил их из казарм и общежитий».

Еще Василий часто назначал или рекомендовал на штабные должности летчиков-инвалидов. Маресьев — не исключение. Не все одобряли такую кадровую политику командующего. Он же на это не обращал внимания, считал, что боевой летчик штабную работу освоит, а вот не понимающий сути летной работы штабник может дров наломать.

Прибавим еще несколько штрихов к портрету Василия Сталина из воспоминаний генерал-майора авиации А. Ф. Сергеева: «Воевал он смело: в бой бросался, завидев противника, буквально накидывался на него, совсем не думая об опасности. У него было тяжелейшее ранение в ногу, вырвавшее его надолго из боевого строя. Летал он на всем, что летало. В его послужном списке записано, какие типы самолетов он освоил. Кажется, он все освоил. Попадал в трудные ситуации: то в самолет молнией ударило, самолет стал неуправляем, но он посадил его все-таки. Сумел он посадить машину с летчиками в Куйбышеве на аэродром, когда за самолетами летали, а другие не смогли. То есть он не только сам выходил из

сложнейших ситуаций, но и других спасал. И никогда потом не сетовал, не бахвалился. Всегда говорил: „Война есть война, самолет есть самолет, летчик есть летчик. Здесь уж кто кого“».

Как-то в одной из поездок в авиационный полк, на вооружении которого стояли реактивные истребители Як-15, Маресьев обратился с просьбой к Василию Сталину разрешить и ему полетать на этой машине. Сталин сначала был категорически против любых полетов Маресьева, а потом все-таки дал согласие. Однако, заняв место в кабине истребителя, Маресьев осознал, что не сможет управлять этой современной машиной.

Была у него мечта подняться в небо и на «Аэрокобре» — американском истребителе, отличавшемся необычной для того времени компоновкой (двигатель у этой крылатой машины располагался сзади кабины летчика и был связан с воздушным винтом длинным валом). В годы войны на «Аэрокобре» летал прославленный советский ас, трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин, одержавший на ней 48 из своих 59 побед над врагом. Но свое желание Маресьев тоже не осуществил, так как конструкция этого истребителя имела ножной тормоз, а с протезами это был слишком большой риск.

— Зачем тебе это надо? — отговаривал его все тот же Василий Сталин. — Машина с крутым норовом, требует частых и мягких движений ступнями, а чуть что — валится в плоский штопор. Разобьешься — что я твоей жене скажу?

Действительно, привычнее все же было летать на По-2 — такое название по имени своего конструктора Н. Н. Поликарпова теперь имел У-2. Что Маресьев и сделал, совершив в качестве летчика-инструктора несколько полетов. На этом его небесная эпопея окончательно закончилась. В дальнейшем Алексей Петрович старался все свои поездки совершать на поезде. Почему? Ответ простой: летчику тяжело сидеть в пассажирском кресле без малейшей возможности взять ручку управления на себя.

Во время работы в спецшколе ВВС Маресьев серьезно решил заняться повышением уровня своего образования. А оно у него на тот момент было известно какое: шестилетка, ФЗО, неоконченный рабфак, авиашкола. «Я ведь академиев не проходил. Я их не закончил», — с улыбкой говорил он словами героя Гражданской войны комдива Чапаева из одноименного художественного фильма. Маресьев понимал: чтобы чего-то добиться в жизни, в том числе на преподавательском поприще, нужно было учиться дальше. Тем более что возраст позволял, да и желание имелось. В 1949 году он решил поступить в Высшую партийную школу (ВПС) при ЦК(б).

В Российском государственном архиве социально-политической

истории (РГАСПИ) хранится заявление, которое Маресьев написал на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова. Познакомим читателя с его содержанием:

Секретарю ЦК ВКП (б) товарищу Маленкову Г. М.

Заявление

Дорогой товарищ Маленков! Я чувствую большую необходимость в повышении своего идейно-теоретического и общеобразовательного уровня.

Для того чтобы больше принести пользы нашей Родине, мне надо учиться.

Прошу Вас оказать мне помощь в поступлении в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б).

Если будет оказано мне это доверие, я приложу все усилия, чтобы овладеть марксистско-ленинской наукой.

А. Маресьев, Герой Советского Союза

13. V/1949 г.

Уже на следующий день Маленков поставил на заявлении следующую резолюцию: «т. Дедову^[37]. Выясните это дело. Примите т. Маресьева». Уже 1 июля 1949 года Маресьев стал слушателем 1-го курса ВПШ при ЦК ВКП(б) — приказ о зачислении подписал ее директор Н. Р. Митронов.

Существует версия, что после окончания войны Маресьеву предложили на выбор учебу в Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова (ВВА) или в ВПШ. Маресьев от академии якобы отказался, мотивировав свой отказ тем, что «в мирное время безногие генералы армии не нужны, а начнется война, так он и без чинов и званий вновь пойдет бить врага». Но, скорее, это не более чем легенда, поскольку Маресьев, даже при всех его заслугах, не мог рассчитывать на обучение в академии. Туда принимались исключительно высшие и старшие офицеры, имеющие высшую военную оперативно-тактическую подготовку, то есть уже окончившие одну из «профильных» военных академий. Кроме того, кандидаты должны были иметь опыт командной или штабной работы

крупного масштаба. Тогда как Маресьев на тот момент был в звании капитана, имел среднее образование, а его командный опыт и занимаемые им прежде должности не соответствовали требованиям, предъявляемым к кандидатам главного военно-учебного заведения Вооруженных сил СССР. К тому же при поступлении в ВВА, как и в другие вузы подобного рода, учитывались уровень физической подготовленности офицера, состояние его здоровья. Маресьев же был инвалид, и это тоже служило препятствием для его поступления в учебное заведение военного профиля.

Что касается ВПШ, то здесь таких жестких требований к кандидатам не предъявлялось. Нужно было состоять в рядах ВКП(б), иметь партстаж не менее трех лет и активно участвовать в партийной жизни, скажем, быть членом или секретарем партбюро. Всем этим требованиям Маресьев соответствовал в полной мере. Не стало дело и за рекомендацией-направлением от партийного органа, то есть от Ленинградского райкома партии города Москвы. Маресьев успешно прошел собеседование и был зачислен в ВПШ.

Школа располагалась в доме 6 на Миусской площади столицы, являлось кузницей кадров руководящих партийных и советских работников, а также руководителей средств массовой информации. Лекции, доклады слушателям читали не только штатные преподаватели, но и работники аппарата ЦК. По окончании выпускникам выдавали дипломы о получении ими высшего общего и партийно-политического образования.

На первых порах гранит науки Маресьеву, вчерашнему технарю, давался трудно. По сути, все надо было начинать с нуля. И вновь во всей полноте проявился маресьевский характер. С тем же упорством, с которым он в апреле 1942 года, обезножив, полз по заснеженному лесу, и с тем же неистовым напряжением, с каким он мучил и преодолевал себя, тренируясь для возвращения в небо, Маресьев штудировал дисциплины, ранее толком малознакомые. История ВКП(б), всеобщая история, Новая история, история международных отношений и внешней политики СССР, партийное строительство, политэкономия, логика — вот далеко не полный перечень предметов, которые ему пришлось изучать.

Случалось — и не раз, когда он просиживал ночами за учебниками и конспектами, готовясь к экзаменам и семинарам. Такой напряженный режим учебы Маресьева, безусловно, вызывал недовольство и раздражение жены. На этой почве нередко происходили размолвки. Однако старания Маресьева оказались не напрасны: в июле 1952 года он успешно окончил ВПШ.

В справке, выданной Маресьеву 15 июля 1952 года в ВПШ, говорится,

что

«тов. Маресьев за время пребывания в ВПШ выполнил учебный план со следующими оценками:

История ВКП(б) (дооктябрьский период) — отлично

История ВКП(б) (послеоктябрьский период) — отлично

История СССР (до середины XIX в.) — отлично

История СССР (XIX — XX вв.) — отлично

Всеобщая история (Древние и Средние века) — зачет

Всеобщая история (Новая история) — отлично

Всеобщая история (Новейшая история) — хорошо

Политическая экономия (капитализм) — хорошо

Политическая экономия (социализм) — хорошо

Диалектический материализм — хорошо

Исторический материализм — хорошо

Логика — отлично

Международные отношения и внешняя политика — отлично

Русский язык — хорошо

Литература — отлично

Основы советской экономики — отлично

Партийное строительство — отлично

Основы государственного права и советское строительство — хорошо

Экономическая и политическая география — хорошо».

Также Маресьев сделал ряд научных докладов, в том числе «XVII съезд партии — съезд победителей», «Всеобщая связь и развитие в природе и обществе», «Основные черты социалистической системы народного хозяйства по сравнению с капиталистической».

Примечательно, что во время учебы Маресьева в ВПШ его любимым предметом — и это видно по оценкам — стала история. «Сам от себя такого не ожидал», — признавался он. Увлечение событиями прошлого привело его в аспирантуру Академии общественных наук (АОН) при ЦК ВКП(б), куда он, как один из лучших слушателей, был рекомендован руководством ВПШ для продолжения учебы и научной работы.

Из архивных документов известно, что Маресьев был зачислен в аспирантуру АОН 1 сентября 1952 года. Имеется также заключение заместителя руководителя кафедры истории ВКП(б) доцента И. Г. Рябцева, который после собеседования с поступающим в аспирантуру А. П.

Маресьевым сделал следующие выводы:

«Проведенная беседа на кафедре с тов. Маресьевым А. П. по истории ВКП(б) показала, что он свободно ориентируется в основных вопросах теории и истории большевизма. Ему были поставлены вопросы по работам В. И. Ленина „Что делать?“ и „Детская болезнь ‘левизны’ в коммунизме“, а также по трудам И. В. Сталина „Коротко о партийных разногласиях“, „Об основах ленинизма“ и „Еще раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии“. По названным работам обнаружил глубокие знания. Дал вполне удовлетворительные ответы о II съезде РСДРП и о XVIII съезде ВКП(б). Правильно охарактеризовал работу партии большевиков на идеологическом фронте в послевоенный период. Дал глубокий анализ сталинского учения о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны.

По своей теоретической подготовке тов. Маресьев вполне отвечает требованиям, предъявляемым к поступающим в академию по кафедре истории ВКП(б)».

Учеба в аспирантуре вновь потребовала от Маресьева напряженной работы, теперь уже над кандидатской диссертацией. Тему он взял близкую роду своей прежней службы — роль партийно-политических органов ВВС в Великой Отечественной войне. И хотя Маресьев был, как говорится, в материале, потрудиться пришлось немало.

Во время написания диссертации он успешно сдал кандидатские испытания, получив три отличные оценки по истории ВКП(б) (дооктябрьский период), истории ВКП(б) (послеоктябрьский период) и истории СССР. Четыре балла ему поставили за сдачу диалектического и исторического материализма. И только за английский язык Маресьев получил посредственную оценку, то есть тройку. Примечательно, что экзаменовали его далеко не рядовые преподаватели. К примеру, историю СССР принимали профессор, доктор исторических наук, лауреат Сталинской премии, а впоследствии академик АН СССР М. В. Нечкина, кандидат исторических наук З. А. Астапович, доценты Л. С. Гапоненко и С. А. Юдачев.

Однако в срок, а диссертацию нужно было защитить до 15 июля 1955 года, наш герой не уложился. По словам самого Маресьева, из учебной колеи его часто «выбивали» командировки, в которые он выезжал для участия в международных конгрессах и совещаниях сторонников мира. В

связи с этим Маресьев был вынужден обратиться в ректорат с просьбой продлить срок пребывания в аспирантуре. Ректор академии пошел ему навстречу, предварительно согласовав этот вопрос с ЦК. Маресьев продолжил учебу, ему выделили время для окончательной доработки и защиты диссертации. Итогом стала глубокая по содержанию научная работа.

В ней Маресьев обстоятельно, на конкретных примерах рассказал о формах и методах партийно-политической работы в войсках, о том, какую важную роль она сыграла в достижении победы над врагом. По заключению автора, эта работа среди авиаторов — участников Курской битвы отличалась высоким идейным содержанием и большим разнообразием применяемых форм и методов. Главный упор командиры, политорганы, партийные и комсомольские организации делали на то, чтобы воспитывать у личного состава горячую любовь к Родине и ненависть к ее врагам, обеспечивать высокий наступательный порыв, авангардную роль коммунистов и комсомольцев, смелые и решительные действия в бою.

Защита диссертации состоялась в 1956 году и прошла успешно. В том же году Алексею Петровичу была присуждена ученая степень кандидата исторических наук. Вот выписка из протокола № 6 заседания Ученого совета АОН при ЦК КПСС от 18 июня 1956 года:

«Слушали: Решение Ученого совета кафедры истории КПСС о присуждении ученой степени кандидата исторических наук тов. Маресьеву Алексею Петровичу, защитившему диссертацию на тему: „Агитационно-пропагандистская работа политорганов и партийных организаций в Военно-воздушных силах СССР в годы Великой Отечественной войны“ на заседании Ученого совета кафедры истории от 12 июня 1956 года.

Постановили: Утвердить решение Ученого совета кафедры истории КПСС о присуждении ученой степени кандидата исторических наук тов. Маресьеву Алексею Петровичу.

Председатель Ученого совета И. Дорошев

Ученый секретарь совета А. Шарков».

Через несколько лет на основе диссертации Маресьев подготовил монографию «На Курской дуге», которая вышла в 1960 году в Военном

издательстве Министерства обороны СССР. «Будучи рядовым летчиком, а затем командиром, я непрерывно ощущал благотворное влияние вовремя сказанного правдивого большевистского слова, хорошо подготовленного и умело проведенного собрания, митинга, задушевной беседы, чуткости и отеческой заботы, не раз убеждался в том, как много они значат для поднятия морального духа воинов, преодоления трудностей войны, укрепления дисциплины, совершения подвига», — написал Маресьев в предисловии к своей работе.

По сути, эта книга стала методическим пособием, которое активно использовали в своей практике офицеры-политработники ВВС разных поколений. Ведь в ней автор буквально по полочкам разложил, как нужно строить партийно-политическую работу с летным и инженерно-техническим составом в боевой обстановке. Брели маресьевскую «методичку» на вооружение даже замполиты авиационных полков и отдельных эскадрилий, находившихся в 80-е годы прошлого века в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Автор этих строк не случайно столь подробно описал этап жизни Маресьева, связанный с его учебой и защитой кандидатской диссертации. Дело в том, что в так называемые «перестроечные годы», да и в последующие было модным очернять все, что было близко и дорого советским людям. И ничего если это было бездоказательно — главное, чтобы вылить побольше ушатов грязи. В погоне за сенсацией некоторые средства массовой информации искали компромат едва ли не на каждого известного героя, и если его не находили, то сами его придумывали. По утверждению автора одного из изданий, Маресьев «не только не защитил диссертацию, но даже ее не написал». Однако обнародованные выше документы, с которыми ознакомился читатель, красноречиво свидетельствуют об обратном. Что же касается лжи, вылитой на Маресьева, то пусть это останется на совести подлого борзописца. Иного прозвища он не заслуживает.

В год защиты кандидатской диссертации в жизни Маресьева произошло еще одно знаковое событие. На 1-й Всесоюзной конференции ветеранов войны он был избран ответственным секретарем Советского комитета ветеранов войны.

Эта общественная организация была создана по велению времени. Дело в том, что в других государствах — участниках Антигитлеровской коалиции подобные ветеранские организации уже имелись. От них стали поступать просьбы об установлении постоянных контактов с советскими фронтовиками. А с кем устанавливать, если такой организации нет.

Тогдашний министр обороны СССР маршал Советского Союза Г. К. Жуков обратился в ЦК КПСС с предложением создать и в СССР организацию ветеранов войны. В Политбюро ЦК партии, большинство членов которого являлись участниками войны, идея Жукова была единогласно поддержана.

Учредительная конференция новой организации состоялась в Москве 29 сентября 1956 года. В ней приняли участие около 800 делегатов из разных уголков Советского Союза. Это были в основном фронтовики, партизаны, подпольщики, военные журналисты и писатели. На кителях и лацканах пиджаков многих сверкали «Золотые Звезды» Героев, почти у всех — боевые ордена. Вот лишь некоторые имена: ас трижды Герой Советского Союза И. Н. Кожедуб, танкист дважды Герой Советского Союза С. Ф. Шутов, партизанский командир Герой Советского Союза С. А. Ковпак, летчица Герой Советского Союза В. С. Гризодубова, партизанка Герой Советского Союза Н. В. Троян...

На конференции было зачитано несколько докладов. С основным — «О задачах советских ветеранов в деле укрепления мира, дружбы и сотрудничества между народами» — выступил известный общественный деятель того времени председатель Славянского антифашистского комитета Александр Семенович Гундоров. Ветеранские организации, созданные в ряде стран, подчеркнул он, уже ведут борьбу с агрессивной политикой. Однако обуздать их можно только совместными усилиями, действуя единым фронтом. Вот почему в Советском Союзе необходима ветеранская организация, которая должна стать антивоенной силой не только у нас в стране, но и на международной арене.

На конференции был принят устав новой общественной организации, определяющий ее задачи и структуру исполнительных органов. В состав Советского комитета ветеранов войны (СКВВ) делегаты избрали 75 человек и 15 человек в его рабочий орган — президиум. В соответствии с уставом в республиках, краях и областях формировались секции.

Первым председателем СКВВ делегаты единогласно избрали выдающегося полководца, дважды Героя Советского Союза маршала Советского Союза Александра Михайловича Василевского, а ответственным секретарем — Маресьева. Сам Алексей Петрович по этому поводу однажды сказал так: «В сентябре 1956 года состоялась первая учредительная конференция ветеранов войны. Маршал Василевский сделал доклад, я — доклад по уставу».

Вся дальнейшая жизненная судьба Маресьева будет связана с этой организацией, ветеранским движением, участием в решении государственных задач, борьбой за мир, заботой о ветеранах, их

социальных правах, о воспитании молодого поколения...

Глава 8. На ветеранском фронте

Ему до всего было дело. К нему обращались ветераны по самым разным вопросам. Душевная доброта, общительность, любовь и уважение к людям были отличительными чертами этого легендарного и простого человека, составляли суть его нравственности.

*М. А. Моисеев, генерал армии, председатель
Российского союза ветеранов*

Строгий и одновременно красивый двухэтажный особняк под номером 4 на Гоголевском бульваре Москвы, где находился СКВВ, стал для Маресьева на многие годы вторым домом. Сюда он приезжал каждое утро, обычно к 9 часам, но часто бывало, что и раньше. Неторопливо, без палочки шел в свой кабинет. Дежурный по комитету сразу узнавал его по шагам — во время ходьбы каблучки туфель Алексея Петровича тяжелее обычного стучали по паркету.

Но не в паркетe даже было дело, о чем свидетельствует Н. Денисенко, коллега Маресьева: «Утром я на дежурстве. Встречаю одного, второго, третьего... Но вот открывается дверь. На пороге появляется Алексей Петрович Маресьев. А на его лице... Не сумрачность, не усталость, не озабоченность... А приветливая, обаятельная улыбка.

И я с радостью иду ему навстречу:

— Здравствуйте, Алексей Петрович!

С его доброй, приветливой улыбки у нас начинался рабочий день».

В приемной перед его кабинетом с табличкой «Ответственный секретарь комитета Маресьев А. П.», как правило, уже ждали приема несколько «ходовков». А в иные дни, случалось, что здесь яблоку негде было упасть. Это когда приезжала какая-нибудь делегация. Маресьев приветливо встречал гостей, с каждым здоровался за руку, а потом по очереди приглашал посетителя или группу к себе в кабинет.

— Всех приму, и все вопросы решим, — своим слегка хриловатым голосом обычно говорил он.

Если в приемной не было посетителей, что бывало крайне редко, Алексей Петрович успевал обзвонить министерства и ведомства.

Телефонные переговоры, в том числе и по «кремлевке», нередко шли на повышенных тонах. Как свидетельствовали коллеги, больше всего от Маресьева доставалось Минздраву, работники которого нередко волокитили решение ветеранских вопросов. Алексей Петрович признавался:

— Портится настроение от того, что всем помочь не удастся. И просишь, и уговариваешь, и авторитетом давишь, а результат не всегда положительный.

В его просторном кабинете на стене висела схема боевых действий на Курской дуге. Крупными буквами были выделены населенные пункты, широко известные по тяжелым и кровопролитным боям: Поньри, Ольховатка, Обоянь, Прохоровка... Все это напоминало ему о минувшей войне. Да и фронтовики, в том числе однополчане Маресьева, бывавшие в кабинете, глядя на карту, тоже вспоминали «об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах...». И как-то легче выстраивался и склеивался разговор, порой трудный, тягостный.

Круг вопросов, которыми занимался Маресьев, был большой. Согласно уставу, должность председателя комитета была общественной, парадной, если можно так выразиться. Поэтому всю тяжесть организационной работы и груз ответственности за нее нес ответственный секретарь, то есть Маресьев. По сути, Алексей Петрович был начальником штаба, который планировал, организовывал и предлагал наиболее эффективные и грамотные варианты решения поставленных задач.

Без преувеличения можно сказать и о том, что Маресьев не только стоял у истоков этой мощной советской ветеранской организации, а лично ее создавал. На его плечи полностью легла подготовка положений о президиуме, секциях, редакционном совете, а потом и согласование документов с юристами и властными структурами. Он добивался выделения помещения, транспорта, разрабатывал и утверждал штатное расписание в центре и на местах, пробивал финансирование. Иными словами, немало кабинетов обошел на своих протезах...

СКВВ был уникальной в своем роде общественной организацией. Эта структура, имевшая филиалы в областях, краях и республиках Советского Союза, в отличие от других общественных организаций не собирала членские взносы и не выдавала членских билетов. Когда гости из-за рубежа у того же Маресьева спрашивали о том, кто является членом СКВВ, он коротко отвечал:

— Вся страна.

Алексей Петрович не кривил душой. Миллионы людей, за плечами

которых была страшная кровопролитная война, по сути, являлись членами СКВВ. Это ветераны Вооруженных сил, участники партизанского движения, подпольщики, бывшие узники фашистских концлагерей, инвалиды войны, бойцы народного ополчения... От их имени СКВВ как уполномоченный орган выступал на различных международных площадках в защиту мира, чтобы пламя войны вновь не запылало и над Европой, и над другими континентами.

Уже в первые годы своей деятельности СКВВ занял прочные позиции в международном ветеранском движении, у него установились прочные контакты с организациями ветеранов войны Италии, Бельгии, Норвегии, ряда других стран.

Наиболее добрые отношения у комитета сложились с французскими ветеранами, в частности, из знаменитого авиационного полка «Нормандия — Неман». У этого полка героическая история. Сражаясь с немецкими захватчиками в составе 303-й авиадивизии 1-й воздушной армии, французские летчики совершили более 5 тысяч самолетовылетов, провели почти 900 воздушных боев, сбили 273 самолета противника. В июне 1945 года французские летчики на боевых самолетах Як-3, переданных Франции советским правительством, улетели на родину. Однако связь не прервалась, она продолжилась в мирной жизни. В тот период советские и французские ветераны немало сделали для сохранения мира в Европе.

Этот мост фронтовой дружбы, если можно так выразиться, был построен и во многом благодаря Маресьеву. Начало ему было положено на аэродроме в Иванове, где в 1943 году лейтенант Маресьев впервые встретился с французскими летчиками, в том числе с командиром эскадрильи майором Жаном Луи Тюланом^[38], капитаном Роланом де ла Пуапом^[39], младшим лейтенантом Марселем Альбером^[40]. Потом их пути пересеклись в небе на Курской дуге, а в мирные дни, в частности, с де ла Пуапом — в Москве, Туле, Волгограде, Париже, Монтрее...

В начале 1960 года в Париже состоялась премьера франко-советского фильма «Нормандия — Неман». А в марте аналогичное мероприятие прошло и в Москве. На премьеру этой картины по приглашению Министерства культуры СССР и СКВВ прибыла французская делегация. Песня, прозвучавшая в этом фильме, сразу стала своего рода гимном советских и французских летчиков. Ее чеканные строки (автор — Евгений Долматовский) призывали хранить память о войне, свято беречь дружбу, скрепленную кровью:

Я волнуюсь, заслышав французскую речь,

Вспоминаю далекие годы.
Я с французом дружил, не забыть наших встреч
Там, где Неман несет свои воды.
Там французские летчики в дождь и туман
По врагу наносили удары,
А советские парни в рядах партизан
Воевали в долине Луары.

Что ты делаешь нынче, французский собрат,
Где ты ходишь теперь, где летаешь?
Не тебя ль окликал я: «Бонжур, камарад!»
Отвечал ты мне: «Здравствуй, товарищ!»
Мы из фляги одной согревались зимой,
Охраняли друг друга в полете,
А потом ты в Париж возвратился домой
На подаренном мной самолете.

Я приеду в Париж, все дома обойду,
Под землею весь город объеду.
Из «Нормандии» летчика там я найду,
Мы продолжим былую беседу.
Мы за правое дело дрались, камарад,
Нам война ненавистна иная.
Говорю я: «Будь счастлив, французский собрат»,
Верность клятве своей сохраняя.

В небесах мы летали одних,
Мы теряли друзей боевых,
Ну а тем, кому выпало жить,
Надо помнить о них и дружить.

«Все мы без исключения, — писал в своем письме Маресьеву бывший командир полка „Нормандия — Неман“ бригадный генерал авиации Пьер Пуйяд, — храним лучшее воспоминание о всех советских летчиках, с которыми мы познакомились во время войны.

Мы никогда не забудем их, независимо от того, кем они были: нашими руководителями, товарищами по борьбе или же

подчиненными. Мы хотели бы только чаще встречаться с ними и пожелать им и их семьям большого счастья и самого хорошего здоровья. [...]

Выражая чувство признательности за прием, оказанный нам в Советском Союзе, мы имеем в виду также и весь советский народ. Всегда и везде, где бы мы ни были, будь то на фронте, в Туле или Москве, он встречал нас приветливо и с большим гостеприимством. Повсюду мы чувствовали его любовь, и он научил нас в свою очередь полюбить Вашу страну».

Помимо бывших летчиков полка «Нормандия — Неман» крепкие узы дружбы связывали Маресьева с основанной еще писателем-антифашистом Анри Барбюсом Республиканской ассоциацией ветеранов войны (ARAC). Его не раз с огромной радостью принимали коллеги в Париже и других городах Франции. По их приглашению Маресьев принимал участие в национальных конгрессах ARAC и в праздниках ее газеты *Le Réveil des combattants* («Пробуждение бойцов»).

В трудные для России 1990-е годы, когда в аптеках было хоть шаром покати, французские коллеги не раз выручали Маресьева медицинскими препаратами, в которых нуждался он и его младший сын Алексей. Один из тех, кто помогал ему, был почетный президент Федерального союза ветеранов Сопротивления офицер Почетного легиона Марсель Фивель-Деморэ. Сохранилось письмо, в котором Маресьев благодарит своего коллегу за присланные лекарства. Вот строки из его послания:

«Дорогой друг Марсель Фивель-Деморэ!

Очень признателен за посланные медикаменты. Ты спрашиваешь, нуждаюсь ли я еще в этих лекарствах. Откровенно сказать, нуждаюсь. Но ты не пишешь, сколько я должен за полученное ранее. Не хотелось бы оставаться в долгу.

Поэтому, не отказываясь от твоего предложения, убедительно прошу сообщить, сколько всего с меня причитается. Я немедленно вышлю деньги.

Обнимаю тебя, мой друг. До свидания».

Дружелюбные французы также предложили Алексею Петровичу сделать новые протезы, с которыми можно было даже бегать. Однако для

этого требовалось лечь на операцию в парижскую клинику чуть ли не на полгода. Маресьев вежливо отказался. Не в правилах Алексея Петровича было быть кому-то обязанным. Так и проходил он до конца своих дней в отечественных протезах. Хотя некоторые недоброжелатели распускали слухи, что протезы ему якобы сделали по спецзаказу в Лондоне, в Королевской клинике. Но это не более чем слухи, которые Алексею Петровичу однажды даже пришлось опровергать. На Кунцевской игольной фабрике, где он выступал перед работниками, одна женщина прямо заявила: «Ему хорошо тут рассказывать, сам-то на королевских протезах ходит». Маресьев улыбнулся, потом ответил: «Наверное, королевские протезы были бы лучше, удобнее, эстетичнее, но мне все-таки привычнее в наших ходить, они надежнее и просты в обслуживании».

А вот что рассказал об отцовских «ногах» сын Маресьева Виктор, с которым автор встречался во время работы над книгой: «Отец всю жизнь носил одну модель протезов — старомодную, советскую, с сыромятными ремнями. Встал на них еще в войну. Четырнадцать пар за всю жизнь износил. Надевал на культю сначала шерстяной носок, потом гладкий, затем колено на шарнирах, шнуровка... Он сам всегда ухаживал за протезами. Правда, периодически ездил в ортопедический центр на Коровинском шоссе (отец его звал „проспект Му-му“), когда требовалась серьезная починка. Был у папы и знакомый протезный мастер. К нам иногда захаживал. Они сидели вдвоем и колдовали над механизмами. Но чаще всего отец командовал: „Витька, а ну-ка неси масло подсолнечное, блюдце и спички. Будем смазывать шарниры“. У него и ключики имелись специальные — сам подтягивал все соединения. Ведь оно как в жизни случается: то чуть пополнел — то слегка похудел, и уже надо регулировать. Папа был аккуратным и следил не только за своими механическими ногами. И ходил на них бодренько так, заправски. Особенно в молодости. Кто его не знал, никогда бы не заподозрил, что человек на протезах. Единственное, что батю выдавало, так это ступни. У нас они подвижные, а у него — нет».

Что же касается предложения французов изготовить ему новые протезы, Маресьев свой отказ мотивировал тем, что у него сейчас большой объем работы, особенно по линии ветеранского движения.

Дел действительно было много. К тому же Маресьев как представитель Советского комитета ветеранов войны был включен в руководящий состав Международной федерации борцов сопротивления (*Fédération Internationale del Résistants*; FIR), Всемирной федерации ветеранов войны (*Fédération mondiale des anciens combattants*; FMAC) и

Международной конфедерации бывших военнопленных (*Confédération internationale des anciens prisonniers de guerre*; CIAPG). Но ни в одной из этих организаций «камарад Алексей», как часто называли Маресьева его иностранные коллеги, не значился в роли свадебного генерала.

Особенно активно работал Маресьев в FIR, где он сначала был избран в руководящие органы, а в дальнейшем — вице-президентом. Штаб-квартира FIR находилась в Вене. Она была создана антифашистами, борцами Сопротивления, партизанами и бывшими узниками нацистских лагерей в 1951 году в Бухенвальде, где во времена нацизма находился один из самых страшных лагерей смерти. Нужно учитывать, что это был период разгара холодной войны. В Восточной Азии повсюду полыхала корейская война — военный конфликт между двумя противоборствующими частями еще недавно единой страны, которая была разделена после Второй мировой войны на Южную и Северную. Но, по сути, этот конфликт был опосредованной войной между США с их союзниками и силами Китайской Народной Республики и Советского Союза. Поэтому люди во многих странах всерьез ожидали применения ядерного оружия и начала третьей мировой войны.

Новая международная организация своими задачами считала борьбу с любыми попытками возродить нацистскую идеологию и нацистские организации, а также всеми силами препятствовать гонке вооружений и военным угрозам. Под флагом FIR объединились десятки национальных организаций из большинства стран Европы, а также Израиля.

Вместе с Маресьевым рука об руку, если можно так выразиться, работали многие известные герои борьбы с нацизмом. В частности, пастор Россен (главный обвиняемый на одном из громких процессов в фашистские времена), Людвиг Сосвински и Оскар Висфлеккер (Австрия), Ариальдо Банфи, Ариджи Болдрини и Умберто Терачини (Италия), аббат Александр Гласберг, Жак Дебю-Бридель, Ж. Волле, Р. Прэ (Франция) и др. Эти люди, как и Маресьев, пользовались огромным уважением и авторитетом в своих странах, их мнение в большинстве случаев учитывалось при принятии тех или иных важных решений.

Безусловно, в любом деле были проблемы. По свидетельству члена исполкома FIR, профессора И. С. Кремера, некоторые влиятельные французские коллеги, активно работавшие в FIR, полагали, что федерация не должна самостоятельно выступать по вопросам мира и разоружения. По их мнению, единственная задача FIR — это поддерживать все решения ООН. Такой подход не удовлетворял большинство ее членов, в том числе и Маресьева. Он часто брал слово во время обсуждений, четко

аргументировал свои доводы, твердо их отстаивал и, как правило, убеждал своих коллег.

«Все мы наблюдали его умение и, я бы сказал, дипломатические способности, когда нужно было принять (нередко вопреки сопротивлению части делегатов) какое-либо важное решение, — пишет в воспоминаниях о своем коллеге Кремер. — Читатель помоложе может спросить: какие могли быть разногласия между недавними товарищами по оружию, почему некоторые решения проходили через острую дискуссию и открытую политическую борьбу? Дело в том, что в период подъема международного ветеранского движения, в первые послевоенные десятилетия вокруг FIR объединились около 70 различных национальных организаций из 30 стран Европы и Израиля. Так же, как в свое время в отрядах партизан, в ячейках подпольщиков вместе сражались и страдали в тюрьмах и концлагерях люди из различных секторов общественной жизни — коммунисты, социалисты, люди, близкие к религиозным кругам, демократы и антинацисты, не принадлежавшие к левым партиям. Теперь, после войны, сильного общего врага у них не было и можно было открыто высказывать и защищать самые различные взгляды».

Забегая вперед, скажем, что FIR являлась самостоятельной и авторитетной в европейской общественной жизни организацией, от имени сотен тысяч бывших участников Сопротивления отстаивавшей свою точку зрения. Более того, ООН официально признала миротворческую роль FIR в 1980-е годы. Тогда же Маресьев получил из рук представителя ООН в Вене почетный диплом «Посла мира», которым была награждена FIR, она получила статус ассоциированного члена ЮНЕСКО и вошла в число членов двух неправительственных организаций при ООН — по разоружению и по правам человека.

Однако свою первую международную награду Маресьев получил гораздо раньше, а точнее через три года после работы в столь представительных организациях. И вот как это было. В сентябре 1959 года в Москве состоялось торжественное собрание, посвященное 10-летию Движения сторонников мира. Большой группе активных деятелей борьбы за мир были вручены грамоты и медали Всемирного совета мира. Среди награжденных были режиссеры Г. В. Александров и С. А. Герасимов, писатели М. А. Шолохов и И. Г. Эренбург, композитор Д. Д. Шостакович и др. Алексей Петрович удостоился серебряной медали. Этой наградой Маресьев очень гордился и дорожил.

Являясь членом международных ветеранских организаций, Маресьев вместе с другими ветеранами периодически выезжал за рубеж. Свою задачу

он видел в том, чтобы проводить политику Советского государства, направленную на сохранение мира и на объединение усилий антифашистских организаций в борьбе с военной угрозой. К голосу ветеранов войны из СССР, в том числе и Маресьева, прислушивались на Западе. Мировое сообщество убедилось, что советские ветераны войны вместе с международными антифашистскими организациями способны отстоять мир на земле. Благодаря их активной позиции в значительной мере удалось обуздать агрессивные действия США, их союзников по блоку НАТО и отойти от опасности развязывания новой мировой войны.

К слову сказать, во время поездки Маресьева в США с ним произошла забавная история, но одновременно и показательная. Ее участником также стал Б. Н. Полевой. В распространенном среди представителей СМИ пресс-релизе сообщалось, что в составе советской делегации находятся автор и герой книги «Повесть о настоящем человеке». Когда самолет приземлился, Маресьев легко спустился по трапу. А вот у Полевого во время полета случился приступ ревматизма. Поэтому он сошел с лестницы с большим трудом, боком. И журналисты приняли его за Маресьева. В американских утренних газетах на фотографиях Полевой фигурировал как Маресьев, а Маресьев — как Полевой.

Впоследствии Полевой с улыбкой вспоминал, что с этой путаницей они смирились, ходили по улицам Вашингтона, поменявшись фамилиями до тех пор, пока не пришла пора возлагать на Арлингтонском национальном кладбище венки на могилу неизвестного солдата. По американскому ритуалу военный, возлагающий венок, должен опуститься на одно колено. Естественно, Полевой это проделал легко, а у Маресьева из-за протезов возникли определенные трудности. Так Маресьев и Полевой обрели свои имена.

Уместно привести еще одну историю, связанную с американцами. Действующими лицами в ней вновь были Маресьев и Полевой. О ней рассказал А. А. Кушнарев в своей книге «Алексей Маресьев: „Я не могу не летать“». В один из дней в квартире Маресьева зазвонил телефон. На другом конце провода был Полевой.

— Петрович, вызывай машину, — сказал писатель. — Едем в гостиницу «Советская». Тут один американский журналист проиграл мне спор и накормит нас ужином.

— А я здесь при чем? — удивился Маресьев.

— Как при чем?! Ты и есть мое пари.

Выяснилось, что заокеанский репортер не мог поверить, что описываемые в «Повести о настоящем человеке» события могли

происходить на самом деле, а герой книги отличается от реального прототипа лишь всего одной буквой фамилии. За недоверчивость пришлось расплатиться.

Но, даже познакомившись с живым русским летчиком, американец не сдался.

— Я готов поверить, что этот уникальный парень действительно совершил то, о чем вы написали. Но, скажите, во имя чего он это делал? Вот если бы вы показали его мечту, чтобы его произвели в генералы и обеспечили до конца жизни...

Разубедить американского репортера Маресьеву и Полевому так и не удалось. Через несколько лет Полевой вновь встретился со своим американским коллегой — теперь уже в Вашингтоне. Американец сам подошел к Полевому и сказал:

— И все-таки я не верю. Не могу поверить...

Ничего удивительного в этом не было. Журналисту везде мерещилась красная пропаганда. Зато американских ветеранов Второй мировой войны, с которыми у Маресьева сложились в основном неплохие отношения, не надо было ни в чем убеждать. Они хорошо знали судьбу легендарного русского летчика, охотно делились с ним опытом ветеранской деятельности.

Ветеранское движение набирало тогда силу и в Советском Союзе. СКВВ выступил одним из инициаторов создания системы героико-патриотического воспитания молодежи. По инициативе комитета в Москве на Поклонной горе в 1958 году был установлен закладной камень памятника Победы, где впоследствии открыли мемориальный комплекс Центрального музея Великой Отечественной войны. Вчерашние фронтовики в качестве наставников пошли в школы, в пионерские и комсомольские организации, на фабрики и заводы, чтобы передать подрастающему поколению не только свои знания и опыт, но и привить любовь к Родине.

Несмотря на большую занятость, Маресьев выкраивал время для встреч с людьми, в первую очередь с молодежью. Просьб и приглашений на выступления он получал множество. И старался никому не отказать. К каждой встрече Алексей Петрович основательно готовился — думал, читал, делал записи.

В августе 1957 года Маресьев стал почетным гостем VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве. Этот форум, проходивший под лозунгом «За мир и дружбу», собрал 34 тысячи участников из 131 страны мира. В памяти участницы фестиваля И. П. Барыкиной-Колесниковой

сохранилась встреча с прославленным летчиком: «Тогда прошло всего 12 лет после окончания войны. Война еще напоминала о себе огромными людскими потерями, разрухой. А поэтому всем хотелось мира, дружбы народов. Эти призывы к миру, дружбе звучали на всех мероприятиях фестиваля.

С огромным вниманием и теплотой относились делегаты фестиваля к участникам Великой Отечественной войны. Мне посчастливилось побывать на встрече с Героем Советского Союза летчиком А. П. Маресьевым. Встреча состоялась на Манежной площади в один из дней фестиваля. В сумерках несколько тысяч молодых людей пришли на Манежную площадь. У каждого в руках горящая свеча в память о погибших защитниках Родины. На трибуне появляется Маресьев, которого встретили овацией. Он говорит о тяготах войны, о потерях миллионов людей и великой победе, призывает беречь мир от войны. Заканчивается встреча песней „Гимн демократической молодежи“. Мы все на разных языках страны поем:

Дети разных народов
Мы мечтою о мире живем.
В эти грозные годы
Мы за счастье бороться идем.

Затем мы общались между собой, обменивались сувенирами, адресами, значками...»

Поездки, встречи, выступления... И хотя это тоже являлось частью работы нашего героя, никто не отменял текущих дел, которых хватало с избытком. Ключевым направлением работы СКВВ являлось решение социальных проблем инвалидов и участников войны. Еще 6 мая 1942 года советское правительство приняло Постановление «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны», в соответствии с которым совнаркомам союзных и автономных республик, областным и краевым исполкомам, руководителям предприятий, учреждений и организаций было предложено в кратчайшие сроки, без задержек, предоставлять инвалидам Отечественной войны необходимую работу. На руководителей хозяйственных и советских организаций была возложена персональная ответственность за создание инвалидам необходимых производственных и бытовых условий, предоставление в первую очередь жилплощади. Это же постановление обязало наркоматы социального обеспечения организовать

обучение новым специальностям инвалидов Отечественной войны, которые по состоянию здоровья не могли быть использованы по их прежней специальности.

В то тяжелейшее время, когда война грохотала в глубине России, государство немного могло сделать для улучшения материального положения и бытовых условий инвалидов и участников войны, а также семей погибших воинов. Но все, что было возможно, делалось безусловно.

Однако в послевоенные годы, когда миллионы солдат вернулись с полей сражений, проблем жилищных, кадровых, пенсионных, медицинских прибавилось в разы. Причем с такими проблемами в равной степени сталкивался что бывший солдат-пехотинец, пропахавший пол-Европы, что не раз горевший в танке отставной офицер-танкист, что медсестра, вынесшая на своих хрупких плечах десятки раненых... И даже маршал. Кому-то это может показаться странным, но маршал авиации Г. А. Ворожейкин, бывший командующий 15-й воздушной армией, в которой воевал одно время Маресьев, после увольнения в 1947 году по болезни остался не у дел. Когда Ворожейкин обратился в райком партии по месту жительства с просьбой помочь ему устроиться на соответствующую его уровню работу, то ему, маршалу авиации, недавнему 1-му заместителю командующего ВВС страны, словно в насмешку, один из партийных секретарей предложил должность... заведующего баней. К сожалению, встречались и такие вопиющие факты.

Конечно, в стране хватало учреждений, куда могли обращаться вчерашние фронтовики со своими наболевшими вопросами. Но правда и то, что им часто приходилось наталкиваться на непробиваемые заслоны бюрократизма, волокиты, равнодушия и черствости чиновников. И тогда последней инстанцией, где фронтовики находили поддержку, был СКВВ. Писали, шли, ехали туда. Знали, что там откликнутся, выслушают, разберутся, помогут. Сколько человеческих судеб прошло через душу и сердце Маресьева — сейчас через версты времени уже не сосчитать. Однако с уверенностью можно сказать, что счет идет на тысячи.

Вот лишь одна трогательная история. Ее поведала автору книги И. Латышева, дочь и внучка фронтовиков. Вот ее рассказ: «С именем Алексея Петровича Маресьева в нашей семье связана реальная Благодарная память. Наша семья жила в 1950-х годах в центре Днепропетровска на улице Ленинградской в старой хате, состоявшей из одной комнаты. Однажды, когда я, восьмилетняя девочка, делала уроки за столом, прямо на меня обрушилась часть потолка. Кроме жуткого испуга, слез, царапин и синяков больше серьезных „ранений“ не было. Вечером по радио была всеми

любимая передача „Где же вы теперь, друзья-однополчане...“. Моя мама всю войну прошла с 46-м гвардейским ночным бомбардировочным авиационным Таманским Краснознаменным, ордена Суворова 3-й степени полком („ночные ведьмы“). После тяжелого ранения вернулась в строй, в Берлине на рейхстаге расписалась за себя и погибшую 22-летнюю сестру, стрелка-радиста тяжелых бомбардировщиков. Папа тоже воевал, только в истребительном авиаполку, дядя — танкист... Всего в нашей семье сражались с фашистами 9 человек, из них — 3 женщины. Слушая передачу по радио и все еще представляя, что дочка могла погибнуть под обломками потолка, мама написала слезно-гневное письмо в редакцию о судьбе семьи (2 человека погибли, 4 ранены). Отправила, никому не сказав. Редакция переслала письмо Алексею Маресьеву, ответственному секретарю Советского комитета ветеранов войны. Через какое-то время ее вызвали в обком партии. Шла туда не без дрожи в коленках. Маму проводили в кабинет тогдашнего 1-го секретаря Днепропетровского обкома партии В. В. Щербицкого. Партийный секретарь пожал ей руку и тут же спросил: „Мэри Иосифовна, почему о такой героической женщине в нашем городе я узнаю от Алексея Петровича Маресьева?“ Маме сразу предложили на выбор: 3-комнатную квартиру на Левобережье или 2-комнатную в центре. Она выбрала центр, улица Комсомольская (до революции Казачья, теперь Старокозацка). А в день моего 12-летия двоюродные бабушка и дедушка — военврачи в годы войны — подарили мне большую красивую книгу Бориса Полевого „Повесть о настоящем человеке“. Я ревела, читая историю летчика. Книга с надписью „Будь и ты, Ирочка, Настоящим Человеком“ сегодня бережно хранится в нашей семейной библиотеке».

К людским бедам, которые для Маресьева никогда не были чужими, нежданно-негаданно добавилась в те годы и своя горесть. В 1958 году в семье Маресьевых на свет появился второй ребенок, которого в честь отца назвали Алексеем. Мальчик рос здоровым, крепким. Но через три года пришло несчастье. Находясь в детском саду, маленький Алеша отодрал от паркета тоненькую щепочку, засунул ее в нос, а кусочек обломился и остался внутри. Ни в детском саду, ни дома тогда на это не обратили внимания, поскольку не знали об оставшемся в носу мальчика инородном предмете. Вскоре началось нагноение, инфекция попала в мозг. А дальше — неизлечимая болезнь под названием «эпилепсия».

По словам брата Виктора, «Алексей четыре раза в день пил по 9–11 таблеток, которые очень дорого стоили. Отец даже просил зарплату ему поменять на доллары по низкому курсу, чтобы покупать в венской аптеке очень редкие лекарства. Так и прожил брат с родителями всю жизнь. Ни

рюмочки не выпил, ни разу не поцеловался. В основном с ним занимался отец. Алешкина болезнь нам всем была как ножом по сердцу. Умер он в 2002 году. Ему было 44 года».

Болезнь младшего сына для Маресьева до конца жизни оставалась незаживающей раной. Это был тяжкий крест, который он упрямо нес, не передавая никому. Алексей Петрович никогда не жалел для сына денег на дорогие зарубежные лекарства. Более того, взял за правило ежемесячно откладывать часть зарплаты на счет в сберегательной кассе.

— Я хочу накопить сумму, чтобы проценты составляли 100 рублей в месяц, — делился Алексей Петрович своими финансовыми планами с коллегами по работе. — Еще 32 рубля Алешиной пенсии по инвалидности — и он сможет на эти деньги безбедно прожить, когда меня уже не будет на белом свете.

К началу 1990-х годов Маресьеву удалось накопить 50 тысяч рублей — деньги по советским меркам не просто огромные, а колоссальные. Но непродуманные реформы тех лет — сначала павловская, а затем гайдаровская — обратили весь маресьевский «капитал» в жалкие гроши, на которые можно было купить разве что несколько ящиков водки.

Однако вернемся к послевоенным рабочим будням нашего героя. Ежедневно на стол Маресьева ложилась объемная стопка писем. Некоторые авторы посланий, не зная точного адреса СКВВ, писали на конвертах буквально следующее: «Москва. Кремль. Маресьеву». Наверное, полагали, что Маресьев работает именно там. А часто просто писали: «Москва, Маресьеву». Писем приходило много. Ведь только инвалидов войны, согласно официальной статистике, в стране насчитывалось почти три миллиона человек. Их пенсии были мизерными, медицинская помощь и обеспечение лекарствами, протезами оставляли желать лучшего.

Конечно, такие люди нуждались в особой поддержке и помощи. Однако отношение к вчерашним фронтовикам, потерявшим в боях с врагом руки, ноги, зрение, слух, было нередко безразличным. Еще более бездушно чиновники относились к «самоварам Сталина» — так кощунственно окрестили людей, которые на войне лишились всех конечностей. У этих несчастных не имелось семей, они часто спивались, не по своей воле становились пособниками воров и бандитов. Сотрудники СКВВ буквально шли в атаку на чиновников, штурмовали их кабинеты, обрывали телефонные трубки с одной лишь целью — помочь фронтовикам решить ту или иную острую проблему. В большинстве случаев добивались положительного решения вопроса.

Однажды Маресьева даже вызвали в ЦК, где ему прямо сказали:

— Алексей Петрович, дорогой, не превращайте комитет в собес.

Маресьев за словом в карман не полез, сразу нашел чем ответить:

— Социальное обеспечение само собой, но если придут люди с просьбой — я же их не выгоню. И буду им стараться помочь...

— Нет, — продолжал работник аппарата ЦК, — ваше дело заниматься вопросами международного сотрудничества, патриотическим воспитанием молодежи, а всего остального как можно меньше.

С приходом в 1964 году к власти на место крепко разругавшегося с высшим военным руководством Н. С. Хрущева нового руководителя страны Л. И. Брежнева отношение к ветеранам и инвалидам войны в корне поменялось. Сам фронтовик, имевший ранения и контузии, начавший воевать полковым комиссаром в тяжелом 1941 году и закончивший войну в победном мае 1945 года в Праге начальником Политуправления 4-го Украинского фронта, Брежнев многое сделал для обеспечения инвалидов и участников войны всем необходимым. А также для укоренения памяти о подвиге советского народа в борьбе с фашизмом.

Меньше чем через год после избрания Брежнева генеральным секретарем ЦК КПСС, 6 марта 1965 года, вышло постановление Совета министров СССР «О расширении льгот инвалидам Отечественной войны и членам семей военнослужащих, погибших в Отечественную войну». Самое активное участие в его подготовке приняли СКВВ и лично Маресьев, знавший, как никто другой, проблемы ветеранов. Знаменательно, что этот социально значимый нормативный акт был принят в преддверии возрождения всенародного празднования Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

Документ вменил в обязанность советам министров союзных республик принять меры по коренному улучшению лечебно-профилактической помощи инвалидам, обеспечить преимущественное обслуживание их в амбулаторно-поликлинических учреждениях и внеочередную госпитализацию. Профсоюзные организации должны были обеспечивать первоочередное направление работающих инвалидов Отечественной войны в санатории, дома отдыха и на амбулаторно-курортное лечение, заботиться в первую очередь о направлении их детей в пионерские лагеря.

Этим же постановлением Совет министров СССР обязал советы министров союзных республик, министерства, ведомства, исполкомы местных Советов оказывать всемерное содействие инвалидам Отечественной войны и семьям военнослужащих, погибших в Отечественную войну, в преимущественном обеспечении их жилой

площадью и в строительстве индивидуальных жилых домов.

Еще один важный документ был опубликован в центральных газетах 27 апреля. Это был Указ Президиума Верховного совета СССР от 26 апреля 1965 года, он гласил: «Президиум Верховного Совета СССР постановляет: День 9 мая — праздник победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — впредь считать нерабочим днем». И здесь тоже есть большая заслуга СКВВ, руководство которого неоднократно обращалось в высшие инстанции страны с ходатайством сделать этот святой день настоящим праздником.

В результате он действительно стал таковым. 9 мая 1965 года на улицы городов, поселков, сел, станиц, деревень, аулов и кишлаков впервые вышли тысячи ветеранов, на пиджаках которых сверкали ордена и медали. В этот же день на Красной площади в Москве после долгого перерыва в ознаменование 20-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне состоялся военный парад. Он стал важнейшим событием в жизни всей страны и обозначил пристальное внимание государства к людям, которые отстояли свободу и независимость Родины и освободили Европу от коричневой чумы.

Парад транслировали в прямом эфире по телевидению. Маресьев вместе с другими почетными гостями смотрел его с трибуны, установленной рядом с Мавзолеем В. И. Ленина. У него, как и у миллионов советских людей, дрогнуло от волнения сердце, когда на Красную площадь вынесли Знамя Победы. Знаменная группа в составе легендарных участников штурма Рейхстага Героев Советского Союза полковника К. Я. Самсонова, сержанта М. А. Егорова и младшего сержанта М. В. Кантария чеканным шагом прошла с алым полотнищем по гранитной брусчатке главной площади страны. Вечером того же дня, в 18.50, в разных уголках страны из радиоприемников раздался мощный голос Ю. Б. Левитана: «Слушайте Москву! Сейчас работают все радиостанции Советского Союза и Центральное телевидение. Слушайте Москву!»

«Товарищи! Мы обращаемся к сердцу вашему. К памяти вашей...» Это уже был выразительный голос диктора В. В. Енютин. На фоне музыки Роберта Шумана зазвучали чеканные слова: «Вспомним тех, кто не вернулся с войны, кто не дошел с нами до Дня Победы. Нет семьи, которая не потеряла бы отца или брата, сына, сестру, дочь. Нет дома, которого не коснулось бы военное горе. У каждого свой счет к войне. У матерей — за сыновей, в чью гибель они никогда не поверят и до самых последних дней будут все ждать и ждать их. У детей — за отцов, от которых в памяти остались только прощальный поцелуй да сильные руки, когда-то высоко

поднявшие ребенка. Проходят весны и зимы. Проходит год за годом, а они все те же, какими ушли от нас. Они всегда с нами и в нас... Минутой молчания мы чтим всех погибших в Великой Отечественной войне! Они всегда с нами — в наших домах, в цветущих садах и лесах новостроек, в светлых улыбках детей, в том счастье, что принесла на родную землю наша Победа...»

Спустя десятилетия после окончания Великой Отечественной войны это была первая минута молчания. Она заставила многих людей, сидевших за празднично накрытыми столами, встать, затаить дыхание. Даже в театрах и концертных залах были прерваны спектакли. На улицах Москвы останавливались автобусы, трамваи и троллейбусы. Люди выходили и застывали в скорбном молчании. Многие плакали.

К сожалению, в те праздничные майские дни Маресьев понес тяжелую личную утрату — умерла его мать Екатерина Никитична. Для Алексея Петровича она всегда была самым дорогим и близким человеком, совестью и примером в трудный час. Однако жизнь продолжалась...

Через два года, 8 мая 1967 года, Маресьев оказался в самом центре людского внимания. Миллионы телезрителей увидели не экранного, а реального Настоящего человека. Причем не только в Советском Союзе, но и во многих странах мира. В этот день в Александровском саду, у древней Кремлевской стены при непосредственном участии Маресьева был открыт мемориальный комплекс «Могила Неизвестного Солдата» и зажжен Вечный огонь. Но обо всем по порядку.

Вопрос о том, что в Москве должен стоять памятник безымянным воинам, павшим смертью храбрых на фронтах Великой Отечественной войны, обсуждался еще при прежнем руководителе страны Н. С. Хрущеве. Необходимость строительства такого мемориала к тому времени более чем назрела, поскольку в ряде европейских столиц, в частности, Белграде, Риме, Варшаве, Париже и других городах, Могилы Неизвестного Солдата уже были открыты. Многим это покажется странным, но столица Советского Союза подобного мемориала не имела. Хотя, как всем известно, советский народ вынес на своих плечах всю тяжесть самой страшной войны XX века. Более того, число безымянных могил, находившихся в местах отгремевших боев, было огромное количество, равно как и число пропавших без вести солдат и офицеров.

Вскоре решение о сооружении мемориала было принято, а первым шагом к началу его строительства стал перенос праха неизвестного солдата, погибшего зимой 1941 года на 40-м километре Ленинградского шоссе у деревни Крюково. 3 декабря 1966 года из Зеленограда прах

доставили в Москву на орудийном лафете. На улице Горького его встречали десятки тысяч москвичей. От мала до велика. Люди не скрывали слез, когда мимо них двигался траурный кортеж.

— Кого хоронят? — спрашивали те, кто был неосведомлен о происходящем.

— Останки неизвестного солдата! — был ответ.

И улица вбирала в себя еще больше людей.

В скорбном молчании процессия прибыла на Манежную площадь. У ворот Александровского сада процессию встретил генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, а вместе с ним — маршалы Советского Союза Г. К. Жуков и К. К. Рокоссовский, командовавшие во время обороны Москвы, когда погиб неизвестный солдат, Западным фронтом и 16-й армией. Как говорилось в репортаже с места событий: «За гробом идут руководители Компартии и Советского правительства, маршалы»...

Уже через полгода мемориал «Могила Неизвестного Солдата» (архитекторы Ю. Р. Рабаев, Д. И. Бурдин, В. А. Климов, скульптор Н. В. Томский) был закончен. Мемориал представлял собой большую надгробную плиту, на которой авторами была создана символическая скульптурная композиция: лавровая ветвь и солдатская каска на ниспадающем тяжелыми складками знамени. В центре — ниша с бронзовой пятиконечной звездой и надписью «Имя твое неизвестно, подвиг твой бессмертен».

Седьмого мая 1967 года в Ленинграде от Вечного огня на Марсовом поле зажгли факел, который по эстафете на бронетранспортере доставили в Москву. По свидетельству участников этого памятного мероприятия, на всем пути от Ленинграда до Москвы стоял живой коридор — тысячи людей считали своим долгом отдать дань памяти солдатам Великой Отечественной войны. У Манежной площади факел принял Маресьев. По протоколу он должен был его передать генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу.

Сохранились уникальные кадры кинохроники, запечатлевшие незабываемые минуты этой торжественной церемонии. Легендарный летчик с факелом в руке в сопровождении знаменных четким строевым шагом подходит к руководителю государства, передает его. Еще мгновения — и пламя Вечного огня вспыхивает над Могилой Неизвестного Солдата.

«Я видел плачущих мужчин и молящихся женщин, — вспоминал очевидец этого события писатель Д. А. Минченков. — Люди замерли, стараясь не пропустить самого важного мига — зажжения Вечного огня».

А вот свидетельство ветерана Великой Отечественной войны В. Н.

Лачугина: «В Александровский сад въехал бронетранспортер с факелом, зажженным от Вечного огня на Марсовом поле Ленинграда, и остановился ближе к Манежу, метрах в 50-ти от мемориала.

Офицер, прибывший на бронетранспортере, передал факел А. П. Маресьеву. Герой Советского Союза, легендарный летчик по-военному четко повернулся и понес факел к мемориалу.

Как он шел!

Это был четкий шаг, безупречная осанка, целеустремленное и вдохновенное лицо!

Он осознавал значение этого исторического момента и всю полноту ответственности — достойно выполнить эту почетную миссию от имени всего фронтового братства — и живых, и павших.

В те мгновения мне показалось, что весь мир должен навсегда запомнить именно этот образ Настоящего Человека Планеты, выполняющего исторический долг — увековечить память тех, кто не вернулся с войны».

С тех пор каждый год 9 мая, 22 июня, в другие памятные дни люди идут в Александровский сад, чтобы возложить на могилу цветы и поклониться Неизвестному солдату. Кажется, Вечный огонь здесь горел всегда. Между тем ныне мало кто, особенно из нового поколения граждан России, знает, что этот огонь был зажжен и благодаря Маресьеву. С 1997 года здесь располагается пост № 1, на который заступают воины роты почетного караула.

К месту сказать, когда в 1985 году в Советском Союзе началась перестройка, в ряде «демократических» СМИ Алексея Петровича пытались уязвить этим, якобы подобострастным поведением перед главой государства. Дескать, не надо было строевым вышагивать, да и самому нужно было зажигать Вечный огонь, а не передавать Брежневу факел. Подобные выпады обличителей Маресьев парировал достаточно спокойно: «Факел я вручал не генсеку, а такому же, как сам, фронтовику, который всегда очень душевно и заботливо относился к тем, кто воевал в минувшей войне. А вот Горбачев и Ельцин ни разу у меня не поинтересовались, как живут, вернее, как доживают свою жизнь ветераны».

И не согласиться с этим нельзя. Вообще, эпоху правления Брежнева Маресьев оценивал очень положительно. Но вовсе не потому, что у него с генсеком были хорошие отношения, перешедшие в дальнейшем в настоящую человеческую дружбу, а потому, что Леонид Ильич действительно уважал и любил фронтовиков. Сам он, как уже сказано в нашем повествовании, прошел войну от звонка до звонка. Добавим, был

награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны 1-й степени, Богдана Хмельницкого, Красной Звезды. А боевые награды, всем известно, просто так не давали. 24 июня 1945 года в составе сводного полка 4-го Украинского фронта генерал-майор Брежнев принимал участие в Параде Победы на Красной площади.

Именно при нем в стране кардинально изменилось отношение к ветеранам. Государство в тот период много внимания уделяло решению вопросов, связанных с социальным обеспечением инвалидов и участников Великой Отечественной войны, оказанием помощи семьям погибших воинов. Для казны такая забота была не слишком обременительной, зато на самоощущение ветеранов она влияла весьма благотворно. Было принято несколько важных постановлений партии и правительства, в подготовке которых принимал самое активное участие СКВВ.

Так, в преддверии 30-й годовщины Победы, 18 апреля 1975 года, ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «О дополнительных льготах для инвалидов Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих». Этим нормативным актом был введен ряд новых льгот, касающихся выплаты пенсий, оплаты жилплощади и коммунальных услуг. В частности, инвалидам Великой Отечественной войны I и II групп и приравненным к ним инвалидам из числа военнослужащих и проживающим с ними членам семей предоставлялась пятидесятипроцентная скидка на квартирную плату и коммунальные услуги. Всем без исключения инвалидам было предоставлено право бесплатного проезда на всех видах городского пассажирского транспорта (кроме такси), а также на автомобильном транспорте общего пользования в сельской местности. А многие инвалиды, нуждающиеся по заключению врачебных комиссий в специальных средствах передвижения, стали обеспечиваться бесплатными автомашинами «Запорожец» с ручным управлением.

Примечательно, что не кто иной, как Маресьев, приложил немало усилий для того, чтобы инвалиды получали не мотоколяски-«инвалидки», а полноценные легковые автомобили. Как-то на совещании в Совете министров СССР один из министров спросил его, почему он так настаивает на обеспечении инвалидов войны автомобилями. Маресьев, обычно спокойный, тактичный, не выдержал. На глазах министров задрал штанину, взял со стола указку и, колотя ею, по своему протезу, прямо рубанул:

— Вот почему! Люди за вас, за вашу жизнь воевали, а вы их на убогие коляски посадить хотите!

Больше вопросов ни у кого из присутствующих не возникло. Вскоре

состоялось соответствующее решение и инвалидов начали обеспечивать автомобилями.

— Да, действительно, «сражение» за автомобили было, — подтвердил этот факт Алексей Петрович, когда журналисты спросили его о том памятном совещании в Совете министров. — Решался принципиальный вопрос: чем обеспечивать инвалидов — мотоколясками или спецавтомобилями. Я от имени фронтовиков потребовал, чтобы в перечень включили и спецавтомобили, и мотоколяски.

Получение бесплатных «Запорожцев» стало для инвалидов войны незабываемым событием. Автор этих строк, будучи мальчишкой, был свидетелем того, как радовался такому подарку бывший танкист, гвардии старший сержант Николай Митрофанович Тратников.

Помню, это был летний день, когда наше село с быстротой молнии облетела весть: дядя Коля, по прозвищу Пучок, приехал домой на легковушке. Ближе к вечеру к дому Пучка потянулись мужики. А мы, пацаны, давно уже там крутились. Вскоре хозяин, средних лет мужчина, без ноги, опираясь на костыль, открыл калитку и призывно махнул рукой:

— Заходите!

В центре двора стоял голубого цвета «Запорожец». Настоящая роскошь тех лет. Мужики с крестьянской дотошностью стали осматривать автомобиль, обмениваться мнениями.

— Движок-то у него, видать, четырехцилиндровый... А сколько, интересно, «лошадей»?

— Двадцать шесть, — со знанием дела, переполняемый радостью, сказал Пучок.

— Николай, неужели бесплатно выдали? — спросил мой отец.

— Бесплатно, Сашка, бесплатно... Спасибо Родине, что не забыла про нас покалеченных.

И было видно, как слезы выступили на глазах дяди Пучка, которые он тут же смахнул рукавом рубахи.

Тратников воевал на Курской дуге, в Восточной Пруссии. В боях под Кенигсбергом его «тридцатьчетверку» подбили, он получил тяжелое ранение. Вернулся в родное село с орденом Красной Звезды, медалью «За отвагу» и без ноги. А что значит в двадцатилетнем возрасте остаться без ноги? Да еще на селе. Ни сеять, ни пахать, ни косить... Иными словами, ничего толком делать нельзя. Правда, председатель колхоза, тоже фронтовик, подыскал Тратникову место. Работал он на должности что-то вроде снабженца. За ним была закреплена лошадь, а для поездок в райцентр выделялась грузовая машина. Теперь же, когда Тратников сам сел

за руль, надобность в гужевом транспорте отпала. Многие служебные вопросы он решал на своем «Запорожце», колеся по району. Понятно, решал и свои личные дела: ездил в поликлинику, на рынок, перевозил с огорода выращенные овощи, сына из техникума на выходные забирал... И даже как-то совершил поездку на Кавказские Минеральные Воды в санаторий, расположенный за тысячи километров от села. Куда не любил дядя Пучок ездить, так это в областной центр на ВТЭК (врачебно-трудовая экспертная комиссия), где каждый год надо было подтверждать свою инвалидность. То есть члены комиссии должны были удостовериться, что новая нога у ветерана не выросла.

В те годы тысячи инвалидов, таких как упомянутый Николай Митрофанович, были обеспечены бесплатными автомашинами «Запорожец» с ручным управлением. И мало кто из них знал, кому они были за это обязаны. Только в Москве в течение нескольких лет инвалидам Великой Отечественной войны I и II групп было выдано бесплатно более 6 тысяч легковых автомашин. А всего к 1984 году 400 тысяч инвалидов войны стали обладателями «Запорожца» и мотоколясок. Маресьеву тоже полагался «Запорожец» с ручным управлением. «Симпатичная машинка, — отзывался он о ней. — Но маловата, в нее тяжело было садиться. Так я попросил, чтобы мне дали с доплатой обычный „Москвич“ с ножным управлением».

К тому времени Маресьев уже водил машину с педалями. Хотя, по словам Алексея Петровича, ему даже пришлось выдержать бой с медиками, врачи упорно хотели его посадить в автомобиль с ручным управлением. «Но это для меня было совершенно неприемлемо, я просто не сумел бы управлять таким автомобилем, — вспоминал он. — На самолетах ведь летал — ничего, а тут легковую машину не доверяют. В конце концов удалось все же решить и этот вопрос».

Не пришлось Маресьеву и доплачивать за «Москвич». В знак особых заслуг и в связи с его 50-летием Автомобильный завод им. Ленинского комсомола (АЗЛК) подарил легендарному летчику автомобиль, о котором он мечтал. Интересный штрих: когда на заводе рабочие узнали, кому предназначается «Москвич», собрали его вручную. Кроме того, еще со времен Сталина за Маресьевым пожизненно был закреплен автомобиль с водителем. Сначала это был «Опель», потом «Победа», а впоследствии — «Волга».

Не забыло государство и участников войны, не являвшихся инвалидами. Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 10 ноября 1978 года «О мерах по дальнейшему улучшению материально-

бытовых условий участников Великой Отечественной войны» им, так же как и инвалидам войны, были предоставлены беспроцентные ссуды на индивидуальное жилищное строительство, предоставлено право на преимущественное обеспечение жилой площадью, а также преимущественное право на обеспечение по месту работы путевками в санатории, профилактории и дома отдыха, на прием в садоводческие товарищества и кооперативы и на установку телефона. При выходе на пенсию за ветеранами было установлено право пользования поликлиниками, к которым они были прикреплены в период работы.

Кроме того, фронтовики могли использовать ежегодный отпуск в удобное для них время, а также получить дополнительный отпуск сроком до двух недель в году. Были установлены и другие льготы. Государство не на словах, а на деле реализовывало социальную политику в отношении ветеранов войны.

К середине 80-х годов прошлого века в стране не без активного участия СКВВ сложилась четкая система льгот и преимуществ участникам и инвалидам войны. Постановлением Совета министров СССР от 23 февраля 1981 года № 209 было утверждено «Положение о льготах для инвалидов Отечественной войны и семей погибших военнослужащих». В этом Положении льготы инвалидам войны и семьям погибших воинов были изложены в строгой последовательности по областям социальных отношений. В нем имелись разделы:

1. Льготы по медицинскому обслуживанию, санаторно-курортному лечению и выплате пособий.
2. Льготы по обеспечению транспортными средствами и оплате проезда.
3. Жилищно-бытовые льготы.
4. Льготы по трудовому устройству.
5. Другие льготы.
6. Круг лиц, имеющих право на льготы.

Несколькими годами позже, 26 июля 1984 года, в связи с 40-летием Победы советского народа в Великой Отечественной войне ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли сразу два постановления — «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих» и «О дальнейшем улучшении материально-бытовых условий Героев Советского Союза и лиц, награжденных орденом Славы трех степеней».

Если говорить о конкретных льготах, которые получили тогда участники и инвалиды Великой Отечественной войны, семьи погибших

военнослужащих, то они существенные. Например, в соответствии с постановлением «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих» инвалидам I группы была установлена надбавка к пенсии в размере 50 рублей, а инвалидам II группы — 20 рублей. Были повышены пенсии по случаю потери кормильца: для семей старшего и высшего офицерского состава не ниже 60 рублей в месяц; для семей лиц младшего офицерского состава не ниже 60 рублей в месяц; для семей прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы не ниже 55 рублей в месяц. Постановлением полностью были освобождены от уплаты сельхозналога хозяйства, в состав которых ранее входили военнослужащие, умершие вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР или при исполнении иных обязанностей воинской службы, либо вследствие заболевания, связанного с пребыванием на фронте. Участникам Великой Отечественной войны также было предоставлено право на 50-процентную скидку от стоимости приобретаемых по рецепту врачей лекарств.

В процессе подготовки этих и других нормативных актов, а также при решении ветеранских вопросов Маресьеву в разные годы приходилось встречаться со многими руководителями министерств и ведомств. «С сильными мира сего я встречался, что называется, по работе, — вспоминал Маресьев. — Например, с председателями Совета министров СССР Алексеем Николаевичем Косыгиным, Николаем Александровичем Тихоновым... С маршалом Андреем Антоновичем Гречко общался чаще, но опять-таки по делу... Вообще мы, ветераны, раньше от правительства ни в чем отказа не знали. Бывало, звоню члену Политбюро ЦК, фамилию называть не буду. Берет трубку сам или помощник: „Что за проблемы, Алексей Петрович?“ — „На прием записаться хочу“. Через день — встреча. А еще через день решение по нашему вопросу готово».

К сожалению, после распада Советского Союза новые «сильные мира сего» не особо жаловали ветеранские организации. Попасть к ним на прием оказалось делом затруднительным. В частности, обида у Маресьева осталась на московские власти. Как-то он обратился в столичную мэрию, которую тогда возглавлял Г. Х. Попов^[41]. Сначала как заместитель председателя СКВВ. Градоначальник отказал в приеме довольно резко: «Я с ним разговаривать не буду!» Тогда Маресьев попросил помощников Попова принять его как москвича, прожившего в столице более сорока лет. И опять получил отказ. Аналогичная ситуация произошла и со следующим мэром столицы — Ю. М. Лужковым. К нему Алексей Петрович обратился

по поводу помещения под фонд ветеранов войны. У того тоже не нашлось свободной минуты, чтобы встретиться с легендарным летчиком. А выделение помещения затянулось на неопределенный срок.

Однако мы забежали вперед. Вновь вернемся в советское время. Для Маресьева это были годы интересной, насыщенной и плодотворной работы. Как, впрочем, для миллионов людей, которые, как оказалось с легкой руки некоторых псевдоисториков, жили в брежневскую «эпоху застоя». Но что такое «застой»? Это когда ничего не движется, не происходит, а стоит. Между тем, по оценкам многих серьезных ученых, это был самый спокойный и стабильный период развития страны за все предыдущие века. Ликвидировав военную разруху и за короткие сроки восстановив промышленность и сельское хозяйство, Советский Союз уверенно двигался вперед, становясь одной из самых мощных мировых держав. Именно в «годы застоя» СССР окончательно превратился в сверхдержаву, которая оказывала воздействие на другие страны и весь мир. Строились заводы и фабрики, прокладывались железные дороги и возводились электростанции, открывались новые дворцы культуры и учебные заведения... Народ стал жить лучше — получал квартиры, покупал мебель и одежду, приобретал автомобили, ездил отдыхать к морю. Бесплатные образование и медицина воспринимались как само собой разумеющиеся вещи. Уровень преступности был низким, люди чувствовали уверенность в завтрашнем дне. Большинство из них во имя этого благополучия и спокойствия старались трудиться честно и добросовестно. Каждый на своем рабочем месте. Маресьев принадлежал к числу таких людей. Работе он отдавал себя без остатка.

«Ему до всего было дело. Кабинет Алексея Петровича практически не закрывался. К нему обращались ветераны по самым разным вопросам. Он был душой Комитета. Всегда находил время побеседовать с ветераном, вникнуть в суть его проблемы, помочь. Душевная доброта, общительность, любовь и уважение к людям были отличительными чертами этого легендарного и простого человека, составляли суть его нравственности». Так сказал о Маресьеве председатель Российского союза ветеранов, депутат Государственной думы генерал армии М. А. Моисеев. И в этих словах нет никакого преувеличения, о чем свидетельствует одна история из многих, рассказанная И. П. Чуприк-Малиновским, коллегой Алексея Петровича по работе в СКВВ.

В один из дней, вспоминал Чуприк-Малиновский, СКВВ посетили гости с Кубани — группа школьников во главе со своим учителем, бывшим пулеметчиком партизанской бригады «За Родину» Н. П. Башаро. Гости

встретились с Маресьевым, доложили ему о своих следопытских делах. А когда Башаро с подопечными выходил из кабинета, Алексей Петрович заметил, что у гостя какая-то странная походка. Обратившись к Башаро, он спросил:

— Николай Петрович, что это с вами? Нездоровится?

— Нет. Все в порядке.

— Мне показалось, что вы как-то неустойчиво, кренясь набок, пошли,
— продолжал Маресьев.

— Да ведь я без одной ноги. Ампутировали после тяжелого ранения,
— сказал Башаро. — Смастерил сам деревянную колодку. Вот и хожу.

Маресьев ужаснулся:

— А что, нормального протеза у вас нет?

— Нет, Алексей Петрович. Но вы не беспокойтесь, я уже привык.

— Так дело не пойдет, — сказал Маресьев. — Надо заказывать протез.

Уже на следующий день в одной из столичных клиник у бывшего партизана снимали мерки для изготовления протеза.

Через полтора месяца Башаро был приглашен в Москву. Ему вручили новенький добротный протез.

Дополним этот рассказ воспоминаниями генерал-полковника В. М. Кожбахтеева, которому посчастливилось работать с Алексеем Петровичем: «Не могу не вспомнить и то, как доброжелательно относился А. П. Маресьев к посетителям-ветеранам. Особенно часто к нему на прием шли инвалиды войны. Фронтовики, пожилые люди, получившие ранения, к сожалению, не всегда находят понимание у своих близких. К кому идти со своими проблемами? — К Маресьеву. Он, будучи сам инвалидом, — их единомышленник. Он хорошо понимал, что такое общение, ему можно „излить“ душу. С ним можно поговорить о судьбе сослуживцев, общих знакомых.

Инвалиды помнят инициативную работу Алексея Петровича в Советском комитете ветеранов войны. Созданная по его предложению Комиссия по делам инвалидов при СКВВ установила тесные деловые связи с министерствами здравоохранения, автомобильной промышленности, Советом по курортам ВЦСПС.

Комиссия при активном участии А. П. Маресьева внесла немало важных предложений, направленных на улучшение условий жизни и труда ветеранов. Многое удалось сделать. В частности, сохранить спецгоспитали для инвалидов. Были развернуты новые госпитали, их оснастили новейшим оборудованием, укомплектовали высококвалифицированными кадрами. И в это тоже заслуга А. П. Маресьева».

Имея за плечами большой жизненный опыт, Маресьев также стремился передать все ценное молодежи. Он был настоящим патриотом Отечества. Именно Алексею Петровичу принадлежала инициатива в 1965 году организовать поход комсомольцев и молодежи страны по местам боевой и трудовой славы под девизом «Никто не забыт, ничто не забыто». Молодежь, комсомольцы, возглавляемые учителями, ветеранами войны, энтузиастами, совершали пешие, лыжные и велосипедные походы по местам боев, встречались с фронтовиками, записывали их воспоминания. По всей стране в школах, училищах, техникумах, институтах создавались музеи и комнаты боевой славы, устанавливались памятные знаки и обелиски, выявлялись неизвестные имена и неизвестные эпизоды военной истории.

Ежегодно проходили слеты участников этих походов. В качестве почетного гостя на них присутствовал и Маресьев. Алексею Петровичу, другим почетным гостям слетов маршалам Советского Союза К. К. Рокоссовскому, И. С. Коневу, И. Х. Баграмяну, генералу армии В. И. Чуйкову, генерал-полковнику А. И. Родимцеву было что сказать подрастающему поколению. Эти слова находили отклик в сердцах молодежи. За период с 1965 по 1987 год во Всесоюзных походах приняли участие более 58 миллионов человек. Они собрали богатейшие исторические материалы, реликвии, фотографии, записи воспоминаний командиров и политработников, бойцов и партизан, на основе которых было создано свыше 63 тысяч музеев, комнат и уголков боевой славы. Во время походов следопыты установили более 17 тысяч памятников, обелисков и мемориальных досок на местах сражений, привели в порядок тысячи братских могил, заложили сотни парков и скверов, открыли имена более 45 тысяч неизвестных ранее погибших солдат Великой Отечественной войны.

СКВВ играл важную роль и на международной арене, развивая и укрепляя связи с коллегами из аналогичных зарубежных организаций. В своей деятельности Маресьев и его коллеги по комитету прилагали немало усилий для того, чтобы объединить широкие круги международной общественности в борьбе за укрепление мира, за разрядку международной напряженности против угрозы новой войны. Кому как не советским ветеранам, а в СКВВ состояло 280 бывших фронтовиков, было известно, сколько страданий, горя и слез приносит война.

На тот момент Советский комитет ветеранов войны являлся членом Международной федерации борцов Сопротивления и восьми международных комитетов, объединявших бывших узников фашистских

концлагерей. Кроме того, СКВВ установил контакты со Всемирной организацией бывших фронтовиков, а также с более чем 100 зарубежными организациями ветеранов войны, бывших военнослужащих и участников национально-освободительного движения. Еще больше укрепились связи с национальными организациями ветеранов войны Франции, Бельгии, Италии, Австралии, Англии, Дании, Канады, Норвегии, Голландии, Финляндии, Швеции... И, безусловно, прочные контакты были установлены с ветеранскими организациями стран Варшавского договора.

О своей работе на международном направлении Маресьев говорил так: «Есть ветераны войны против фашизма, а есть реваншисты с более чем сорокалетним стажем, которые, нацепив нацистские регалии, мечтают о восстановлении „нового порядка“ гитлеровского образца. Есть генералы, которые, пройдя войну от начала до конца, решили посвятить себя борьбе за мир. А есть генералы, которые до сих пор строят планы уничтожения ненавистного им Советского Союза. Поэтому всячески укреплять контакты с первыми и вести борьбу со вторыми — наша задача».

Для решения этой и других задач Алексею Петровичу часто приходилось выезжать в командировки. Он участвовал в подготовке и проведении Европейской встречи ветеранов войны за мир, безопасность и сотрудничество, которая проходила в Риме в 1979 году, Европейского симпозиума ветеранов войны по проблемам разоружения в Париже в 1975 году, VIII конгресса Международной федерации борцов Сопротивления в Минске в 1978 году и др.

С высоких трибун этих форумов Маресьев говорил не только о сохранении мира, но и не стеснялся разоблачать фальсификаторов истории Второй мировой войны, изобличать военных преступников. Для этого у него были все основания. Уже тогда на Западе стали появляться книги и статьи, авторы которых, кто как мог, старались обелить коричневую чуму XX века в глазах новых поколений, придать «человеческие» черты нацизму, подменить память народов о злодеяниях фашизма реваншистской тоской генералов и адмиралов. Слаженная пропагандистская машина Запада постоянно подвергала атакам Советский Союз, его союзников по Варшавскому договору. Многие советские инициативы искажались или извращались. А некоторые события западные СМИ переворачивали с ног на голову в угоду своим политическим интересам.

Приведем лишь один характерный пример, который имел место на Европейском конгрессе участников войны и борцов Сопротивления, состоявшемся во Флоренции в апреле 1986 года.

«На тот момент благодаря новым инициативам СССР общий климат в

Европе стал несколько улучшаться, — пишет в своих воспоминаниях коллега Маресьева по работе в СКВВ полковник в отставке В. И. Горленко. — Если не шаг, то полшага назад от опасной черты был уже сделан. Во Флоренции перед участниками конгресса с большой речью выступил Маресьев. Она была посвящена вопросам укрепления мира, полного прекращения ядерных испытаний. „Если бы дело дошло до атомного конфликта, — сказал Алексей Петрович, — прежде всего пострадали бы Европа, миллионы ее жителей, ее великие памятники мировой культуры, такие как Ленинград и Москва, Флоренция и Рим, Париж и Лондон“.

По сути, его речь была ярким убедительным призывом к поискам выхода из опасной ситуации, к нормализации отношений между двумя противостоящими блоками — странами Варшавского договора и НАТО. Казалось бы, кто мог выступить против подобных призывов? Оказывается, могли.

Буквально на следующий день влиятельная итальянская газета „Република“ вышла под крупным заголовком: „Маресьев угрожает уничтожить Рим и Флоренцию!“ Больше всего задевало то, что кое-кто из участников конгресса подходил к членам советской делегации не со словами возмущения поступком солидной газеты, а с призывами „выбирать слова, когда вы говорите не в Москве, а в Западной Европе“. Спокойным оставался один человек — Алексей Петрович Маресьев. „А чего можно ожидать от этих борзописцев? Они выполнили заказ, а там хоть трава не расти“».

«Вообще, необычайная выдержка, спокойствие при самых сложных обстоятельствах были характерной чертой Алексея Петровича, — вспоминал уже знакомый читателю И. С. Кремер. — Именно эти его черты помогли Международной федерации борцов Сопротивления благополучно пережить трудные годы „разброда и шатания“ в международных общественных организациях: во Всемирной организации профсоюзов, международных демократических объединениях женщин, молодежи, студентов. Все эти организации в начале 80-х годов распались из-за внутренних разногласий. И только одна — Международная федерация борцов Сопротивления — продолжает свою деятельность и в наши дни. Как и прежде, в центре ее внимания — мир между народами, радикальное сокращение вооружений, борьба с любыми проявлениями нацизма, с попытками властей в некоторых странах уничтожить материальные следы нацистского варварства — бараки концлагерей, крематории, где заживо уничтожали людей».

Но наиболее сложно выстраивались у СКВВ отношения с

американскими ветеранами Второй мировой войны. В первое десятилетие после ее окончания эти контакты были более-менее плодотворными. Ежегодно американская сторона отправляла свои делегации в СССР. В частности, в гостях у советских ветеранов в те годы побывали члены Ассоциации ветеранов и инвалидов Второй мировой войны, руководители Американского легиона (организация ветеранов боевых действий), представители правительственного Департамента по делам ветеранов. В свою очередь советские ветераны, среди которых был и Маресьев, также неоднократно выезжали в США.

Однако чем сильнее разгоралась холодная война между двумя сверхдержавами, сопровождавшаяся гонкой обычных и ядерных вооружений, временами угрожавшая перерасти в горячую, третью мировую войну, тем хуже становились отношения между бывшими союзниками по борьбе с нацистской Германией. Ввод советских войск в Афганистан (1979) в значительной степени усилил противостояние двух стран. США разорвали ряд договоров и соглашений, объявили эмбарго на торговлю с Советским Союзом. Одновременно был объявлен бойкот Олимпиаде-80, которая должна была проходить в Москве. Под санкции попал и СКВВ, представителям которого американские власти запретили въезд в США. В результате контакты стали все реже и реже, а затем и вовсе прекратились.

По словам Алексея Петровича, «вины в этом американских ветеранов не было. Что они, что мы, утвердившие в 1945 году мир на земле, старались его сберечь и сохранить. Я был твердо убежден, что это благородное дело надо продолжать. Поэтому решил тогда обратиться с посланием к американским ветеранам войны».

Письмо Маресьева к американским ветеранам войны под заголовком «Сберечь и защитить мир» было напечатано в газете «Известия» 23 апреля 1980 года. В нем он напомнил бывшим союзникам о весне 45-го, когда «после напряженных лет войны и грома сражений наступила удивительная и спокойная тишина мира». Красной нитью через все письмо прошла мысль о том, что война — это всегда смерть, разрушения, человеческие трагедии. А в век расщепленного атома война грозит гибелью всему человечеству.

«Я горжусь тем, что моя страна на протяжении всех послевоенных лет последовательно проводила курс на разрядку международной напряженности, обуздание гонки вооружений, развитие добрых отношений и взаимовыгодное сотрудничество со всеми заинтересованными в этом государствами на основе уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела, — писал Маресьев. — И никто не может нас упрекнуть в

несоблюдении всех взятых на себя международных и союзнических обязательств».

От имени советских ветеранов войны Маресьев заявил, что «мы не хотим, чтобы пламя войны вновь запылало и над Европой, и над другими континентами. Сберечь и защитить мир — это требование, как и тридцать лет назад, остается актуальным и сейчас. Вот почему я призываю вас, американских ветеранов, поднять свой голос во имя сохранения мира».

Как известно, большой войны в те годы не случилось, все ограничилось региональными конфликтами. Более того, в середине 1980-х годов значительно потеплели отношения между Советским Союзом и США. Безусловно, основная заслуга в этом принадлежала политикам двух стран, но нельзя сбрасывать со счетов и вклад ветеранов войны, на себе испытавших ее обжигающее дыхание.

Вообще, о ветеранской деятельности Алексея Петровича, которой он занимался без малого полвека, можно рассказывать и рассказывать. К примеру, огромная работа была проведена СКВВ в период с 1958 по 1986 год по розыску бывших узников немецких концентрационных лагерей (Бухенвальд, Дахау, Заксенхаузен, Маутхаузен, Флоссенбург, Ноейнгамме, Освенцим, Равенсбрюк, Штуттгоф и др.). В ряде случаев Маресьев непосредственно вел переписку с национальными общественными организациями, общественными деятелями, ветеранами войны в зарубежных странах, с международными организациями и комитетами бывших узников немецких концентрационных лагерей. Кроме того, он помогал Всемирной федерации бывших фронтовиков в розыске бывших немецких и японских военнопленных на территории СССР.

Годы работы Маресьева в СКВВ вместили в себя многие сотни его поездок как по родной стране, так и по дальнему зарубежью. Еще больше было встреч с людьми разных возрастов и профессий — счет идет на тысячи и тысячи. К нему обращались за помощью по разным вопросам, советовались, признавались в любви, благодарили за работу, а то и просто просили сфотографироваться на память или дать автограф с напутствием внуку... Иными словами, покой ему только снился...

В самом комитете Маресьеву посчастливилось трудиться в разное время под началом известных полководцев и военачальников. Начиная он, как сказано выше, с маршалом Советского Союза А. М. Василевским, с которым сразу сложились теплые отношения, деловая и хорошая дружба. Это был один из ярких полководцев недавней войны, проявивший на полях сражений свое военное искусство, талант, мужество и волю к победе. В повседневной жизни Александр Михайлович оставался интеллигентным,

скромным и обаятельным человеком. Во многом благодаря Александру Михайловичу, обладавшему огромным опытом штабной работы, за короткое время удалось наладить деятельность новой структуры. Например, повсеместно были созданы секции комитета ветеранов войны. Во многих республиках, краях и областях начали свою работу советы однополчан. Однако из-за болезни Василевский вынужден был оставить свой пост, но до конца жизни поддерживал связь с Маресьевым.

В дальнейшем у руля этой уважаемой и авторитетной организации стояли Герой Советского Союза маршал Советского Союза Кирилл Афанасьевич Мерецков (1958–1962), дважды Герой Советского Союза маршал Советского Союза Семен Константинович Тимошенко (1962–1970), дважды Герой Советского Союза генерал армии Павел Иванович Батов (1970–1981), Герой Советского Союза генерал-полковник Алексей Сергеевич Желтов (1981–1988), Герой Советского Союза маршал авиации Александр Петрович Силантьев (1988–1992), дважды Герой Советского Союза маршал авиации Николай Михайлович Скоморохов (1992–1994), Герой Советского Союза генерал армии Владимир Леонидович Говоров (1994–2006).

С каждым из этих военачальников у Алексея Петровича сложились не только рабочие, но и дружеские отношения. Хотя, безусловно, не так-то просто было находить взаимопонимание с людьми строгих уставных правил и крепкого закала, которые прежде командовали армиями, фронтами, являлись начальниками штабов разных уровней. Некоторые из них, а именно маршалы Тимошенко и Василевский, руководили в разные периоды военным ведомством страны.

Почти 8 лет Маресьев проработал с маршалом Советского Союза Семеном Константиновичем Тимошенко. Это был настоящий патриот Отечества, человек сильной воли, большой целеустремленности, честности и нравственной силы. Одновременно его знали как отзывчивого и душевного товарища. Семен Константинович обладал аналитическим умом, рассудительностью, деловитостью и трудолюбием. По словам Маресьева, его руководитель всегда занимал активную жизненную позицию, проявлял постоянную заботу о ветеранах войны, страстно отстаивал их права.

К значимым успехам СКВВ того периода можно отнести работу по увековечиванию памяти о погибших воинах. При активной поддержке комитета, в частности, Тимошенко и Маресьева, был открыт мемориал «Партизанам Смоленщины», на территории бывшего фашистского концлагеря Маутхаузен установлен памятник Герою Советского Союза

генерал-лейтенанту Д. М. Карбышеву. Тогда же существенно укрепились международные связи с ветеранскими организациями Европы, Азии, Африки и Америки. Показательный штрих: к 1969 году СКВВ установил отношения с 60 организациями, входившими в Международную федерацию борцов Сопротивления и с 20 самостоятельными комитетами и комиссиями бывших фронтовиков. Кроме того, только в течение 1968–1969 годов СКВВ направил в зарубежные страны более 40 делегаций советских ветеранов войны, столько же групп участников Второй мировой войны было принято в Советском Союзе.

С особой теплотой Маресьев отзывался о Павле Ивановиче Батове. Генерал армии, увенчанный двумя Звездами Героя Советского Союза, был необыкновенно скромным, истинно русским человеком. Сблизило Маресьева и Батова еще одно обстоятельство: оба были волгарями. Вместе они проработали почти 11 лет. В тот период большое внимание было уделено развитию и совершенствованию общественных комиссий. Были созданы Международная комиссия, Комиссия увековечивания памяти погибших при защите Отечества, Наградная, Организационная, которые возглавили бывшие фронтовики. Выросло и число секций — с 17 до 36. Что Батов, что Маресьев стали частыми гостями на Центральном телевидении в программе «Победители. Клуб фронтовых друзей».

Сам Батов так отзывался о Маресьеве: «Поражаюсь его [Маресьева] энергии и силе духа. Знаю порой, что он нездоров, что не все в порядке со здоровьем жены и сына, а он готовит документы к очередному заседанию президиума, встречается с посетителями комитета и делегациями... И все это спокойно, четко, без суеты и спешки. И не принимает никаких увещаний, уговоров отдохнуть, на несколько дней уйти от дел. Нет, продолжает выполнять многочисленные задачи, не упуская ничего, вплоть до самых малозначащих, казалось бы, деталей. В то же время безошибочно отбирает и отменяет все то, что не входит в круг его непосредственных задач и может состояться без его личного участия».

В период совместной работы Батова и Маресьева СКВВ был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени. Это событие произошло в мае 1975 года, когда страна отмечала 30-летие Победы советского народа над фашистской Германией. Орден СКВВ был вручен за большой вклад ветеранов войны в дальнейшее развитие народного хозяйства, патриотическое воспитание молодежи и плодотворную деятельность по укреплению дружбы между народами.

Не принижая заслуг того или иного председателя Советского комитета ветеранов войны, нужно сказать, что Маресьев играл огромнейшую роль в

его повседневной деятельности. Прославленная летчица, Герой Советского Союза Н. В. Попова, проработавшая с Маресьевым много лет, вспоминала: «Я всегда преклонялась перед Алексеем Петровичем. В военную пору он поднялся на олимп мужества. Многие годы, по сути, был первой скрипкой в Советском комитете ветеранов войны. К нему шли и шли люди. Одни за советом, другие с какой-либо житейской просьбой, третьи просто так, чтобы взглянуть на человека, олицетворяющего Мужество, Стойкость, Волю.

А он оставался самим собой: скромным до бескрайности и по-человечески мудрым, доступным и доверительным. Мы часто бывали вместе на различных встречах с детьми. И я, как руководитель комиссии, обычно представляла его аудитории. Конечно же, стремилась сказать о нем ярче и полнее. А он с некоторой долей укора говорил:

— Не надо, Наденька, обо мне так подробно и возвышенно говорить. Нужное я и сам скажу.

В нем жила чисто человеческая мудрость. В чем-то он был схож с хорошим сельским учителем. Говорил просто, ровно, спокойно, иногда прибегая к каким-либо житейским советам. И эта его незатейливость в разговоре покоряла слушателей — от убеленных сединой ветеранов до малолетних школьников.

Дети искренне любили Алексея Петровича, можно сказать, обожали. Помнится такой случай. Однажды Алексей Петрович не приехал вовремя на встречу со школьниками. Мы ждали его свыше часа. И тут я сказала:

— Ребята, может быть, на этом закончим встречу?

В ответ услышала:

— Нет, нет. Будем ждать. Мы приехали, чтобы увидеть Маресьева, услышать его.

Он вскоре вошел в зал. И тут разразилась буря аплодисментов. Она не смолкала, пока Алексей Петрович не поднял руку. Извинившись за опоздание из-за аварии машины, Маресьев повел свой обычный разговор: простой, ровный, спокойный, по-житейски мудрый. И надо было видеть, с каким вниманием и почтением слушали школьники идущие от сердца слова прославленного летчика-героя».

Так из дел, забот, поездок, встреч складывались маресьевские будни. В далеких 20-х годах прошлого века поэт Владимир Маяковский в поэме «Хорошо», обращаясь к юноше «обдумывающему житье, решающему сделать бы жизнь с кого», советует ему: «Не задумываясь — делай ее с товарища Дзержинского». Без всякого преувеличения можно сказать, что в 1950-е и последующие годы многие люди разных возрастов и профессий

как в Советском Союзе, так и в других странах «делали» жизнь с Маресьева. Об этом наш рассказ в следующей главе.

Глава 9. Яркий свет подвига

Я любил Овода, но Маресьева полюбил сильнее. Он был моим современником, жил вместе с нами на одной земле, и мне хотелось встретиться с ним, пожать его мужественную руку.

Ю. А. Гагарин, первый космонавт

Двенадцатое апреля 1961 года. 10 часов 15 минут... Кажется, весь мир, затаив дыхание, слушает радио, слушает Москву. Человек в космосе! Русский в космосе! В эфире звучит немного взволнованный голос диктора Ю. Б. Левитана:

— Полет продолжается! Пилот-космонавт Юрий Гагарин чувствует себя хорошо...

Проходят еще минуты. Десять, двадцать... Вновь левитановский голос, теперь уже стальной и радостный:

— Советский корабль «Восток» совершил благополучную посадку в заданном районе... — И еще несколько дорогих и важных слов для людей, сидящих у приемников, произносит диктор: — «Прошу доложить партии и правительству, что приземление прошло нормально, чувствую себя хорошо, травм и ушибов не имею».

Юрий Гагарин... В считанные минуты планета Земля узнала имя этого человека. Но вряд ли кто из миллионов людей ведал, что кумиром первого космонавта был легендарный летчик Алексей Маресьев. Да и сам Маресьев узнал об этом, когда спустя пять дней после исторического полета произошла их встреча в телевизионной студии. Два Героя. Два майора. Гордость страны. Маресьев обнял Гагарина, долго и крепко жал ему руку, сразу и бесповоротно начал разговор на «ты». Маресьеву на тот момент уже было 45 лет, а свежее испеченному майору Гагарину — 28.

В своей книге «Дорога в космос. Записки летчика-космонавта» Гагарин вспоминал, как он, будучи студентом Саратовского индустриального техникума, впервые узнал о Маресьеве: «В кино мы бывали почаще. Обычно ходили компанией, ведь в техникуме учились и девушки. После каждого фильма обязательно обменивались мнениями, спорили. Мне нравился фильм „Повесть о настоящем человеке“, сделанный по книге Бориса Полевого. Я смотрел его несколько раз и книгу тоже

прочитал не один раз. Хорошо в ней показана сила духа советского человека. Алексей Маресьев — прототип героя „Повести о настоящем человеке“ — был посильнее полюбившихся мне героев Джека Лондона, он был ближе мне по духу и устремлениям. Я частенько прикидывал про себя, как бы поступил, доведись мне попасть в такой же переплет, как Маресьеву. С детства я любил „Овода“, созданного Лилиан Войнич. Это был любимый герой мальчишек. Я читал: „У него на груди был спрятан платок, оброненный Монтанелли. Он осыпал этот платок поцелуями и проплакал над ним всю ночь, как над живым существом...“ И видел перед собой этот скомканный платок, ощущал его соленую влажность, ясно слышал выстрелы солдат, стрелявших в Овода.

Я любил Овода, но Маресьева полюбил сильнее. Он был моим современником, жил вместе с нами на одной земле, и мне хотелось встретиться с ним, пожать его мужественную руку».

Мечта Гагарина осуществилась. Во время той первой встречи он, волнуясь, крепко пожал руку Маресьеву. А тот подарил ему его любимую «Повесть о настоящем человеке», написав на титульном листе: «Желаю тебе пилотировать космические корабли на Луну, Марс, Венеру...»

С того памятного апрельского дня 1961 года началась дружба этих двух замечательных людей, продолжавшаяся вплоть до самой трагической смерти первого космонавта планеты. Их пути пересекались на партийных и комсомольских съездах, пленумах, слетах, конференциях... Вместе часто ездили на рыбалку, к слову сказать, оба были заядлыми рыбаками. Дружили семьями. Всегда, как и положено друзьям, помогали друг другу. Вот лишь один из примеров.

У Маресьева был катер. Вскоре и у Гагарина он появился — щедрый подарок первооткрывателю космоса сделала датская королева. Однако возникли проблемы с его регистрацией и стоянкой. Безусловно, рано или поздно проблемы были бы сняты, но Маресьев ускорил для своего «кореша» (так он иногда называл Гагарина) решение вопроса. Вскоре катера друзей стояли рядом. На борту маресьевского красовалась надпись МАГВА. Эта аббревиатура расшифровывалась так: Маресьев Алексей, Галина, Виктор, Алексей, то есть все члены семьи. А у Гагарина катер назывался «Дружба».

Последний раз друзья виделись за три дня до смерти Гагарина. Маресьев тогда находился в госпитале. Там же лежала и Валентина Ивановна, жена космонавта. Навестив супругу, Гагарин заглянул в палату к Маресьеву. Они шутили, строили планы поездки на рыбалку. Ничто, казалось, не предвещало беды. Однако она случилась. 27 марта 1968 года

полковник Гагарин, выполняя тренировочный полет на самолете МиГ-15УТИ под руководством опытного инструктора, Героя Советского Союза полковника В. С. Серегина, погиб в авиационной катастрофе. На фронте, в воздушных схватках с фашистами, Маресьеву часто приходилось терять боевых товарищей. Но то была война. По словам сына Виктора, «отец очень сильно переживал смерть Гагарина».

Юрий Гагарин был одним из тысяч послевоенных ребят, которые пришли в авиацию, прочитав книгу Бориса Полевого о подвиге Маресьева. Многие из них осуществили свои первые прыжки с парашютом в авиационно-спортивных клубах, совершили там первые полеты на планерах и самолетах.

«Впервые встретиться с гвардии майором в отставке А. П. Маресьевым мне довелось в 1948 году в Пермском авиационно-техническом училище, где я проходил курс молодого бойца, — вспоминал впоследствии бывший летчик, полковник А. М. Хоробрых. — К тому времени каждый из нас, мальчишек военной поры, уже не по одному разу прочитал „Повесть о настоящем человеке“ и знал до мельчайших подробностей героическую одиссею летчика с уникальной судьбой.

Знать-то знали, но не все верили в правдоподобность описанных в книге событий. И вот он идет своей неспешной походкой по залу, поднимается на сцену, подходит к трибуне. Зал, стоя, аплодирует ему, а мне так и хочется крикнуть: „Покажите протезы“. Но я, конечно, молчу, как молчат и другие. Этому коренастому человеку с волнистыми волосами и мужественным лицом давно и безраздельно отданы наши сердца.

Сейчас я уже не помню, о чем тогда говорил Алексей Петрович. Но точно знаю, что именно в тот вечер я окончательно решил стать летчиком. Да разве только я! Когда потом сдавал вступительные экзамены в училище, где готовили летчиков, многие абитуриенты привезли с собой вместе с учебниками и „Повесть о настоящем человеке“.

А вот еще два признания из многих сотен.

«Если бы в детстве я не посмотрел фильм „Повесть о настоящем человеке“, то вряд ли я бы стал летчиком», — сказал на встрече с будущими пилотами дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт Алексей Алексеевич Леонов.

«После того как я прочел книгу, посмотрел фильм, у меня не было раздумий, кем быть, конечно, летчиком». Эти слова принадлежат последнему министру обороны великой страны под названием Советский Союз маршалу авиации Евгению Ивановичу Шапошникову.

«Делали» жизнь с Маресьева и за рубежом. Показательна в этом

отношении удивительная история французского летчика Анжела Казажуса. Вот его трогательный рассказ: «Моя жизнь самым удивительным образом оказалась связанной с именем легендарного советского летчика А. П. Маресьева. А состоялось мое первое знакомство с ним в далекие 50-е годы.

Родился и вырос я в деревне под названием Марсельен, расположенной на юге Франции. Мой отец, перебравшийся во Францию после гражданской войны в Испании, возглавлял тогда местную ячейку французской компартии.

Примерно дважды в год мы всей семьей присутствовали на агитационных показах советских послевоенных фильмов. И вот в один из таких вечеров я, будучи семилетним мальчишкой, и посмотрел впервые фильм „Повесть о настоящем человеке“. Эта героическая история настолько потрясла все мое сознание, что уже к концу сеанса я совершенно осознанно принял для себя решение стать во что бы то ни стало летчиком и объявил об этом своей маме.

Шли годы, мечта не покидала меня. И вот, когда мне исполнилось 14 лет, я наконец-то поступил в государственный лицей воздухоплавания в Тулузе!

Затем была упорная учеба, первые полеты. В возрасте 19 лет, практически одновременно с правами на свой первый автомобиль, я получил долгожданный диплом профессионального летчика и летную лицензию.

Потом мне довелось три года служить военным летчиком в ВВС Франции, где я набрался летного опыта и налетал много часов. Вернувшись к гражданской жизни, я еще около десяти лет пилотировал такие самолеты, как Фоккер-27 на почтовых рейсах „Эр Франс“, пассажирские: двухтурбинный Фоккер-28 и Боинг-727.

Казалось бы, мечта сбылась, но все не давало покоя желание вновь увидеть этот незабываемый фильм. Даже ночами снились кадры, особенно эпизод, когда летчик после госпиталя вновь мужественно учился летать и руками помогал своим непослушным ногам, чтобы выбраться из тесной кабины самолета.

Так уж случилось, что в 43 года я принял решение изменить профессию. Я стал работать директором по экспорту компании CHEMINÉES PHILIPPE. Но и здесь судьба преподнесла мне подарок.

Однажды, в середине 90-х годов я впервые оказался по служебным делам в Москве. В аэропорту меня встречал А. И. Полуэктов — мой новый российский партнер.

Буквально в первые же минуты разговора я поинтересовался

возможностью вновь посмотреть фильм „Повесть о настоящем человеке“. Одновременно узнал об огромной народной славе Алексея Петровича Маресьева, ставшего реальным прототипом героического летчика из моего детства... И уже во время следующего визита в Москву мои российские друзья вручили мне кассету с фильмом!

Трудно передать чувства, которые я вновь испытал, просмотрев дома с моим младшим сыном Бастьяном „Повесть о настоящем человеке“. С тех пор я храню у себя кассету как подлинную реликвию.

Но главный сюрприз ожидал меня впереди. В начале апреля 1998 года я вновь прилетел в Москву для участия в выставке. Каково же было мое изумление, когда мой коллега и друг А. И. Полуэктов сказал, что на следующий день должна состояться наша встреча в Российском комитете ветеранов войны с самим Алексеем Петровичем Маресьевым!

Я тогда не смог уснуть всю ночь, ведь предстоящая встреча с героем моей молодости, повлиявшим на всю мою жизнь, была настоящим подарком судьбы...

На следующее утро, заметно волнуясь, я переступил порог кабинета своего кумира. Навстречу встал легендарный Маресьев. Крепко обнялись. Трудно было сдержать слезы, все как будто происходило во сне! Завязалась удивительная и незабываемая беседа двух летчиков.

Я подробно рассказал о себе. Оказалось, что и у Алексея Петровича мечта о небе зародилась в ранней юности.

Много вопросов я, конечно же, задавал о самом подвиге, о том, как это отражено в книге и фильме. Алексей Петрович, будучи человеком очень скромным, о своих заслугах говорил очень сдержанно. На вопрос же: все ли в произведении так, как было на самом деле, вздохнул, ответил, что если бы показали бы всю правду, то, наверное, никто бы не поверил. Но особенно мой собеседник сожалел о том, что так и не смог приехать на то место, где был подбит его самолет, где его нашли в лесу деревенские ребята.

Отведенное нашей встрече время уже давно закончилось, а мы все никак не могли расстаться. За дружеской беседой время прошло незаметно.

Перед расставанием опять обнялись, обменялись сувенирами, подняли символически по рюмке коньяку. Я пообещал тогда сказать своему старшему сыну Яннику, чтобы он, как священник, попросил для Алексея Петровича у Господа Бога побольше здоровья и долгих лет жизни.

Эта встреча оставила в моей памяти неизгладимое впечатление. Я ее считаю, пожалуй, самым важным событием в своей жизни. С тех пор фотографии о той встрече я всегда беру с собой в поездки, они висят у меня

дома и в рабочем кабинете.

Уже позже я узнал, что у А. П. Маресьева под Москвой достраивалась дача. Строить ее, оказывается, он начал уже давно. Вместе с женой, будучи на протезах, сам корчевал и таскал пни, копал землю... На память своему другу для его дачи я подарил действующий французский камин GODIN. Меня потом приглашали туда. Получилось красиво. Говорят, что Алексей Петрович любил иногда посидеть перед огнем...

Я всю жизнь буду бесконечно счастлив и благодарен тому, что судьба дала мне шанс обрести и осуществить мою мечту, встретить на своем пути Настоящего человека, каким был Алексей Петрович Маресьев».

Со всех концов огромной страны в адрес Маресьева шли письма. По этим посланиям можно судить, кем для каждого из них в те годы и позже был герой книги «Повесть о настоящем человеке».

«Я пишу об Алексее Петровиче Маресьеве, потому что он стал частью наших судеб, а его подвиг по силе воздействия на устроение всего нашего поколения — явление ни с чем не сравнимое, — это строки из письма полковника в отставке В. П. Грибкова. — Мы занимали очередь за книгой Бориса Николаевича Полевого „Повесть о настоящем человеке“. На всю школу была только одна книга, и на чтение давалась ночь. Подвиг и жизнь Алексея Петровича слились с нашей жизнью, окрылили нас верой в доступность любой мечты, если она не покидает земных границ и зависит от человеческой воли...

Мы мечтали, Саша Юдин, Анатолий Поляков, Александр Сапожников, Ваня Братов — все мы решили стать офицерами. Но только Юдин прошел медкомиссию, а нам посоветовали выбрать гражданскую профессию. Это было в 9-м классе. Отказаться от своей мечты? Нет! Впереди еще год. И началось: подъем в 6 часов утра, на зарядку час — перекладина, гири, толкание ядра, стойка на руках, обливание холодной водой...

— Батальон! Смирно!.. Вольно! — Я стал курсантом Ульяновского гвардейского танкового командного дважды Краснознаменного училища имени В. И. Ленина. Впереди жизнь, о которой мы мечтали».

Судьба Маресьева учила людей мужеству, стойкости в любых испытаниях, вере в жизнь, в могущество человеческой воли. Для многих его подвиг служил моральным подспорьем, особенно для тех, на кого проблемы со здоровьем обрушились внезапно.

«В начале 1953 года я тяжело заболел, — написал в газету „Комсомольская правда“ бывший офицер-пограничник В. П. Кныш. — Два месяца без движения, и почему-то казалось, что жизнь окончена и вернуться вновь к нормальной деятельности мне не суждено. В мае месяце

благодаря медперсоналу гарнизонного госпиталя я начал ходить. Через две недели должна была состояться Военно-врачебная комиссия, которая будет решать мою судьбу относительно дальнейшей службы в армии. Учился я в пограничной школе и через полгода должен был, закончив ее, получить первое офицерское звание. Как-то я попросил дежурную медсестру найти мне книгу „Повесть о настоящем человеке“. Она выполнила мою просьбу. В первую же ночь прочитал всю книгу, а еще две ночи читал, повторяя эпизоды подготовки А. П. Маресьева к медкомиссии и его поведения уже на ВВК. Я не просто читал, я был на месте героя. Я представлял внутреннее его состояние при ощущении нечеловеческой боли.

Ночью я поднимался с постели, еле держась на ногах и опираясь на спинку кровати, повторял десятки раз упражнения. И вот этот день настал. Я подошел к начальнику ВВК четким строевым шагом и по всей форме доложил о прибытии. Это первое, что его озадачило. Глядя на меня, он взял в руки лист с медицинским заключением и спросил лечащего врача: „Вы не перепутали, это тот больной?“ Врач подтвердил. „Мы хотим вас комиссовать по состоянию здоровья“, — как-то мягко сказал председатель комиссии. Тогда я сделал 30 приседаний, 25 отжиманий от пола, три повтора полного комплекса утренней физзарядки и прошел два круга строевым шагом...

Через неделю я был в пограничной школе. Экзамены сдал успешно, стал офицером и прослужил еще 24 года на границе...»

Автору этих строк тоже довелось встречать на своем пути офицеров из героического маресьевского племени. Причем одна встреча оказалась очень схожей с той, что произошла летом 1943 года, когда впервые встретились Полевой и Маресьев. Но обо всем по порядку.

В середине 1980-х годов, будучи военным корреспондентом, я находился в служебной командировке в городе Орджоникидзе^[42]. Вечером в мой гостиничный номер подселили еще одного постояльца. Это был стройный, подтянутый и симпатичный капитан с золотистой нашивкой за тяжелое ранение и орденой планкой на кителе. В красных петлицах поблескивали общевойсковые эмблемы, что свидетельствовало о его принадлежности к матушке-пехоте.

— Александр Бузаров, — широко улыбаясь, представился он и протянул руку.

Служивые люди сходятся быстро. Армия, хотя и большая, но общие знакомые, друзья и товарищи обнаруживаются сразу. Александр прошел Афганистан, служил в мотострелковом батальоне, которым командовал в прошлом выпускник его училища Герой Советского Союза Руслан Аушев.

Ему, правда, довелось служить уже с братом Руслана — Багаутдином. В свою очередь я сказал, что знаю Султана Юсуповича — отца братьев Аушевых, встречался с ним в Грозном в редакции газеты «Сердало», где он заведовал отделом. А с Русланом мои пути в Москве тоже однажды пересеклись. Слово за слово, и наш разговор потек быстрым ручьем. Незаметно подошло время спать. Готовясь лечь в постель, Александр с некоторым смущением предупредил меня:

— Ты только не удивляйся, когда я буду снимать протез... У меня нет ноги...

— Как нет ноги? — с недоумением спросил я.

— А так нет. «За речкой» потерял, — все с той же широкой улыбкой ответил он.

Уже через минуту я слушал рассказ человека, судьба которого была сродни маресьевской...

— Я тогда командовал мотострелковым взводом. Днем был тяжелый бой с душманами, — вспоминал Бузаров. — Да и до этого двое суток практически оставался на ногах — добивали банду «духов», зажатую в одном из ущелий. Ребята устали, уложил их спать, а сам пошел проверить службу боевого охранения. Надо было пройти каких-то несколько десятков метров по горной тропе. Ночь, правда, была, хоть глаза выколи. Где-то впереди звонко, как дробь барабана на параде, ударила пулеметная очередь и эхом покатила по горам. Я тут же снял автомат с предохранителя.

Дальше, по словам Александра, он снова продолжил путь, шаг за шагом поднимаясь по тропе вверх. Мог ли он знать, что за ближайшим валуном его ждет беда...

Темные вершушки гор, озаренные вспышкой слепящего огня, перевернулись. Александр услышал взрыв, но боли не почувствовал. Только и уловил взглядом это — перевернувшиеся горы и яркий сноп огня. Через несколько минут он открыл потяжелевшие веки и увидел небо, все усыпанное крупными звездами. Они то приближались, то вообще исчезали из виду. Александр лежал, распластавшись на твердой каменистой тропе, и медленно начинал осознавать, что с ним произошло. Он понял, что напоролся на мину. Потом попытался подняться, но острая боль прострелила ноги. Бузарову показалось, что звезды, висевшие над ним, посыпались сверху. На какие-то мгновения он потерял сознание. Очнувшись, пополз по тропе, оставляя за собой кровавую дорожку.

— Потом я снова потерял сознание, — сделал паузу в своем рассказе мой собеседник. — Да, точно потерял. Очнулся от того, что чьи-то сильные руки подхватили меня и понесли. Мелькнуло страшное предположение:

душманы! Но тут же услышал мягкий голос нашего медика лейтенанта Петра Конюха: «Крепись, Саня!» Это сразу успокоило. Я даже начал говорить с Конюхом: «Ног, Петя, не чувствую. Какие-то они ватные...»

В лагере ему сделали перевязку, и оставшиеся до утра часы Бузаров провел в странном полузабытии. Он то открывал глаза и затевал разговор с Конюхом, который неотлучно находился рядом, то проваливался куда-то в неизвестность.

На рассвете на позиции приземлился вызванный по радиации вертолет. В натужном гуле винтокрылой машины сознание в очередной раз ускользнуло от Александра. И надолго. Он пришел в себя уже в госпитале. Увидел перед собой людей в белых халатах. Один из них, средних лет хирург, как-то виновато посмотрел на Александра. Затем отвел взгляд и с грустью сказал: «Прости, лейтенант».

Бузаров сначала не понял, почему хирург, старше его по возрасту и наверняка по званию, извиняется перед ним. Когда медики вышли, Александр приподнялся и с видом, с каким обычно что-то ищут, судорожно провел рукой по простыне, укрывавшей ноги. Там, где должна быть правая нога, он нащупал пустоту.

Только теперь Бузаров вполне осмыслил все, что произошло той трагической ночью на горной тропе. Он никогда больше не вернется к своим отважным ребятам, не повоюет с ними. Ему никогда больше не стоять в армейском строю, никогда! Теперь он инвалид, лишенный любимого дела, прикованный к месту, обуза в доме, лишний в жизни. И ничего уже нельзя изменить...

На глазах 23-летнего лейтенанта выступили слезы. Он не мог их сдержать. Тяжелые холодные капли катились по его бледному от тоски и боли лицу, и они ему были единственным облегчением. Так Александр плакал второй раз в жизни. А первый, когда у него, еще мальчишки, умерла мать...

На несколько недель после операции Александр ушел в себя. Не жаловался, не раздражался. Целые дни он неподвижно лежал на койке и в основном молчал. Днем еще лежать было сносно. Рядом разговаривали соседи, приходили врачи, медсестры. Кстати, они, как могли, поддерживали Бузарова. Не забывали его и боевые товарищи по службе на афганской земле — часто писали письма. А кто с оказией попадал в Ташкент, обязательно забегал хоть на десяток минут к нему в госпиталь.

Коротать ночи было куда труднее. Александр оставался один на один со своими мыслями. О чем только не думалось. За первые недели он, казалось, перетряхнул всю память, заглянул в каждый ее уголок.

Вспоминал, как с ребятами играл в футбол, как ходил с ними в поход в горы, как, повзрослев, торопился на свидание к знакомой девчонке...

О многом передумал Александр в пору тех бессонных ночей. Но всегда сверлили голову и не давали покоя одни и те же вопросы: «Как жить дальше?», «Неужели ничего нельзя исправить?».

В один из дней в палате зашел разговор о таких людях, как Алексей Маресьев, офицеры-«афганцы» Валерий Гринчак, Валерий Бурков, Валерий Радчиков... Ведь они же вернулись в боевой строй. Им-то разрешили. У него, Александра, почти аналогичная ситуация. Значит, он тоже может возвратиться, надо только набраться мужества и победить недуг. Бузаров тогда твердо сказал себе: «Вернусь!»

Но Александр отдавал себе отчет и в том, что армии нужны здоровые, крепкие люди, а он инвалид. Он знал: предстоят труднейшие испытания и психологически готовился к ним.

После долгих месяцев наступил тот день, когда вместо костылей он встал на протез. Как это оказалось трудно сделать! Он ощутил резкую боль, пронзившую, кажется, каждую клеточку тела. С минуту постоял, вытер со лба выступившие холодные бисеринки пота. Потом шагнул. На втором шаге упал. Глухо застонал. Не столько от боли, сколько от бессилия. Рывком встал и снова беспомощно полетел на пол...

Теперь он каждый день учился заново вставать, учился заново ходить. Его шаги были сродни тем опасным шагам по горным заминированным тропам в глухих афганских ущельях.

Преодолевая адскую боль, Александр атаковал госпитальный коридор. Обессиленный, он с трудом добирался до койки. Отдыхал и опять отмерял трудные метры. Он побеждал недуг с одержимостью Настоящего человека — Алексея Маресьева.

Наконец наступил день, когда Александр без помощи соседей по палате с палочкой пришел на перевязку. Людмила, медицинская сестра, увидев его, даже вскрикнула от радости: «Ну, молодчина, Сашка!» — и громко чмокнула его в щеку.

Тут же у медсестры он взял чистый лист бумаги и написал: «Министру обороны», а чуть ниже: «Рапорт». Изложил в коротких строках свою биографию и попросил оставить в Вооруженных силах. В успех не верил, но очень надеялся.

— Когда пришел приказ, согласно которому меня оставили служить в армии, я был счастлив как никогда, — продолжал свой рассказ Бузаров. — Не поверишь, на радостях станцевал даже лезгинку. Я ведь осетин по национальности...

Не удержался, спросил у Александра: не прибегает ли он к помощи палки?

Он ответил:

— Знаешь, во время отпуска заезжал в гости к своему старому школьному другу и у него ее забыл. Выходит, она мне не нужна... Маресьев ведь тоже без палочки ходит. Я его несколько раз по телевизору видел, а ведь у него нет обеих ног...

К сожалению, нет таких данных, где бы указывалось скольким людям, изувеченным войной, Маресьев помог выдержать суровые испытания, найти свое место в жизни. Однако с уверенностью можно сказать, что счет идет не на десятки, не на сотни, а, может быть, даже на тысячи человеческих судеб. В их числе и судьба еще одного человека — участника контртеррористической операции в Чеченской Республике капитана Алексея Михайловича Чагина.

16 апреля 1998 года группа старшего лейтенанта А. М. Чагина сопровождала группу генералов и офицеров, прибывших проверить опорный пункт Малгобек. Передвижение осуществлялось колонной из трех машин, в которых находилось 20 человек. Утром на административной границе Северной Осетии и Ингушетии у перевала Хурикау в условиях спустившегося плотного тумана колонна попала в засаду. Боевики в масках в упор открыли огонь из автоматов и гранатометов. Разведчики и офицеры штаба открыли ответный огонь. Завязался скоротечный бой. Чагин умело руководил подчиненными, боевики получили отпор и отступили. Офицер организовал пеший отход к ближайшему блокпосту и эвакуацию раненых.

В ходе боя пропала третья машина. Был организован ее поиск. Чагин с двумя бойцами на КамАЗе местного жителя двигался первым. По дороге грузовик без предупреждения был обстрелян из крупнокалиберного пулемета встречным бэтэром местной милиции, экипаж которого принял грузовик с чеченскими номерами и людьми в камуфляже за боевиков. Рядовой Максим Шмальц погиб на месте, сержант Виталий Гавриленко был ранен. Чагин получил тяжелые ранения обеих ног, груди и головы, сумев, однако, подать сигнал о прекращении стрельбы. В Моздокском госпитале ему была сделана операция, после которой Чагин оказался в таком же положении, что и Маресьев, — без ног.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении воинского долга, Указом Президента Российской Федерации от 6 июля 1998 года старшему лейтенанту А. М. Чагину было присвоено звание Героя Российской Федерации, а также досрочно — воинское звание капитана.

О судьбе армейского разведчика рассказали Маресьеву. Он решил

встретиться со своим тезкой, поддержать его. Такая встреча состоялась в военном госпитале имени Н. Н. Бурденко. Вот как ее описал журнал «Ветеран войны»: «Что тут было, трудно передать словами. Сильными руками Алеша [Чагин] рванул коляску к Маресьеву, тот потянулся навстречу. Руки двоих — одного молодого, другого пожилого... Руки людей почти одинаковых судеб сцепились в крепких объятиях. Два Алексея, старший и младший, долго не отпускали друг друга. Что чувствовали оба, можно только догадываться».

После ампутации ног Чагин прошел те же испытания, что и Маресьев: госпитали, минуты отчаяния, медленное возвращение к жизни... Но у него был образец для подражания — Маресьев. На момент встречи с Алексеем Петровичем Чагин делал только первые шаги на протезах. Ему было тяжело и непривычно в них ходить.

— Падать духом не надо, — напутствовал его легендарный летчик. — Добивайся своего. Все получится, я верю, Алеша!

У этой истории, как и у многих подобных, счастливый конец. Капитан Чагин остался в кадрах Вооруженных сил, продолжил службу в военкомате в родном Ярославле. Он научился заново ходить, заниматься спортом, прыгать с парашютом.

Не только служивый народ обретал в Маресьеве свою нравственную опору. Его судьба и подвиг вдохновляли людей, далеких от армии, проявлять в трудные минуты стойкость, волю и упорство. Сохранилось удивительное письмо узбекского скульптора Касыма Мирзарахимова, которое он адресовал лично Алексею Петровичу. Эти строки нельзя читать без волнения:

«Что вспомнил из детства? Заплаканные, грустные глаза мамы. Я заболел полиартритом. По совету врачей меня отправили в специализированный санаторий в Самарканд. Уезжал я нехотя, все хныкал. В лечебнице стал нелюдимым, избегал людей. И вот однажды лечащий врач, как бы невзначай, оставил на моей тумбочке книгу. „Повесть о настоящем человеке“ — прочитал я на обложке. Книга захватила меня с первых строк. Моему восхищению судьбой летчика не было предела. И вот что заметил: незаметно для себя я стал другим, не жаловался на сильные боли в суставах, начал внушать себе, что обязательно поправлюсь...

В 1964 году я стал лепить из гипса портреты. Они очень понравились маме. Она сказала: „Ты у меня талантливый!“ Она, конечно, преувеличивала. Но я решил: буду скульптором. Уже в 1965 году Союз художников Узбекистана организовал мою персональную выставку. А три года назад 20 моих лучших работ демонстрировались в Сочи, в

литературно-мемориальном музее Николая Островского. Теперь готовлюсь к своей третьей персональной выставке».

А вот строки из телеграммы народного артиста Казахской ССР Кененбая Кожабекова: «Дорогой Настоящий человек, сердечно поздравляю с юбилеем! Много лет назад Ваше мужество и стойкость помогли мне вернуться к жизни, любимому делу. В 1960 году в схватке с бандитами я получил тяжелое увечье, стал пожизненно инвалидом первой группы. Повесть Бориса Полевого, Ваш подвиг вселил в меня уверенность, помог бороться с недугом. Я снялся в тридцати фильмах. Последняя большая работа — роль в фильме „Волчья яма“.

Примите самые сердечные поздравления и пожелания счастья. Ваш подвиг будет вдохновлять еще не одно поколение людей. Искренне уважающий Вас, Кененбай Кожабеков, народный артист Казахской ССР».

Эту телеграмму в адрес Маресьева актер отправил 20 мая 1986 года, когда страна отмечала 70-летие со дня рождения легендарного летчика. К сказанному остается добавить, что Кененбай Кожабеков, находясь в инвалидной коляске, продолжал сниматься в кино. Его творческая деятельность была также отмечена Государственной премией Казахской ССР.

Сын Маресьева Виктор рассказал такую историю:

— Как-то к отцу обратился человек, который был разведчиком и провел на нелегальной работе 12 лет. У него дочка в 14 лет заболела менингитом и лежала в полной апатии два месяца. И он попросил, чтобы отец не просто дал ей автограф, а написал наставления по жизни. Алексей Петрович взял книгу и пошел к ней сам. Минут 45 пробыл у нее, а на следующий день она встала. Все у нее в дальнейшей жизни сложилось удачно. В знак благодарности она даже пригласила отца на свою свадьбу.

Жизнь и судьбу Маресьева хорошо знали и за границей. «Повесть о настоящем человеке» была там издана почти 40 раз и на многих языках планеты.

В 1949 году Маресьев получил письмо от испанки, которая была на грани отчаяния из-за жизненных неурядиц, помышляла даже покончить жизнь самоубийством. Но, прочитав книгу о русском летчике, напрочь отбросила дурные мысли. Жизнь вошла в привычное русло, девушка встретила любимого человека, родила ребенка.

Письма, письма... Прочитируем одно из многих сотен, пришедших Настоящему человеку из-за границы. Ее автор, гражданка Болгарии Евдокия Ценкова, написала Маресьеву в 1967 году:

«В годы ранней юности мы уходили прокладывать дороги через горы,

строить новый город Димитровград и на своем знамени выводили имя Маресьева. Недоедали тогда и мерзли под дырявыми палатками, но это не мешало каждому иметь заветную мечту — стать Настоящим человеком.

Многое изменилось с тех пор. Мы повзрослели. Но лучшее из того, что мы сберегли в себе, — это ощущение того, что рядом с нами Маресьев. Его имя мы по-прежнему воспринимаем как символ лучшего, самого светлого, что есть в Человеке!

В моей стране поколение за поколением ставит **ЗНАК РАВЕНСТВА** между Маресьевым и лучшими людьми страны, между Маресьевым и трудным, суровым мужеством всей земли».

Подтверждением этих слов служат воспоминания Николы Гаговски, земляка Евдокии Ценковой: «Служил я тогда солдатом на пограничной заставе „Орел“. У нас только что появилась книга Бориса Полевого „Повесть о настоящем человеке“. Она буквально захватила граничар [пограничников]. Ею зачитывались все. Читали вслух. Пересказывали. Обсуждали. Только и разговоров было...

Вот подошла и моя очередь. Перевернул я последнюю страницу и понял: нас на заставе стало на одного человека больше — на Алексея Маресьева. И так мне захотелось обо всем этом написать легендарному летчику. Но не успел.

— Тревога!

Схватив автоматы, мы бежали к границе.

Тяжелой выдалась та ночь... И все же мы выдержали — с нами был Маресьев.

Письмо в Москву я все-таки написал. Не ожидал, что получу ответ. Ведь ему, наверное, шлют сотни, тысячи писем со всего света. Но прошло время и...

— Говорит Москва!

Торжественный голос Левитана.

Затаив дыхание, мы ловили каждое слово диктора:

— Молодой болгарский пограничник пишет своему советскому другу, что смелый летчик стал для него самым дорогим и близким... что его подвиг будет навсегда ему уроком мужества. Письмо пограничника заканчивается словами: „Мы будем следовать вашему примеру в борьбе за мир и бдительно стоять на своем пограничном посту“. ...Герой Советского Союза Маресьев попросил нашего корреспондента передать по радио: „Дорогие болгарские друзья! С чувством глубокого удовлетворения я читал ваши письма. Я, как и все советские люди, радуюсь, что болгарские граждане единым фронтом поднялись на защиту своих достижений, на

защиту мира во всем мире. Желаю от всего сердца своим болгарским друзьям успехов в строительстве новой жизни... Я рад, что болгарская молодежь растет непоколебимым защитником великого дела мира. Пусть крепнет советско-болгарская дружба!“

Он ответил нам!

Говорят, мечта не приходит одна. Кто из нас не хотел встретиться с самим героем! Мне повезло — я стал участником VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве.

Был прекрасный летний вечер. Столица празднично украшена, залита разноцветными огнями. На Манежной площади море людей. Сюда, на митинг протеста, собрались юноши и девушки с пяти континентов, чтобы сказать: „Нет войне!“

К трибуне медленными, но уверенными шагами направляется мужчина среднего роста, широкоплечий, плотный, в коричневом костюме. Шум стихает. „Маресьев... Маресьев...“ Человек в коричневом костюме поправил спадавшую на лоб смоляную прядь и начал говорить...

Маресьев говорил, покоряя миллионы молодых сердец — каждого, кто был на фестивале или слушал тогда его голос за тысячи километров от Москвы.

Капли пота выступили на его лице. Многие после митинга протягивали ему руки, чтобы приветствовать, услышать еще два-три слова человека из легенды.

На другой день Алексей Петрович пригласил нас к себе в гости. Мы окружили его — кто с микрофоном, кто с кинокамерой, фотоаппаратом. Он широко улыбался. Был приветлив. Оказался замечательным, радушным хозяином. И самое важное — очень скромным человеком. Его искренность и естественность меня просто поразили.

На мой вопрос, у кого учился мужеству, ответил:

— Их каждый знает. У Корчагина, у Чапаева и, конечно, у Валерия Чкалова.

— Алексей Петрович, а сейчас не тянет в небо?

— Очень...

Он улыбнулся.

...Мы расставались. Глаза его светились добротой, в строгих морщинах было отображено суровое мужество, а в обаятельной улыбке разливалась широта русской души».

Действительно, своей жизнью Маресьев излучал несокрушимый оптимизм, вселял в людей уверенность в том, что любые преграды, какими бы трудными они ни были, можно преодолеть. Для этого нужно лишь

собрать волю в кулак, проявить мужество и стойкость.

Во время одного телевизионного интервью Алексей Петрович взял в руки большую пачку писем. «Это друзья, — сказал он. — Пишут из разных стран. Некоторые пострадали, как и я. Спрашивают: как поступить? Отвечаю им: „Надо жить!“ Чтобы бороться и побеждать. В любой ситуации. Человек должен быть выше обстоятельств».

Без всякого преувеличения, Маресьев был своего рода путеводной звездой для нескольких поколений своих соотечественников. Как, впрочем, и для многих людей, живущих за границей. Он был настоящим героем своей эпохи.

Одновременно Алексей Петрович оставался до щепетильности скромным и невероятно совестливым человеком. Многочисленные панегирики в свой адрес он обычно воспринимал с чувством раздражения. Подтверждение этому находим в одном из его интервью: «Помню, однажды меня пригласили на встречу с первостроителями Комсомольска-на-Амуре [в октябре 1954 года. — Н. К.]. Предоставили слово, и я стал рассказывать все, как было — о своей болезни, о том, что мечтал совсем о другом. Следом за мной выступал Никита Хрущев. Он начал примерно так: „Перед вами кто выступал? Вы понимаете, кто перед вами выступал? Это ведь герой, легендарный летчик! Это знамя нашей молодежи!“ И пошло-поехало: „Это знамя, это знамя...“ Да елки зеленые... Терпеть этого не могу!»

Коллеги Маресьева по работе в СКВВ также отмечали его скромность. В частности, ведущий специалист отдела социально-правовой защиты ветеранов А. Я. Ивченко припомнил такой эпизод: «Говорят, слава находит своего героя и становится его тенью. Но чего уж не любил Алексей Петрович, так это славословия в свой адрес. Вспоминаю, когда в одной из первых бесед я совершенно искренне произнес, что, мол, приятно работать под началом знаменитого летчика, он „по-маресьевски“ улыбнулся и произнес следующее: „Ну уж не надо так. Просто мне приятно, что многие люди в стране и за рубежом по-доброму относятся ко мне“».

По свидетельству сына Виктора, отец никакого особого отношения к себе не терпел. Взять хотя бы жилищные условия. Квартира у семьи Маресьевых, состоявшей из пяти человек, была не такая уж и большая. А по современным меркам — совсем маленькая. Жилая площадь — всего 67 квадратных метров. Комнаты неудобные, узкие. У Маресьева были все основания, как говорится, улучшить жилищные условия. Однако он и не помышлял это делать. На том простом основании, что негоже ему привередничать в столь деликатном вопросе, как жилье. «Витька, —

говорил Алексей Петрович сыну, — многие люди гораздо хуже нашего живут и ничего, не возмущаются. А ты хочешь, чтобы в меня потом тыкали пальцем: „Маресьев с жиру бесится“».

Спал Маресьев всегда на твердой тахте. Домочадцы неоднократно предлагали ему приобрести хорошую кровать, а он строго придерживался своих строгих правил. «Витька, запомни: мужик всегда должен отдыхать на жестком ложе и презирать любые собственные слабости».

Маресьев никогда не пекся о личных благах. Для него всегда главным мерилом оставалось дело, которому он искренне и верно служил. На первом месте оставались дорогие его сердцу фронтовики, инвалиды войны, которые нуждались в помощи. За них, преодолевая бездушие иных чиновников, он шел, будто в последний бой. А номенклатурные работники никак не могли взять в толк, чего еще надо «живой легенде», у которой есть и хорошая пенсия, и персональный автомобиль, и квартира в центре столицы...

Между тем время неумолимо шло, бежало, летело. Дни, недели, месяцы спрессовывались в годы. Но и они мелькали один за другим, словно кадры старой немой кинохроники. К середине 1980-х годов Маресьев подошел к своему 70-летнему рубежу. Однако годы его не состарили, лишь слегка посеребрили голову. Алексей Петрович продолжал активно трудиться. Говоря словами поэта, покой ему только снился. Да и в стране наступали переломные времена...

Глава 10. Последний полет

*— У храбрых есть только бессмертье,
Смерти у храбрых нет.
Не хочешь смерти — будь храбрым!
Вот вам и весь секрет.*

*Константин Симонов. «Секрет победы». 1941
год*

Весной 1985 года СССР возглавил 54-летний Михаил Сергеевич Горбачев. Так получилось, что до его прихода в течение нескольких лет сменился сразу ряд руководителей страны. В 1982 году умер генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, правивший Советским Союзом 18 лет. Сменивший его на этом посту Ю. В. Андропов был лидером СССР чуть больше года, но смерть не дала продолжить ему свою деятельность. Примерно столько же пробыл руководителем государства К. У. Черненко. Он тоже вскоре ушел из жизни вследствие тяжелой болезни.

С новым руководителем партии и государства народ связывал огромные надежды на реформы, направленные на дальнейшее социально-экономическое развитие страны. В сравнении с прежними возрастными генсеками Горбачев выглядел молодо, был деятелен и энергичен. Страна, и это признавали как верхи, так и низы, нуждалась в переменах. Именно в период правления Горбачева в Советском Союзе была объявлена так называемая перестройка, приведшая впоследствии к дезинтеграции Советского государства. «Всем надо перестраиваться, — заявил речистый генсек на встрече с руководителями СМИ и пропаганды 12 февраля 1987 года. — Ради коренных интересов народа, социализма. Альтернативы перестройки нет. Ее выстрадало все наше общество. Перестройку надо поддерживать, перестройку надо защищать, перестройку надо развивать, перестройку надо двигать вперед».

Маресьев был обеими руками за преобразования, начало которым положил Апрельский 1985 года пленум ЦК КПСС. Он был готов, как и миллионы советских людей, драться за них, защищать их и словом, и делом. Ему импонировали заявления Горбачева об укреплении государства, Союза, обновлении общества, о придании развитию страны более динамичного характера.

Страна действительно всколыхнулась, народ искренне поверил в перемены. Однако дальше красивых лозунгов дело не пошло. Инициаторы перестройки, к сожалению, не предложили конструктивную программу, а самое главное — не сказали, что и как делать, какие включить новые силы, как преодолеть механизм торможения и создать эффективный механизм ускорения. В итоге — ожидаемого экономического чуда не произошло. Вместо движения вперед страна попятилась назад — и в экономике, и в науке, и в сфере духовной. Дальше — больше. Некогда прочная и сильная держава, словно льдина, раскололась на куски. Пророческими оказались слова писателя-фронтовика Юрия Бондарева, сравнившего перестройку с «самолетом, который подняли в воздух», не зная, «есть ли в пункте назначения посадочная площадка». Ее, как известно, не оказалось.

Одним из серьезных факторов, оказавших впоследствии большое влияние на распад страны, стало очернение, искажение и растаптывание ее собственной истории. Было подвергнуто пересмотру буквально всё: мораль, мужество, долг, служение Отечеству, Великая Отечественная война... Происходящие в обществе перемены были настолько ошеломительными, что под сомнение поставили даже саму ценность Победы над фашизмом и подвиг людей, защищавших от оккупантов свою Родину.

Население страны находилось в растерянности после обрушившихся на него цунами публикаций о том, что «не было никакого подвига» Александра Матросова, что 28 солдат-панфиловцев «не гибли под Москвой», а героизм Зои Космодемьянской «не доказан». Все эти герои и их подвиги — мифы сталинской пропаганды. Тогда как генерал А. А. Власов, бросивший подчиненные ему войска и перешедший на сторону врага, — борец с кровавым режимом коммунистов. Да и фашизм, оказывается, возник не в Италии, а в России в начале XX века. Советские же генералы и маршалы — хамоватые мясники, не умевшие воевать, а победили они потому, что «завалили немцев трупами». Ленинград не надо было вообще защищать, его нужно было сдать немцам, а не нести напрасные жертвы...

Колесница лжи безостановочно катилась по стране. Новоявленные адепты исторической правды договорились до того, что Вторая мировая война стала результатом противостояния двух неадекватных в психологическом плане диктаторов — Адольфа Гитлера и Иосифа Сталина. Самое трагическое заключалось в том, что в те годы значительная часть народа пошла на поводу у различных мастей политических авантюристов, агитаторов, оборотней и дельцов, всплывших на мутной волне

перестройки. Маресьеву, как и большинству людей его поколения, было больно и страшно смотреть на такие «достижения» перестройки. Самих же фронтовиков объявили антиперестройщиками.

Нет, Алексея Петровича ярые обличители всего советского не трогали. Скорее всего, боялись живого героя, который в случае чего мог постоять за свою честь не только в суде, но и по-мужски поговорить с ними. Легче все-таки было расправляться с мертвыми героями, что они с упоением и делали.

В мае 1986 года Алексею Петровичу исполнилось 70 лет. Страна торжественно отметила его юбилей. Из разных уголков Советского Союза в адрес Маресьева пришли сотни поздравительных телеграмм, приветствий, подарков. За большие заслуги перед Советским государством, плодотворную общественную деятельность и в связи с 70-летием со дня рождения он был награжден вторым орденом Ленина. Не забыли героя и за рубежом. Например, правительство Чехословацкой Социалистической Республики за значительный вклад в развитие советско-чехословацкой дружбы, за вклад в сотрудничество и мирное сосуществование между народами наградило Маресьева орденом Дружбы. К слову сказать, этим орденом к тому времени было удостоено всего 96 человек.

Как и раньше, Алексей Петрович продолжал трудиться в СКВВ, но с 1983 года уже в ранге первого заместителя председателя комитета. На тот момент председателем комитета являлся Герой Советского Союза генерал-полковник А. С. Желтов, с которым у Маресьева также сложились хорошие деловые и товарищеские отношения. В период их совместной работы значительно укрепилось сотрудничество с ветеранами Вьетнама, Китая, Монголии, Польши и Ливана. Они были частыми гостями комитета. В свою очередь делегации советских ветеранов выезжали в эти страны.

Работы хватало. Тем более что накануне 40-летия Победы Советского Союза над фашистской Германией правительство вновь проявило заботу о ветеранах войны и инвалидах. Был принят ряд документов, в подготовке которых участвовал и СКВВ. Так, 15 января 1985 года правительством было принято постановление «О дополнительных льготах участникам Великой Отечественной войны». 5 марта того же года принимается постановление «О мерах по дальнейшему улучшению жилищных условий инвалидов Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих». 14 мая выходит еще одно постановление — «О распространении льгот, установленных для участников Великой Отечественной войны, на граждан, работавших в период блокады г. Ленинграда на предприятиях, в учреждениях и организациях города и

награжденных медалью „За оборону Ленинграда“». Ранее, в 1984 году, как уже говорилось выше, Совет министров СССР принял еще два постановления — «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны и семей погибших военнослужащих» и «О дальнейшем улучшении материально-бытовых условий Героев Советского Союза и лиц, награжденных орденом Славы трех степеней». Реализация этого пакета социально значимых документов, законодательно закрепляющих льготы участникам и инвалидам войны, была возложена на различные министерства и ведомства союзного, республиканского, областного уровня. Однако и СКВВ не остался в стороне. Его сотрудникам, в том числе и Маресьеву, зачастую приходилось вмешиваться в дела некоторых органов власти, если, скажем, тому или иному ветерану не предоставили путевку в санаторий, отказали во вступлении в жилищно-строительный кооператив, не выделили материалов на строительство садового домика и т. д.

Не ослабевала деятельность комитета и на международном направлении. В частности, продолжали укрепляться традиционные связи СКВВ с ветеранами государств, чьи народы предопределили исход самой кровопролитной войны в истории человечества. В 1986 году за последовательный курс в деле борьбы за мир СКВВ наградили знаменем Всемирного совета мира. Была в этом и большая заслуга Маресьева.

Между тем перестройка набирала обороты. В 1989 году в стране состоялись первые альтернативные выборы в Верховный совет СССР. Маресьев был избран народным депутатом СССР от СКВВ. В ходе предвыборной кампании Маресьев, в отличие от кандидатов в депутаты современной России, не обещал своим избирателям золотых гор и манны небесной. Но в то же время Алексей Петрович дал слово, что в меру своих сил и полномочий будет отстаивать интересы простых людей, участников Великой Отечественной войны, ветеранов труда и инвалидов.

«1989 год. Май. Москва, Кремль. Дворец съездов. Первый съезд народных депутатов СССР, — вспоминал о тех памятных днях Еремей Айпин, писатель, коллега Маресьева по депутатскому корпусу. — Здесь — цвет страны, история страны, слава страны. Прикосновение к истории, к живой легенде Отечества всегда вызывает трепет в душе человека, оставляет неизгладимый след. Это были уникальные встречи с выдающимися личностями. Моими коллегами-депутатами были многие известные ветераны Великой Отечественной войны. Один из них — человек-легенда Алексей Маресьев... В моей памяти Алексей Петрович, всегда в строгом костюме, в галстуке, сосредоточенный, углубленный в

себя, немногословный, остался настоящим воином-богатырем — и по духу, и по росту (казалось, я со своим средним ростом едва дотягивал до его плеча). И походка у него была уверенная, ровная. Трагическую безысходность тех дней трудно передать одним-двумя штрихами: Великая держава, которую защищал легендарный летчик без обеих ног, — рассыпалась, а что нас всех ждет впереди — никто тогда не знал...»

Действительно, под сводами Кремлевского дворца съездов собралась на тот момент гордость страны, ее слава, честь и совесть. Многих только что избранных депутатов Маресьев хорошо знал, а с кем-то дружил. Вот лишь некоторые имена. Академики Юрий Рыжов, Дмитрий Лихачев, Леонид Абалкин, Наталья Бехтерева, Алексей Туполев, Роальд Сагдеев... Герои Советского Союза разных поколений летчик Иван Кожедуб, разведчик, а впоследствии писатель Владимир Карпов, летчик-космонавт Виктор Савиных, вертолетчик Валерий Очиров, командир мотострелкового полка Руслан Аушев... Чемпион мира по шахматам Анатолий Карпов. Писатели Чингиз Айтматов, Василь Быков, Расул Гамзатов, Юлия Друнина... Список длинный, более двух тысяч человек практически из всех сфер деятельности.

Многомиллионная страна, переживавшая тяжелейшие времена, с надеждой смотрела на своих избранников. Однако парадокс состоял в том, что собравшиеся на съезде лучшие из лучших представителей общества, профессионалы самого высокого уровня, так и не смогли коллективно выработать разумное решение для вывода страны из пике. Хотя на тот момент у них были широчайшие полномочия. Они могли принимать и изменять Основной закон СССР, определять основные направления внутренней и внешней политики, избирать Верховный совет и его главу, утверждать председателя правительства, председателя Верховного суда, генерального прокурора.

К сожалению, депутаты, особенно радикально-демократического крыла, погрузились в бесконечные и затяжные, как осенние дожди, дискуссии. Царившая эйфория свободы, гласности и вседозволенности позволяла им высказывать все, что они думали о прошлом, настоящем и будущем. Более того, некоторые «активные перестроечники», как их называл М. С. Горбачев, действовали сознательно во вред родному государству, другие, наоборот, искренне хотели перемен, но не прогнозировали, к чему это может привести. На глазах вершился развал великой страны.

Маресьев в те годы сказал буквально следующее: «Коль это — перестройка, то за ней обязательно последует перестрелка». Он оказался

прав. Первая кровь пролилась в 1988 году в Сумгаите, дальше последовали трагические события в Фергане, Тбилиси... При расследовании этих и последующих событий часто крайними оказывались вооруженные силы, которых политикам было выгодно обвинить во всех грехах. Хотя в реальности именно они — становой хребет государства — останавливали кровь, наводили порядок. От подогреваемой публикациями прозападных СМИ травлей людей в погонах — «бездельники», «дармоеды», «оккупанты», «убийцы» — наиболее криминогенная часть граждан перешла к физическим расправам над ними.

Жгучей болью отзывалась в сердце Маресьева озвученная на II Съезде народных депутатов СССР начальником Генерального штаба Вооруженных сил СССР генералом армии М. А. Моисеевым цифра: за 11 месяцев 1989 года от рук преступников погибли 53 офицера. Притом что в 1988 году таких преступлений было зарегистрировано всего два, в 1987 году — столько же. В голове не укладывались эти небоевые потери. Маресьев особенно тяжело переживал за Вооруженные силы, офицерский корпус, поскольку сам был из этого рода-племени. Являясь членом Комитета Верховного совета СССР по делам ветеранов и инвалидов, Алексей Петрович считал своим долгом защищать людей в погонах. К сожалению, в сложившихся условиях, когда страна становилась все больше и больше неуправляемой, делать это было крайне трудно. Да и таких, как он, уже мало кто хотел слушать. Антиармейская и антипатриотическая риторика выплескивалась из берегов.

В марте 1990 года Маресьев поставил свою подпись под Обращением Героев Советского Союза, полных кавалеров ордена Славы к Съезду народных депутатов СССР. Этот документ обнародовал на III внеочередном Съезде народных депутатов товарищ Алексея Петровича по фронтовому братству, трижды Герой Советского Союза И. Н. Кожедуб. Легендарный летчик вышел к трибуне в маршальском кителе и сразу же заговорил о том, что накопело у миллионов людей:

— Мы с глубокой болью и тревогой видим, как усиливаются попытки экстремистских, антисоветских сил расколоть единство нашего многонационального государства, искусственно посеять вражду между народами, демонтировать социалистические завоевания, создать хаос в стране, разрушить основы советского строя. Пора переходить в наступление против контрреволюционных сил. Промедление смерти подобно...

Маршала пыталась зашикать группа депутатов из «демократической» Межрегиональной группы, но он, не обращая внимания на улюлюканье,

твердым командирским голосом продолжил:

— Нас не могут не беспокоить усиливающиеся нападки на наши советские Вооруженные силы, стремление очернить их, вбить клин между армией и народом. При молчаливом согласии отдельных руководителей страны в средствах массовой информации не прекращаются попытки оклеветать, облить грязью... Очернительная тема всего прошлого сегодня стала самой популярной в литературе. А герои нашей юности бессовестно осмеяны или забыты...

Речь Кожедуба часть депутатов встретила овациями, другая, наоборот, холодным, а то и презрительным молчанием. Все это свидетельствовало о серьезном расколе в обществе. Позднее о выступлении Кожедуба будущий мэр Санкт-Петербурга А. А. Собчак ядовито скажет: «Старый человек, манерой говорить напоминающий незабвенного Леонида Ильича, отставной маршал авиации зримо напомнил времена, которые, казалось, навсегда ушли в прошлое».

Через несколько месяцев прославленного летчика, символа Великой Отечественной войны не станет. Сердце Ивана Никитовича Кожедуба остановилось 8 августа 1991 года. Он не увидел распада страны, которую беззаветно любил и которую бесстрашно защищал.

Однако эту страшную трагедию суждено было пережить Маресьеву. Спускаясь в сентябре 1991 года по ступенькам Кремлевского дворца съездов после самороспуска Съезда народных депутатов, он сквозь шум голосов услышал брошенную кем-то из депутатов фразу: «Скоро и страны не будет». Слова резанули слух, но в них была горькая правда. В декабре того же года СССР прекратил свое существование.

По свидетельству людей хорошо знавших Маресьева, Беловежские соглашения он воспринял как личную трагедию. А высших должностных лиц и глав правительств трех союзных республик: С. С. Шушкевича и В. Ф. Кебича от Республики Беларусь, Б. Н. Ельцина и Г. Э. Бурбулиса от Российской Федерации, Л. М. Кравчука и В. П. Фокина от Украины, подписавших 8 декабря Соглашение о создании Содружества Независимых Государств (СНГ), он окрестил «беловежскими заговорщиками».

В дни тех кардинальных событий Алексею Петровичу уже шел 76-й год. Возраст, согласитесь, почтенный. Маресьев уже не раз подумывал о том, чтобы уйти окончательно и бесповоротно на заслуженный отдых. Да и сын ему не раз говорил: «Хватит тебе, батя, трудами праведными заниматься. Поезжай на дачу, отдохни хоть на старости лет от поездок, встреч, заседаний, совещаний... А самое главное — от столичной суеты и шума».

Усталость, конечно, была. Годы и болезни давали о себе знать. Но от чего Алексей Петрович тогда сильно устал, так это от митингов, которые бесконечно проходили рядом с его домом на Пушкинской площади. «Глашатаи перестройки» чуть ли не круглосуточно витийствовали о застое, о кровавом советском режиме... Раздражали Маресьева и нескончаемые очереди людей, стоявших за фастфудом перед построенным под его окнами зданием «Макдоналдса». По натуре выдержанный человек, он, случалось, не скрывал по этому поводу эмоций.

Маресьев действительно все больше и больше склонялся к мысли, выражаясь армейским языком, уйти в отставку. Однако тогдашний председатель СКВВ Герой Советского Союза маршал авиации А. П. Силантьев не хотел отпускать Алексея Петровича. И на то были веские причины.

Страна, теперь уже Россия, пребывала в страшном упадке. Развал промышленности, непродуманные экономические реформы, массовое обнищание народа, небывалый рост цен, масштабная безработица, разгул преступности — вот черты того времени. На этом фоне, когда упразднялись министерства и ведомства, ликвидировались учебные заведения и научно-исследовательские институты, приватизировались фабрики и заводы, сокращались полки и дивизии, государству не было никакого дела до общественных организаций.

СКВВ, который еще недавно осуществлял защиту фронтовиков и инвалидов, теперь сам нуждался в защите. Как с ним поступит новая власть? Оставит? Упразднит? Если организация прекратит свое существование, это будет означать, что потеряны опыт, кадры, расстроены механизмы социально-правовой защиты фронтовиков и инвалидов, даст серьезный сбой система военно-патриотического воспитания подрастающего поколения. Наконец, нарушатся отлаженные каналы международного сотрудничества российских ветеранов войны со своими коллегами из стран ближнего и дальнего зарубежья.

Иными словами, одним росчерком пера можно было перечеркнуть все то, что создавалось годами и что действительно работало во благо страны и граждан старших поколений. Первоначальная задача состояла в том, чтобы сохранить на постсоветском пространстве единую организацию ветеранов, не допустив ее распада. Не последнюю роль здесь должны были сыграть известность и авторитет Маресьева. Все знали, что если он шел с каким-то вопросом в орган власти или подписывал туда ходатайство, то, как правило, результат был положительным. Вот почему Силантьев попросил Алексея Петровича остаться.

К сожалению, организацию в том виде и в том составе, в каком она была прежде, несмотря на прилагаемые усилия, сохранить не удалось. Первыми из состава комитета вышли ветераны Киева, Минска, Одессы, Харькова, Риги, Вильнюса, Кишинева, Таллина, Еревана, Тбилиси, Ташкента, Душанбе... А дальше все покатилося, словно снежный ком. Все хотели самостоятельности и независимости. Сохранилось лишь 25 региональных центров, но и их работа была парализована из-за прекращения государственного финансирования.

Угроза нависла и над самим комитетом. Сначала у него захотели отобрать здание. Телефонные звонки, письма, «походы» в различные органы власти ничего не дали. В один из дней сотрудники комитета, придя, как обычно, утром на работу, обнаружили, что двери опечатаны, возле здания выставлена вооруженная охрана милиции. Никто не мог понять, что происходит. Полковник в отставке В. А. Косолапов, являвшийся тогда помощником председателя СКВВ, вспоминал: «Сразу мелькнула мысль: „Неужели снова война?“ Мы прибыли без формы. Все растерялись — ведь перед нами был не враг, а своя родная милиция.

Прибыл маршал авиации А. П. Силантьев — в форме, со звездой Героя Советского Союза на кителе. Буквально минуту он постоял, оценивая обстановку и принимая решение. Спросил нас: „Почему не заходите?“ Мы ответили: „Нас не пускают!“ Тогда он обратился к охране: „Вы что здесь делаете?“ Они ответили: „Охраняем“.

Александр Петрович четко, по-командирски обратился к ним: „Я — маршал авиации, председатель Советского комитета ветеранов войны, напоминаю, вы поставлены, чтобы охранять здание бдительно, чтобы мародеры не били стекла, не повредили двери и здание. Срочно вызовите вашего начальника“. Обращаясь ко мне, он сказал: „Виктор Александрович, принесите нож“. Когда я его принес, Александр Петрович лично срезал все печати, наклейки. Еще несколько дней мы боролись за это здание».

Были попытки упразднить и сам комитет. Однако у новой власти все же хватило разума оставить в покое организацию, сплотившую вокруг себя миллионы людей, в трудную годину отстоявших с оружием в руках свободу и независимость Родины. К месту сказать, в 1991 году, по данным СКВВ, в стране на тот момент насчитывалось 6 миллионов 700 тысяч ветеранов войны и 1 миллион 300 тысяч инвалидов.

В марте 1992 года в Москве состоялась конференция, положившая начало Российской организации ветеранов-фронтовиков. В постановлении конференции говорилось: «В связи с провозглашением государственного суверенитета и созданием Российской организации ветеранов войны

считать избранный Комитет российской организации ветеранов войны правопреемником Советского комитета ветеранов войны на территории Российской Федерации».

После состоявшихся выборов Российский комитет ветеранов войны (РКВВ) возглавил дважды Герой Советского Союза маршал авиации Н. М. Скоморохов. Прославленный воздушный ас был из числа тех людей, которых всегда заботила судьба Отечества, его подрастающего поколения. Являясь 15 лет начальником Военно-воздушной академии им. Ю. А. Гагарина, Николай Михайлович многое сделал для подготовки квалифицированных летных кадров. Для молодой смены авиаторов им были написаны книги «Боем живет истребитель», «Служение Отчизне», «Тактика в боевых примерах». В перестроечные годы маршал выступал и с острыми статьями, в которых боролся против нападок на Вооруженные силы. Достаточно жестко, но всегда аргументированно он, доктор военных наук, давал отповедь фальсификаторам итогов Великой Отечественной войны.

Маршал авиации Скоморохов был выпускником той же военной авиационной школы пилотов, что и Маресьев — Батайской. Однако однокашникам в тот период было не до воспоминаний о родной альма-матер, давшей им крылья. Лихие 90-е, как теперь историки называют те злополучные годы, стали для них и для всех фронтовиков труднейшим испытанием как в моральном, так и в материальном плане.

«Россия сейчас живет тяжело, — с горечью сетовал Маресьев в одном из интервью того времени. — Это я не новость открываю. А на ветеранах, инвалидах эта тяжесть особенно сказывается. Люди потеряли на войне здоровье, еще носят в себе осколки. У некоторых открываются заново раны. И он не может найти хорошего лекарства. Или в больнице полежать. Не может. У него нет средств. Люди ко мне приходят, жалуются, им совершенно нечего есть. Раньше инвалидам коляски давали, сейчас — „Таврии“. Но, смотрите, какое безобразие: без обеих ног тебе положена машина; без одной ноги, если у тебя культя 20 сантиметров, то тебе машина уже не полагается. Вот такие инструкции. Только если у тебя нога 18–20 сантиметров, тогда дадут машину... И еще много таких непонятных вещей. Тут просто не подберешь слов, как это все объяснить. Очень тяжело сейчас людям».

Маресьев знал, о чем говорил. В начале 1990-х годов социальная поддержка ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны, да и вообще пенсионеров утратила свое прежнее приоритетное значение. Развернутая в СМИ кампания по «пересмотру» истории войны, ее

результатов и роли победителей девальвировала сам статус ветеранов. По сути, они оказались на обочине жизни. На улицах больших и малых городов можно было встретить людей преклонных лет, плохо одетых, собирающих бутылки и просящих милостыню. Поражали и другие «завоевания» российской демократии. Для того чтобы хоть как-то прожить, некоторые ветераны продавали свои, добытые кровью и потом, ордена и медали. Сами они это делать стеснялись, поэтому просили родственников. Покупатели в лице оборотистых дельцов объявлялись сразу — приобретали за бесценок награды и перепродавали их за доллары западным коллекционерам.

Аналогичная ситуация складывалась практически на всем постсоветском пространстве. В наиболее сложном, если не сказать, критическом положении оказались ветераны, проживавшие на территории бывших советских прибалтийских республик, в Латвии, Литве и Эстонии. Там новые власти объявили фронтовиков оккупантами и лишили не только заслуженных ими в войну льгот, но и в ряде случаев сделали их объектами судебного преследования.

В тех тяжелейших условиях РКВВ не сидел сложа руки. Прежде всего, удалось возродить секции ветеранов в регионах. Скоморохов, Маресьев, другие члены комитета стучались в двери кабинетов исполнительной и законодательной власти, чтобы хоть как-то облегчить положение фронтовиков. Обращались за помощью и в коммерческие структуры.

Как выживал комитет в тех условиях и как помогал ветеранам, видно из воспоминаний главного специалиста РКВВ, заслуженного работника культуры Российской Федерации В. Г. Горленко: «Бедой нашей организации было безденежье. Ее никто не финансировал. Приходилось буквально изворачиваться, чтобы сохранить организацию, выжить. В 1993 году мы с Алексеем Петровичем оказались на одном из приемов в Доме Союзов.

Я подошел к ведущему и попросил объявить, что на вечере присутствует А. П. Маресьев. После объявления женщина, стоявшая слева, воскликнула: „Как, Маресьев еще жив?!“

— Да, вот он, рядом с вами.

Удивлению и восторгу соседки не было предела. Разговорились. Посетовали на бедность нашего комитета...

— А вы обратитесь к Геннадию Андреевичу Данилову^[43].

— А кто это, как его найти?

— Да вот он стоит, недалеко...

Я подошел к Геннадию Андреевичу, сказал, что я из Комитета

ветеранов войны и что А. П. Маресьев спрашивает, не мог бы он нас принять в ближайшие дни.

— Приезжайте завтра, — живо откликнулся Геннадий Андреевич.

И вот мы в офисе председателя правления ТНК „Гермес-Союз“. Сотрудники сгрудились в коридорах. Слышен шепот: „Смотрите, это же Маресьев! Тот самый герой“.

Геннадий Андреевич вышел навстречу. Любезно принял и помог. „Гермес“ предоставил комитету кредит в сумме 50 млн рублей, оказал финансовую помощь госпиталям инвалидов войны и нескольким сотням фронтовиков, открыл в Подмоскovie оздоровительный центр, в котором поправили здоровье около 200 человек. Словом, помощь ТНК „Гермес-Союз“, а точнее Г. А. Данилова, в буквальном смысле помогла комитету выжить в тех сложнейших условиях».

В тот период не без участия РКВВ на уровне СНГ был принят ряд документов, направленных на улучшение социального положения ветеранов. В частности, 15 апреля 1994 года было подписано соглашение стран-участниц «О взаимном признании льгот и гарантий для участников и инвалидов Великой Отечественной войны, участников боевых действий на территории других государств, семей погибших военнослужащих». А 9 декабря того же года главы правительств стран-участниц подписали в Москве соглашение «Об установлении для участников Великой Отечественной войны, тружеников тыла военных лет и вдов погибших воинов дополнительных льгот и материальной помощи в связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Тогда же РКВВ активно включился в подготовку закона «О ветеранах». К сожалению, председателю РКВВ маршалу авиации Н. М. Скоморохову не довелось дожидаться его принятия. 16 октября 1994 года прославленного аса не стало: Николай Михайлович трагически погиб в автомобильной катастрофе.

Закон «О ветеранах» вступил в силу в 1995 году, в канун 50-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Этот нормативный акт установил правовые гарантии социальной защиты ветеранов в Российской Федерации. И хотя названный закон не раскрывал подробно механизм обеспечения ветеранов мерами социальной помощи, тем не менее забота о ветеранах была проявлена и закреплена законодательно.

Реализацией этого закона, к которому власть позднее приняла целый пакет нормативных актов, Маресьеву пришлось заниматься уже с новым председателем комитета Героем Советского Союза генералом армии В. Л.

Говоровым. По словам Маресьева, Владимир Леонидович был требовательным руководителем. С первого взгляда он казался немного суховатым человеком, но при общении с ним это куда-то улетучивалось. Своим обаянием и добротой он сразу подкупал окружающих его людей. Организованности Говорова тоже можно было позавидовать. Кстати, 9 мая 1995 года Говоров командовал парадом ветеранов на Красной площади в Москве, посвященным 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. А в новом веке, в 2000 году, принял участие в последнем Параде Победы, на котором ветераны прошли по Красной площади в пешем строю.

Перед комитетом стояло много задач. Решать их приходилось, как и прежде, в непростых условиях, поскольку проблем в стране не убавлялось. Например, в некоторых структурах жизнедеятельности, особенно в социальной сфере, положение по-прежнему оставалось плачевным. Люди месяцами сидели без зарплаты, ее часто выдавали продукцией предприятий, на которых они трудились. Скажем, на телевизионном заводе — телевизорами, на фабрике игрушек — игрушками... Что касалось пенсионеров, то им регулярно задерживали выплаты и без того мизерных пенсий. Повсеместно закрывались выручавшие их в былые времена продовольственными и промышленными товарами магазины с привычным для них названием «Ветеран». А у государства все никак не доходили руки до ветеранских проблем. Обратимся вновь к воспоминаниям В. Г. Горленко: «Вместе с Алексеем Петровичем мы присутствовали на презентации благотворительного фонда в Центральном музее Вооруженных сил. Туда приехал тогдашний глава правительства России — В. С. Черномырдин. С трудом удалось уговорить Маресьева подойти к премьеру, попросить назначить встречу для рассмотрения наиболее проблем ветеранских проблем. Преодолели мощный заслон охраны, подошли.

— А! Маресьев! Знаю, знаю! Как же! Вы хотите встретиться? Помощник, дай телефон. Звоните в любое время, я вас приму.

Звонили много раз, но, как говорится, ни ответа, ни привета».

Вот такое, к сожалению, в лихие 90-е было отношение государства к людям, отстоявшим в суровую годину страну и поднявшим ее потом из руин и пепла. Но фронтовики, многое повидавшие и пережившие, народ стойкий, не привык сдаваться. Свое назначение РКВВ видел в том, чтобы, несмотря ни на какие трудности, продолжать осуществлять в соответствии с уставом свою деятельность. На одном из заседаний комитета было принято решение развернуть работу по подготовке к празднованию 50-летия Великой Победы. Одновременно была поставлена задача активизировать работу региональных организаций и секций ветеранов

войны, что вскоре и было сделано. Если в 1992 году насчитывалось 48 секций ветеранов, то к началу 1995 года секции и организации были созданы более чем в 50 регионах.

Знаковым событием стало проведение в Москве, в Доме Союзов в марте 1995 года Всероссийской встречи ветеранов войны и молодежи. Организаторами этого мероприятия наряду с РКВВ выступили Комитет Российской Федерации по делам молодежи, Совет по делам молодежи при Президенте России, Министерство обороны, Министерство культуры. Когда объявили о выступлении Маресьева, зал буквально взорвался бурными аплодисментами. Такими же овациями провожали Алексея Петровича до места в президиуме после его выступления. Речь Маресьева была своего рода обращением к молодежи о сбережении памяти о подвигах дедов и отцов в годы Великой Отечественной войны, о практической помощи ветеранам, инвалидам войны и труда, семьям погибших воинов. Зал, где преимущественно были представители молодого поколения россиян, с большим вниманием слушал легендарного летчика.

На следующий день у Маресьева была встреча с командирами и бойцами поисковых отрядов. И снова разговор зашел о сохранении памяти, о героических традициях русского народа. Алексей Петрович не навязывал поисковикам своего мнения, лишь делился с ними мыслями. Традиции, говорил он, постигаются не только со слов и не только по страницам учебников. Их нужно пропустить через собственное сердце. А это значит и самому подняться на ту безымянную высоту, которую до последнего патрона защищали твои ровесники из тяжелого сорок первого. Это значит найти ту землянку, куда возвращались после подрыва гитлеровского эшелона партизаны. Это значит самому поставить скромный обелиск со звездой с именами погибших солдат на недавно найденной безымянной братской могиле...

Общение с молодежью прибавило Маресьеву сил. Порадовало его то, что в обществе есть здоровая молодежь, которая не пошла на поводу у оборотней и фальсификаторов-историков. Она же, эта молодежь, достойная смена, гордится славной историей Отечества, думает о своей стране как о сильной и мощной державе, готова ее защищать.

Хотя, конечно, война с прошлым еще продолжалась. Не раз пытались низвести с пьедестала и Маресьева. Говорили, что таких, как он, были десятки, если не сотни. А слава и почет достались почему-то только ему. И вообще Маресьев и Полевой ревновали к славе друг друга, на этой почве чуть ли не враждовали. Хотя ниспровергатели хорошо знали, что Алексей Петрович не напрашивался в герои книги, Полевой сам его нашел. Но они

все равно стремились хоть как-то зацепить Маресьева.

Не удержался даже известный писатель Юрий Нагибин, заявив во всеуслышание: «Маресьев ненавидит Бориса Полевого...» Тогда как это была самая что ни на есть беззастенчивая ложь. Маресьев с большим уважением относился к Борису Полевому, с пониманием к его художественному произведению, даже к тому, что писатель изменил его фамилию на Мересьев. По словам сына, у отца и Полевого были прекрасные отношения, они часто ездили вместе в командировки, на встречи с молодежью, в воинские части. Сам же Алексей Петрович о писателе сказал так: «Я вообще человек доверчивый и незлопамятный. Хотя мне в жизни делали много нехорошего. Написали, например, как-то, что я чуть ли не ненавидел Полевого и даже на похороны к нему не приехал. Я по чисто физическим причинам не мог быть на похоронах Бориса — меня не было в тот момент в Москве. Но я позвонил его вдове Лидии Осиповне, а потом сходил на могилу. Мы с ним не были друзьями, но много общались, ездили вместе в командировки, бывали в гостях. Как мне потом объяснили друзья, эту клевету обо мне распускали нарочно, по заказу, как теперь говорят. Хотели показать, что я зазнался и забронзовел. Обидно».

Доходило и до откровенной клеветы. Ниспровергатели и просто недоброжелатели пытались найти хоть какой-нибудь компромат, чтобы опорочить имя Героя. А поскольку ничего не обнаруживалось, плели всякие небылицы, часто скатываясь до откровенного хамства. Не было, дескать, никакого подвига Маресьева. Весь его подвиг состоит «только в том, что он 18 суток ползал по крохотному болоту в советском тылу». А одно издание цинично сравнило сбитого летчика с «блуждающим по лесу пьяным грибником». Все эти несправедливые обвинения, словно осколки, впивались в душу, жгли, ранили. Но были ранения и другого свойства.

В середине 1990-х годов в Министерстве образования кто-то счел, что «Повесть о настоящем человеке» следует перевести в «рекомендуемые для самостоятельного прочтения». Мотивировали это решение тем, что слишком мало часов для уроков русского языка и литературы. Более чем странная мотивация, поскольку в России приоритет как раз и должен быть у отечественной словесности, а не у заморских произведений. Многие школьные учителя пытались вернуть произведение в программу, писали прошения в министерство, что «эта книга о настоящем герое», «достойная и сильная», «воспитывает у школьников силу воли, помогает им преодолевать трудности». Однако попытки учительского сообщества оказались напрасными.

Безрезультатным стало и обращение Маресьева к первому лицу государства. Были лишь заверения и обещания... Уже после смерти Маресьева вопрос о возвращении книги в обязательный школьный курс подняли в Федеральном собрании Российской Федерации. За подписью одного из сенаторов в мае 2016 года, когда отмечалось 100-летие со дня рождения легендарного летчика и 70-летие со дня выхода книги, было направлено письмо тогдашнему министру образования и науки Д. В. Ливанову. В обращении парламентарий обратил внимание главы Минобрнауки на тот факт, что подвиг Героя Советского Союза Алексея Маресьева «является достоянием отечественной истории, образцом мужества и героизма, на который, благодаря биографической повести Бориса Полевого „Повесть о настоящем человеке“, равнялись многие поколения российских школьников, изучавших книгу в рамках школьной программы с момента написания произведения в 1946 году». И задал напрямую вопрос: «Просим пояснить, кто, по мнению специалистов Министерства образования и науки РФ, являются героями нового времени, чья жизнь и поступки считаются образцом для воспитания последних поколений современных школьников?» Однако министерство не изменило своего прежнего решения, видимо, посчитав, что в новой России время таких Героев, как Маресьев, ушло. Остается только вспомнить известное изречение: «О, времена! О, нравы!»...

Между тем вновь вернемся в лихие 90-е. В июне 1998 года Маресьев получил очередной «подарок» от тогдашней власти. Управление делами Президента России лишило его служебного автомобиля, который был за ним закреплен еще со времен И. В. Сталина. Основанием послужили следующие причины: уменьшение бюджетного финансирования и то, что Маресьев не госслужащий и не чиновник. Подобная проблема уже имела место в 1995 году. Тогда администрация главы государства отказала Алексею Петровичу в прикрепленной «Волге», переводя на обслуживание «по вызовам». Однако на просьбу Маресьева прислать автомобиль в президентском гараже часто с недовольством отвечали: «Что, я вам машину рожу, что ли? Все на выезде!» Теперь же лишили возможности пользоваться служебным автомобилем окончательно.

Трудно, да просто невозможно было представить, чтобы Алексей Петрович пошел кому-то жаловаться. Не в его это характере. Еще с армейской поры привык он, как сказано в уставе, «стойко переносить все тяготы и лишения воинской службы». О случае «из рук вон» сообщили репортерам «Комсомольской правды» коллеги Маресьева. Там сначала не поверили, позвонили Алексею Петровичу домой, 82-летний ветеран

ответил:

— Я жаловаться не привык, но служебную «Волгу» у меня и вправду забрали.

На следующий день, 20 июня, в газете «Комсомольская правда» появилась публикация под заголовком «Кремль отобрал машину у Настоящего человека». Материал был сродни взрыву мощной мегатонной бомбы, ударные волны от которого покатались по всей стране. Что тут началось! Телефоны редакции буквально раскались от возмущенных звонков читателей. Посыпались звонки и из президентской администрации. Оказывается, статью прочитал Б. Н. Ельцин, тут же вызвал к себе управляющего делами П. П. Бородина и устроил ему разнос. Говорят, Бородин красный, как помидор, стоял по стойке смирно, рапортуя:

— Неувязочка вышла, Борис Николаевич, недосмотрел. «Волга» уже у подъезда Героя!

Было ли так на самом деле или нет, но служебную машину с двумя водителями Маресьеву вернули. Алексей Петрович не раз потом благодарил «Комсомолку» за поддержку.

Несмотря на преклонный возраст, Маресьев продолжал работать. График у него был по-прежнему плотный. Правда, меньше стало встреч с молодежью в учебных заведениях, перестали его приглашать и военные. Раньше было по 5–6 встреч в день, теперь — в лучшем случае одна в месяц. Значительную часть времени занимал прием ветеранов, которые шли, ехали к Алексею Петровичу с надеждой, что он поможет решить их проблемы. А как можно было решить, если в стране все еще царила вакханалия...

«Народ ко мне идет, — делился в одном из интервью Маресьев. — Приходят, рассказывают: был у того большого начальника, у этого — толку никакого. А я-то чем им могу помочь? Ну, посидим, поговорим. Уходят, говорят, что вроде полегче стало».

В 2000 году Президентом России был избран В. В. Путин. С его приходом постепенно стало меняться отношение к ветеранам, людям в погонах. Тогда же было принято решение отметить 85-летие Маресьева на государственном уровне.

Юбилейный вечер назначили на 18 мая 2001 года в Театре Российской армии. К торжеству отпечатали пригласительные билеты с надписью «85 лет — полет нормальный». Специально из Кубинки доставили самолет военного времени «Аэрокобра», на фюзеляж которого нанесли номер 85. Крылатую машину разместили прямо на сцене. По замыслу организаторов желающие поздравить виновника торжества должны были класть букеты

прямо на плоскости истребителя, чтобы к концу вечера он весь утопал в цветах. Своего рода символ победы мира над войной. Кроме того, была подготовлена концертная программа. По сценарию юбиляра ожидали сюрпризы. Один из них — появление на сцене Ольги Михайловны Сергеевой (Вихровой) из деревни Плав Новгородской области — той самой девушки, которая выхаживала спасенного летчика.

В тот день, 18 мая, Маресьев проснулся рано. Это была пятница. Днем он решил отдохнуть, чтобы полным сил ехать на вечер. Ведь мероприятие было рассчитано не на один час. Алексей Петрович принял ванну, проверил готовность праздничного костюма и прилег отдохнуть на кушетку. Далее обратимся к рассказу его сына Виктора Алексеевича: «Я был с отцом с полдесятого утра. Мы должны были к 6 часам вечера быть в театре. Отец лежал до 2-х часов, поскольку боялся натереть ногу. Потом пообедал, начал одеваться, даже похвастался своими орденами передо мной. Затем пошел в ванну причесываться, и там у него защемило сердце. Это было в 16.40. Я посоветовал ему полежать. Нам нужно было выехать в 17.30. Как раз позвонил тогдашний министр транспорта Аксененко, который хотел поздравить его первым. И пока я с ним говорил по телефону, мать закричала: „Витя, папа хрипит!“ Я подбежал, приложил ухо к груди и ничего не услышал.

„Скорая“ приехала через 8 минут, применили дефибриллятор, сражались минут сорок. Потом врач вышел и сказал в качестве утешения, что все мы были при нем и что он даже не понял, что происходит. Вскоре приехали санитары из морга. У нас лестница узкая, и чтобы отца пронести на носилках, надо было бы поднимать их одному на вытянутых руках, а он был тучный — и это оказалось невозможно сделать. Решили спускать на лифте. Его закутали в простыню, спеленали как младенца с головой и перевязали крест-накрест шелковыми галстуками. Поставили в лифт. А я сбежал вниз. Как только отца вынесли из лифта и поставили на первую ступеньку, у него вдруг открылось лицо, хотя он был закутан очень плотно. Как будто человек, который жил здесь с 1948 года, решил попрощаться с родным домом...»

А в это время в Театре Российской армии все с нетерпением ждали юбиляра. Вскоре на сцену вышел ведущий, известный актер Олег Марусев. Но на его лице не было привычной всем улыбки. В руках — букет черных роз.

— Уважаемые товарищи! — как-то глухо сказал он.

Чувствовалось, что его голос дрожит:

— Мы собрались сегодня, чтобы отметить день рождения Алексея

Маресьева, но судьба распорядилась иначе — Алексей Петрович только что скоропостижно скончался...

Сделав несколько шагов назад, ведущий положил цветы на крыло самолета.

Зал словно онемел. У многих присутствующих в зале гостей на глазах выступили слезы. Еще через некоторое время весь истребитель буквально утонул в цветах...

Отдала дань памяти Маресьеву и Ольга Михайловна Сергеева (Вихрова) — единственный в тот вечер живой свидетель его спасения. Опираясь на палочку, она подошла к истребителю, положила свой скромный букет на крыло и сказала лишь два слова: «Прощай, Алеша».

«Умер Маресьев, — писала 23 мая 2001 года газета „Красная звезда“. — Человек-легенда, воспитавший своим подвигом тысячи героев, вселивший веру и вернувший надежду миллионам людей, опаленных горем и болью.

Он умер так же, как жил и воевал, словно поставил точку после целой эпохи. Эпохи трудной и во многом противоречивой, но героической. Кто знает, выжила бы наша страна в той страшной войне, если бы такие вот маресьевы не поднимались, расстреляв патроны, в штыковые атаки, не ходили на таран в горящих танках, в морских глубинах не выходили в одиночку против фашистских эскадр. И не сбивали бы гитлеровских стервятников, лишившись, казалось бы, простой возможности нормально жить.

Наполеон когда-то сказал, что русского солдата мало убить, его еще и повалить надо. Он не все знал про нас, великий завоеватель. Старший лейтенант Маресьев сумел не только встать, но и взлететь...»

В те печальные дни в связи с кончиной Алексея Петровича Маресьева свои соболезнования жене и сыновьям выразил Президент Российской Федерации В. В. Путин. В телеграмме главы государства, в частности, говорилось: «Россия потеряла настоящего Героя и Гражданина. Его легендарная жизнь навсегда останется примером истинного патриотизма, силы духа и мужества. Память об Алексее Петровиче навсегда сохранится в сердцах его друзей и близких, всех россиян».

Проститься с Настоящим человеком в культурный центр Российской армии и на Новодевичье кладбище 22 мая пришли тысячи людей. В почетном карауле у гроба легендарного летчика стояли министр обороны С. Б. Иванов, начальник Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации генерал армии А. В. Квашнин, заместители министра обороны, главнокомандующие видами Вооруженных сил, известные военачальники,

ветераны Великой Отечественной.

— Горько и больно сознавать, что такого человека больше нет, — сказал С. Б. Иванов. — И это не просто слова: есть ли у нас люди, равные по силе духа? Но у нас, живущих в стране, которую отстаивал Алексей Маресьев, остались долги. Не должна быть Россия, за которую он поднимался в небо, быть нищей, отсталой и слабой. Верю, что мы тоже найдем в себе силы подняться с колен.

Вся Россия — от Камчатки до Калининграда — скорбела о своем славном сыне. Горе — великое горе — стерло тогда различия в чинах и званиях, статусах и возрасте. В глубоком молчании прошли мимо гроба Героя генералы и рядовые, ветераны и молодежь, депутаты и простые граждане. Люди низко склоняли головы перед Алексеем Петровичем Маресьевым, который носил самое высшее на земле звание — Настоящий человек. И это звание будет принадлежать исключительно только ему. Навечно.

Вместо эпилога

Про летчиков говорят, что они не умирают, а просто не возвращаются из полета. Эту фразу, давно ставшую крылатой, произнес боевой французский летчик, автор «Маленького принца» Антуан де Сент-Экзюпери. Да, летчики не возвращаются, но остается память о них. Она — в названиях городов и поселков, улиц и проспектов, в книгах и кинофильмах, в памятниках и мемориальных досках... Наконец, в людской памяти.

Имя Алексея Петровича Маресьева — не исключение. Достаточно сказать, что в честь легендарного летчика названы улицы в Москве, Волгограде, Пензе, Орле, Новгороде, Нижнем Новгороде, Тюмени, Горно-Алтайске, Твери, Батайске, Новошахтинске (Ростовская область), Ибреси (Чувашская Республика), Шебекино (Белгородская область) и других населенных пунктах России. Есть улицы Героя и в ближнем зарубежье — в Актобе (Актюбинск), Ташкенте, Чернигове, Лисичанске...

«Человеку-легенде» установлены памятники, бюсты и мемориальные доски в Москве, Чите, Краснодаре, Комсомольске-на-Амуре, Батайске, Ибреси, Бологом, на Валдае.

В разные годы решением различных органов власти Маресьеву было присвоено звание почетного гражданина таких городов, как Комсомольск-на-Амуре, Орел и Батайск. Частица открытого и доброго сердца Алексея Петровича осталась в этих городах, за что благодарные жители удостоили его столь высокой чести. В число почетных граждан записали отважного русского летчика и в болгарском городе Стара-Загора. Тоже не случайно. Во многих странах мира, а в Болгарии, в частности, Маресьева уважали за его активную деятельность в деле борьбы за мир.

Имя Маресьева в 2004 году получила международная премия «За волю к жизни», которая учреждена при поддержке правительства Москвы. У премии пять номинаций: «Участнику боевых действий», «Борьба с терроризмом», «Выживание при техногенных катастрофах», «Возвращение к жизни после тяжелых травм и заболеваний», «Легенды спорта». Ее присуждают тем, кто уже в наше время продемонстрировал образцы героизма и стойкости, необыкновенную волю к жизни в условиях тяжелейших испытаний. Один из них подполковник Сергей Соколов. Военный летчик, Герой России. В Афганистане получил тяжелое ранение, перенес 13 операций. По словам Соколова, вернуться к жизни ему помог

Маресьев. Как, впрочем, его пример, его жизнь, его человеческий подвиг помогли другим лауреатам премии — четырехкратному параолимпийскому чемпиону Сергею Шилову, руководителю центра «Динаода» Ларисе Каштэлян...

Сегодня мало кто знает, что в нашей большой Вселенной есть малая планета «Алексей Маресьев». Именно так решили увековечить имя отважного летчика открывшие ее астрономы Крымской астрофизической лаборатории. Дань памяти Герою отдали и селекционеры Ботанического сада Национальной академии наук Беларуси, назвав новый сорт сирени «Алексей Маресьев». А железнодорожники присвоили поезду, курсирующему по маршруту Новгород — Нижний Новгород, имя «Легендарный Маресьев».

Но особенно Маресьева чтут в приволжском Камышине — на земле, где он родился и вырос. Неподалеку от дома, где он жил, благодарные земляки установили ему прекрасный трехметровый монумент из гранита и бронзы. Скульптор запечатлел Маресьева молодым в летном снаряжении с устремленным в небесную даль взором. На гранитной плите золотом высечены слова, сказанные Алексеем Петровичем о столице своего детства: «Никогда и нигде я не видел такого чистого неба и голубой лазури, как в Камышине. Как захотелось мне тогда летать...» В Камышине есть улица Героя, его имя носит местный педагогический колледж. В 2016 году, когда в России отмечали 100-летие со дня рождения Маресьева, в городе открыли музей имени легендарного земляка.

А еще Маресьеву посвящены стихи, песни. О нем снято множество документальных фильмов, написаны сотни статей и очерков. Эта книга тоже дань памяти славному сыну нашего Отечества.

Основные даты жизни и деятельности А. П. Маресьева

1916, 16 мая — на хуторе Веревкин Верхне-Добринской волости Камышинского уезда Саратовской губернии в семье Петра Авдеевича и Екатерины Никитичны Маресьевых родился сын Алексей.

1924, сентябрь — ученик школы 1-й ступени, Камышин.

1928, май — окончил 4 класса школы 1-й ступени, Камышин.

1928, май — 1930, май — окончил 6 классов школы 2-й ступени, Камышин.

1930 — принят в ряды ВЛКСМ.

1930–1933 — учеба в школе ФЗУ при Камышинских лесопильных заводах, по окончании которой получил специальность токаря по металлу.

1933–1934 — работа токарем по металлу на Камышинском лесопильном заводе. Без отрыва от производства учеба на рабфаке Саратовского сельскохозяйственного института им. М. Горького, который не окончил.

1934, август — направлен по комсомольской путевке на Дальний Восток на строительство города Комсомольск-на-Амуре.

1934–1935 — лесоруб Пиванского лесоучастка, Комсомольск-на-Амуре.

1935–1937 — механик-дизелист катера, Комсомольск-на-Амуре.

1935, август — 1937, август — учеба без отрыва от производства в аэроклубе, который окончил с отличием, Комсомольск-на-Амуре.

1937, октябрь — призван в ряды Красной армии, красноармеец, проходил службу на острове Сахалин в 12-м авиационном отряде Сахалинского погранотряда Управления пограничных войск Дальневосточного округа НКВД СССР.

1939, январь — курсант 30-й Читинской военной авиационной школы пилотов им. А. К. Серова.

Февраль — принял Военную присягу.

Октябрь — курсант Батайской военной авиационной школы пилотов им. А. К. Серова, Северо-Кавказский военный округ.

1940, октябрь — окончил Батайскую военную авиационную школу пилотов им. А. К. Серова, присвоено воинское звание «младший лейтенант», назначен летчиком-инструктором в этой же авиашколе.

1941, июль — летчик 296-го истребительного авиационного полка, Южный фронт.

23 августа — получил боевое крещение в воздушном бою в районе Кривого Рога.

Август — октябрь — принимал активное участие в воздушных боях с немецко-фашистскими оккупантами, Южный фронт.

Август — принят кандидатом в члены ВКП(б).

Октябрь — отправлен в тыл в составе 296-го истребительного авиационного полка, Приволжский военный округ.

1941, 10 октября — 1942, март — помощник командира эскадрильи 16-го запасного авиационного полка, Приволжский военный округ.

1942, март — вылетел на Северо-Западный фронт в составе 580-го истребительного авиационного полка.

1 апреля — сбил в воздушном бою в районе Демянска Новгородской области свой первый немецкий транспортный самолет Ju.52.

5 апреля — сбил в воздушном бою два немецких транспортных самолета Ju.52. Одновременно был сбит сам, сумел дотянуть самолет до своей территории. При совершении посадки серьезно повредил ноги. 18 суток пробирался ползком через лес и болота к людям.

12 апреля — присвоено воинское звание «лейтенант».

22 апреля — обнаружен в лесу обессиленный и с отмороженными ногами жителями деревни Плав А. Вихровым и С. Малиным.

1942, май — сентябрь — находился на излечении в военном госпитале, где ему были ампутированы обе ступни, в дальнейшем стал ходить на протезах.

23 июня — награжден орденом Красного Знамени.

Октябрь — ноябрь — добился права летать, направлен в 3-ю летную военную школу первоначального обучения; поселок Ибреси, Чувашская АССР.

1942, ноябрь — 1943, март — помощник командира авиационной эскадрильи 65-й отдельной авиационной эскадрильи связи, Московский военный округ.

1943, март — июнь — помощник командира авиационной эскадрильи, 14-й запасной авиационный полк, Московский военный округ.

Июнь — летчик 63-го гвардейского истребительного авиационного полка, Брянский фронт.

Июль — в воздушных боях на Курской дуге сбил три немецких самолета.

22 июля — присвоено воинское звание «гвардии старший лейтенант».

24 августа — Указом Президиума Верховного совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина.

5 октября — назначен помощником командира 63-го гвардейского истребительного авиационного полка по воздушно-стрелковой службе, Брянский фронт.

14 декабря — в воздушном бою сбил седьмой по счету немецкий самолет.

1944, 4 февраля — присвоено воинское звание «капитан».

2 марта — назначен штурманом 63-го гвардейского истребительного авиационного полка по воздушно-стрелковой службе, 1-й Прибалтийский фронт.

Апрель — принят в члены ВКП(б).

11 мая — назначен инспектором-летчиком отдела обучения, формирования и боевой подготовки Управления высших учебных заведений ВВС РККА.

1946, 22 июля — уволен из кадров Красной армии по болезни в звании майора.

Июль — август — в журнале «Октябрь» (№ 7–8) опубликована «Повесть о настоящем человеке» Бориса Полевого.

1948, март — 1949, июнь — начальник авиационной подготовки специальной школы ВВС, Москва.

1949, апрель — принял участие в составе советской делегации в I Всемирном конгрессе сторонников мира, Париж.

Июль — слушатель Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б); Москва.

1950, ноябрь — принял участие в составе советской делегации Советского Союза во II Всемирном конгрессе сторонников мира, Варшава.

1952, июль — окончил Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б).

1 сентября — аспирант Академии общественных наук при ЦК КПСС, Москва.

1956, 12 июня — защитил кандидатскую диссертацию на тему «Агитационно-пропагандистская работа политорганов и партийных организаций в Военно-воздушных силах СССР в годы Великой Отечественной войны».

Июль — окончил Академию общественных наук при ЦК КПСС.

29 сентября — на 1-й Всесоюзной конференции ветеранов войны избран ответственным секретарем Советского комитета ветеранов войны.

1957, 2 января — присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

1958–2001 — 1-й вице-президент Международной федерации борцов Сопротивления (FIR).

1960 — опубликовал в Военном издательстве Министерства обороны СССР монографию «На Курской дуге».

1961, октябрь — делегат XXII съезда КПСС.

1966, 19 мая — награжден орденом Трудового Красного Знамени.

1967, 8 мая — принял участие вместе с генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым в церемонии зажжения Вечного огня на Могиле Неизвестного Солдата, Москва.

1968, 19 мая — награжден орденом Красной Звезды.

29 октября — выступил от имени комсомольцев 1930–1940-х годов в Кремлевском дворце съездов на Пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 50-летию со дня рождения комсомола.

1971, 1 декабря — награжден орденом Октябрьской Революции.

1976, 19 мая — награжден орденом Дружбы народов.

1978 — присвоено воинское звание «полковник».

1981, 6 мая — награжден вторым орденом Трудового Красного Знамени.

1983, февраль — 2001, май — 1-й заместитель Советского (с 1991 года — Российского) комитета ветеранов войны.

1985, 6 апреля — награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

1986, 6 мая — награжден вторым орденом Ленина.

1989, март — 1991, сентябрь — народный депутат СССР, член Комитета Верховного совета СССР по делам ветеранов и инвалидов.

1991, 26 июля — награжден орденом Почета.

1996, 16 мая — награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» 3-й степени.

1997–2001 — руководитель Регионального общественного фонда А. П. Маресьева «Инвалиды Великой Отечественной войны».

2000, 4 мая — награжден орденом Дружбы.

2001, 18 мая — умер от инфаркта.

22 мая — похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Литература

Маресьев А. П. Выступление на 1-м Всемирном конгрессе сторонников мира в Париже // Правда. 1949. 24 апреля.

Маресьев А. П. На Курской дуге. М., 1960.

Маресьев А. П. Слово к однополчанам // Пограничник. 1976. № 3.

Маресьев А. П. Сбережь и защити мир. Письмо американским ветеранам войны // Известия. 1980. 23 апреля.

Маресьев А. П. Память и долг // Красная звезда. 1986. 26 сентября.

Настоящий Маресьев. Стенограмма беседы научного сотрудника Комиссии по истории Отечественной войны АН СССР Е. М. Грицевской с гвардии лейтенантом 63-го гвардейского истребительного авиаполка 3-й гвардейской истребительной авиадивизии Маресьевым Алексеем Петровичем // Родина. 2016. № 6.

Вишняков И. А. На крутых виражах. М., 1973.

Ворожейкин А. В. Истребители. М., 1961.

Герои Советского Союза. Краткий биографический справочник. Т. 2. М., 1987.

Докучаев А. Я не из легенды — я живой // Красная звезда. 2000. 6 июня.

Дольников Г. У. Летит стальная гвардия. М., 1987.

Еремин Б. Н. Воздушные бойцы. М., 1987.

Ефимов А. Н. Над полем боя. Ростов н/Д., 1984.

Иванов А. А., Шамаев В. М., Шантарин В. С. Возвращение: хроника судьбы настоящего человека. Камышин, 2007.

Кушнарев А. А. Алексей Маресьев: «Я не могу не летать». М., 2017.

Костенко Ф. А. Корпус крылатой гвардии. М., 1974.

Наш Маресьев / Сост. В. С. Шантарин. Камышин, 1996.

Покрышкин А. И. Небо войны. М., 1970.

Полевой Б. Н. Повесть о настоящем человеке. М., 1970.

Полевой Б. Н. Эти четыре года. Кн. 1. М., 1974.

Преодоление / Авт. — сост. В. Г. Горленко, А. Я. Ивченко. М., 2006.

Рощупкин В. Однажды у него выросли крылья // Военные знания. 2005. № 1.

Садовников М., Шаманов В., Маресьев В. Легендарный Маресьев. Бологое; Камышин, 2016.

Сваровский Н. В небе Курской битвы // Молодой коммунист. 1973. №

7.

Над книгой работали

16+

Редактор *К. А. Залесский*

Художественный редактор *К. В. Забусик*

Технический редактор *М. П. Качурина*

Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Издательство АО «Молодая гвардия»

<http://gvardiya.ru>

Электронная версия книги подготовлена компанией Webkniga.ru, 2022

notes

Примечания

До 1925 года город носил название Царицын, а с 1961 года — Волгоград.

С 12 июля 1928 года уезд был преобразован в район, который в 1934 году был передан в состав Сталинградского края, в 1936 году — Сталинградской (с 1961 года — Волгоградской) области.

То есть 29 мая по новому стилю.

Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству — общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 годах.

Киселевка — село на левом берегу Амура, ныне в Ульчинском районе Хабаровского края.

Болонь — село, ныне в Амурском районе Хабаровского края, центр сельского поселения.

Малмыж — село на правом берегу Амура, ныне в Верхненергенском сельском поселении Нанайского района Хабаровского края.

Позднее — 52-й ордена Ленина и знака «Почетный чекист»
Сахалинско-Рижский отряд КГБ при Совете министров СССР.

Зерновой — посёлок, с 1951 года город. В 1960 году переименован в Зерноград. Ныне районный центр Ростовской области.

Кулешовка — село, ныне в Азовском районе Ростовской области.

В люфтваффе для обозначения летчиков-асов использовался термин «эксперт», но здесь, чтобы не путать читателя новыми терминами, мы будем использовать более привычное название, тем более что смысл от этого не меняется.

18 марта 1943 года полк преобразован в 73-й гвардейский истребительный авиационный. Затем он получил ряд отличий и наград и с 17 мая 1945 года стал именоваться 73-м гвардейским истребительным авиационным Сталинградско-Венским Краснознаменным ордена Богдана Хмельницкого полком.

С 1992 года — Самарская область.

До 1924 года носил название Юзовка, в 1924–1929 годах — Сталин, с 1961 года — Донецк.

Название города Луганск в 1935–1958 и 1970–1990 годах.

Название города Самара в 1935–1991 годах.

На ранних «Яках» устанавливалось 6 подкрыльевых направляющих для запуска ракет РС-82. Ракета содержала около 300 граммов взрывчатого вещества, радиус сплошного осколочного действия — 6 метров. Однако точность поражения была крайне низкой, а направляющие сильно ухудшали аэродинамику, в связи с чем от использования РС отказались.

Ныне районный центр Новгородской области.

Речь идет о Михаиле Алексеевиче Вихрове.

Речь идет о Полевом передвижном госпитале № 1163, который располагался в деревне Красилов Валдайского района.

Маресьева доставили в эвакогоспиталь № 4034 3 мая.

Маресьеву на тот момент было 26 лет.

Полковник медицинской службы Василий Григорьевич Миролубов (1891–1957) в 1947–1952 годах был заместителем начальника Института авиационной медицины ВВС по научной работе.

Имеется в виду полковник Иван Ильич Вальчугов (1900—?), сотрудник Управления кадров ВВС РККА, затем Штаба ВВС РККА.

Александр Александрович Новиков (1900–1976) — главный маршал авиации (1944), дважды Герой Советского Союза (1945). С апреля 1942-го по апрель 1946 года командующий ВВС РККА, одновременно в 1942–1943 годах заместитель наркома обороны СССР по авиации.

Ныне Новомосковск Тульской области.

В своих воспоминаниях Маресьев несколько изменил фамилию военврача, правильно — И. К. Собенников.

Запасной авиационный полк.

На момент встречи с Б. Н. Полевым Маресьев являлся лейтенантом.

Генерал-лейтенант авиации Николай Федорович Науменко с мая 1943 года командовал 15-й воздушной армией.

Генерал-лейтенант авиации Евгений Михайлович Белецкий с сентября 1942 года командовал 1-м (с марта 1943 года 1-м гвардейским) истребительным авиационным корпусом.

Название города Нижний Новгород в 1932–1990 годах.

По ленд-лизу США поставляли в СССР большое количество мясных консервов, прежде всего марки SPAM фирмы *Hormel Foods*. Четырехугольная банка имела сбоку ключ, который наматывал на себя при открывании тонкую полосу металла. Шутка заключалась в том, что этот процесс получил название «открытие Второго фронта».

Название Тверской улицы в 1932–1990 годах.

Евгений Гаврилович Кибкало (1932–2003) — советский оперный певец, народный артист РСФСР.

За книгу Борис Полевой получил Сталинскую премию 2-й степени за 1947 год; а за фильм Александр Столпер (режиссер), Марк Магидсон (оператор), Павел Кадочников (исполнитель роли Мересьева), Василий Меркурьев (исполнитель роли Степана Ивановича), Николай Охлопков (исполнитель роли комиссара Воробьева) — Сталинскую премию 2-й степени за 1949 год.

Афанасий Лукьянович Дедов (1913–1961) — в 1948–1949 годах заместитель заведующего Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б).

Ж. Л. Тюлан совершил 55 боевых вылетов и пропал без вести во время воздушного боя 17 июля 1943 года на Курской дуге, тело было найдено только через 20 лет после окончания войны и погребено в Москве на Введенском кладбище, на могиле — табличка «Неизвестный французский летчик». Посмертно он был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени.

Виконт Ролан Польз д'Ивуа де ла Пуап сбил 16 самолетов противника (7 лично и 9 в группе), и 28 октября 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1949 году он вышел в отставку в звании полковника.

К октябрю 1944 года М. Альбер сбил 23 самолета противника, и 27 ноября 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. В 1949 году он вышел в отставку в звании капитана, а в 2010 году, за четыре месяца до своей смерти, был награжден высшей наградой Франции — Большим крестом Почетного легиона.

В 2007 году Г. Х. Попов выступил в защиту генерала А. А. Власова, а в следующем выпустил книгу «Вызываю дух генерала Власова».

Название города Владикавказ в 1931–1944 и 1954–1990 годах.

Президент ТНК «Гермес-Союз», председатель совета АКБ «Гермес-Сбербанк».